

ISSN 0321-3803

Ст.М

Апрель, 1988 г.

Студенческий меридиан

ВУЗ: СТРАТЕГИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

Казанская сходка...

В декабре прошлого года столица Татарии отмечала знаменательный юбилей — 100-летие Казанской сходки, в которой принимал активное участие и молодой Владимир Ульянов.

В наши дни центром торжеств также стал Казанский университет. А юбилей отмечался широко: были, как принято в таких случаях, и митинги, и концерты, и факельное шествие по вечернему городу. Было даже своеобразное «театральное представление», на котором современные студенты, одетые в студенческую форму столетней давности, имитировали ту, давнюю, сходку. Но мне кажется, не эта костюмированная феерия перекинула мостик между веком нынешним и минувшим. Связь времен прослеживается совсем в другом — в боевом, по-настоящему революционном духе студентов Казанского университета.

Как среди студентов 1887 года были «возмутители спокойствия», первыми крикнувшие: «На сходку, товарищи!», так и в декабре 1987 года нашлись те, кто предложил обсудить в эти торжественные дни насущные, а отнюдь не парадные проблемы университета.

Естественно, тем устроителям юбилея, кто по старинке хотел превратить его в демонстрацию достижений и успехов, совсем ни к чему была перспектива проведения не театральной, а настоящей студенческой сходки, с обсуждением очень непростых вопросов и противоречий современности, с возможной критикой в адрес высокой администрации.

Но, как и сто лет назад, прозвучал лозунг: «На сходку, товарищи!» И сходка состоялась.

Сергей Кузнецов

СТМ

Студенческий меридиан

Ежемесячный
общественно-политический
и литературно-
художественный
журнал ЦК ВЛКСМ
и Министерства высшего
и среднего специального
образования СССР

Издается с мая 1924 года.
1988, № 4, 1—80

Главный редактор
Юрий Ростовцев

Редколлегия:

Генрих Волков,
Феликс Волков,
Ирина Голованова,
Владимир Грошев,
Николай Егоров,
Александр Жуганов,
Егор Исаев,
Василий Казаринов,
Анатолий Карпов,
Олег Михайлов,
Ирина Репина
(ответственный секретарь),
Сергей Суятинов,
Илья Толстой,
Игорь Цыбульский,
Вячеслав Шостаковский

Главный художник
А. Архутик

Художественный редактор
К. Кухтин

Технический редактор
Г. Белова

Макет номера
К. Кухтина

В НОМЕРЕ:

ПИСЬМА ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛЮДЕЙ	2
АКТУАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР	
Людмила Швецова. «Давайте думать и действовать вместе»	6
Ольга Боброва, Владимир Слуцкий. Удержаться на гребне	12
Михаил Антонов. Кто положит предел одичанию?	20
ПОЛЬСКИЙ РЕПОРТАЖ	8
Василий Казаринов, Сергей Панин. Что и как?	
С КОМПЬЮТЕРОМ В XXI ВЕК	
Валерий Скрябинский. Из частной жизни ЭВМ	15
ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ НАУКИ	
Лев Гумилев. Авторский замысел и сила открытия	17
УЧЕБА — ГЛАВНЫЙ ТРУД СТУДЕНТА	
Татьяна Должанская. По ту сторону «двойки»	26
НАШИ ПУБЛИКАЦИИ	
Алексей Лосев. Корень учения горек, но плоды его сладки	30
Людмила Шаталова. Двадцать автопортретов	48
Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы	52
ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ	
Ярослав Смеляков	34
ПРОЗА	
Михаил Анчаров. «Козу продам». Повесть	37
ТВОЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ СВЕРСТНИК	
Михаил Щипанов. Поучиться... в Бургундию	57
ВСТРЕЧА	
Степан Воркот. Несущая мечту	62
КОНСУЛЬТИРУЕТ ДОКТОР ДЕРЕШ	
Ключ к пониманию	65
ЗВЕЗДЫ УНИВЕРСИАДЫ	
Петр Плиев. Подождем до осени	71
ДИСКОТЕКА	
Алексей Вейцлер. «Ловите миг удачи!»	78

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Наш адрес: 125015, Москва, Новодмитровская ул., д. 5а, редакция журнала «Студенческий меридиан». Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 27.01.88. Подп. в печ. 11.03.88. А02995. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 824 000 экз. Цена 30 коп. Заказ 21.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, Сущевская ул., д. 21.

© «Студенческий меридиан», 1988 г.

Свежее дыхание

Кажется, только вчера я приехал со съезда комсомола. А ведь уже прошел год, и произошло столько событий, сколько в иные времена не происходило и в пятилетие. Все это встряхнуло нашу студенческую жизнь. Меньше стало того безразличного, даже какого-то полудетского отношения, когда ничего не стоило пропустить пару-другую или ходить целыми семестрами «с хвостами».

Да вот взять хотя бы наш факультет конструирования и производства радиоаппаратуры. Немало студентов ушло на заочное отделение или даже совсем из института, потому что не по силам стало продолжать учебу дальше. Это, наверное, лучше, честнее, чем выжидать, пока тебя приказом отчислят. Но, с другой стороны, и они не совсем виноваты в том, что в первые годы учебы спрос был ниже, да и конкурса почти не было. Так что, даже будучи троечником, сюда попасть было легко. Да и сильных по знаниям студентов такая атмосфера тоже отучила серьезно думать и работать.

Но в теперешнем нашем положении появилась другая опасность: повышенная требовательность преподавателей поставила нас в весьма зависимое положение. Не секрет, что среди них есть и такие, кто попросту в случаях каких-либо недоразумений пугают, в прямом смысле этого слова, предстоящей сессией — тогда, мол, встретимся и «поговорим». Ну а результаты такого «разговора», конечно, могут оказаться весьма плачевными для студента.

Есть у нас и так называемые «больные» вопросы. Мне, например, на комсомольском съезде в Москве пришлось поднять проблему учебников, особенно по такой специальности, как «Автоматика и телемеханика». Ни одного современного учебника в институте по этому предмету не было, поэтому возникало множество недоразумений, конфликтов. Сейчас положение изменилось — помогло мини-

стерство. Но почему нужно было ждать съезда, чтобы решить этот вопрос?!

Как председатель клуба воинов-интернационалистов города Махачкалы, не могу умолчать и о другом серьезном моменте — отношении к нам в институте. Вполне понятно, что наши знания во время нелегкой службы стали несколько слабее. Казалось бы, со стороны преподавателей мы вполне заслужили повышенное внимание. Нет, я не имею в виду поправки, уступки... Я говорю о помощи, каких-то дополнительных занятиях, да и о простой благожелательности. Но ничего подобного не наблюдается: нас приравнивают к мальчишкам, которые пришли учиться после школы. А ведь у «афганцев» и психология уже совсем другая, и отношение ко многому более осмысленное, взрослое, что ли. Преподаватели же порой могут запросто обругать по пустякам, одернуть или даже унижить. По этому поводу, думаю, назрел серьезный разговор с руководством как факультета, так и института. Ведь разумнее будет, если преподаватели в нас увидят помощников, будут поднимать, а не ронять наш авторитет.

Не решено у нас в институте и трудоустройство студентов. Нет ни штаба, ни сектора в комитете комсомола. Поэтому многие не могут найти работу в свободное от занятий время. Да и городу лишние руки не помешают, только вот нужно определиться, как их рациональнее использовать. Думаю, что этот вопрос нам нужно решить в самое ближайшее время.

Ну а в общем атмосфера в нашем институте стала другой, почувствовалось свежее дыхание реформы.

*А. Алисултанов,
политехнический институт,
г. Махачкала*

Риск «свободной профессии»

Я закончил театральное училище. Направление в театр не по-

лучил. Несколько месяцев пытался устроиться по специальности, но... Теперь остается размышлять, как же так случилось, что моя мечта стать актером не состоялась. Ведь не секрет, что вот уже несколько лет у нас существует открытая актерская безработица. А сколько скрытой? Когда, работая в театре, актеры годами не получают роли? А между тем театральные училища, независимо от того, обладают ли они высококвалифицированными педагогическими кадрами, продолжают выпускать актеров, не считаясь с потребностью в них театров.

Когда поступал в училище, то не понимал, что выбираю себе «свободную профессию», что обрекаю себя на пожизненное участие в состязательном процессе. И только теперь понял, что никто не может дать мне гарантии профессиональной занятости. Ни диплом в кармане, ни талант, ни руководящие искусством инстанции. Жаль, что идущие в искусство юноши и девушки к этому не подготовлены. Некоторые мои товарищи по учебе, не сумевшие, как и я, найти работу в театре, даже считают, что в отношении к ним нарушен основной закон Конституции, гарантирующий право на труд.

Сегодня сотни актеров и многие режиссеры пробавляются временными заработками на радио, телевидении, кочуют по стране. Но и таких, временных рабочих мест не хватает, и нередко актерам с дипломами приходится, как и мне, менять профессию. И это отнюдь не всегда люди, лишенные способностей. Так складывается судьба...

И. Бондаренко, г. Киев

Вернемся к добровольности

Не знаю, как в других вузах страны, а у нас в университете трудовой семестр можно назвать добровольно-принудительным. Предвижу, что сразу же появятся возражения: «А как же иначе привлечь студентов к

работе? Ведь сделай эту систему добровольной, мало кто пойдет в стройотряды».

Эти возражения, конечно, верны, но давайте посмотрим, почему же все-таки и как мы пришли к такому?

Насколько мне известно, студенты 50, 60 и даже 70-х годов просто рвались в стройотряды. Время проведения трудового семестра они считали лучшим временем за весь курс. А сколько было интересных рассказов о том или ином отряде! Так в чем же причина? Может быть, изменилось сознание молодежи?.. Что же, может быть, но неужели изменение сознания было таким резким, что все сразу не захотели работать (за небольшим исключением, конечно)? Нет, дело здесь не только в этом. Не последнюю роль играет и быт студентов в отрядах, но и это, мне кажется, не главное. Мне думается, что основная причина в том, что труд стал принудительным...

Давайте попробуем вернуться к добровольности. Согласен: вначале будет трудно, мало кто изъявит желание поехать, и материальная заинтересованность может не сработать. Студент лучше поедет домой и там поработает и получит такие же деньги, а может быть, и больше. Так где же выход? Как быть?

Предлагаю всем вместе обсудить эту проблему на страницах «Студенческого меридиана».

А. Исаев, Ростовский госуниверситет

Давайте действовать!

В вашем журнале я прочитал предложение участников клуба-студии «Поэтическое слово» Донецкого Дома учителя об организации в Москве парка (сквера, сада) Владимира Высоцкого.

Давайте действовать! Вот уже более четверти века пустует огромная территория у станции метро «Кузьминки», где сейчас строится театр. Около театра можно создать великолепный сквер. Рядом — метро, Волгоградский райисполком (отдел культуры), Дом культуры АЗЛК. Может быть, комсомольцы АЗЛК взяли бы шефство над таким сквером? Ведь здесь можно проводить вечера отдыха, просто читать стихи и петь песни Владимира Высоцкого, встречаться с теми, кто его знал...

—Для того чтобы нарисованная картина стала реальной действительностью, нужно только организовать субботник — посадить деревья и кустарники, сделать лавочки и небольшую эстрадную площадку, установить бюст В. С. Высоцкого...

А можно поступить по-другому. Несколько лет назад на Малой Грузинской улице устраивалась выставка интересных фотографий Владимира Высоцкого. Наверное, их авторы согласились бы помочь оформить сквер памяти этого поистине народного артиста — «поделиться» бы редкими снимками... И тогда сквер стал бы непохожим

на десятки других — в нем каждый вел бы диалог со «своим» Высоцким.

Может быть, у кого-то есть другие предложения? Их надо побыстрее собрать, обсудить — и действовать!

В. Родионов, Москва

Ждем анкету

Несмотря на то, что наши представители встречаются теперь в ученых советах вузов, по-прежнему остаются целые зоны вне критики, а преподаватели не считаются с нашим мнением.

Очень надеемся на анкету «Преподаватель глазами студента», которую рекламируют Минвуз и ваш журнал. Но ее пока никто в вузе в глаза не видел.

Может быть, осенью, накануне опроса студенческого мнения, ее стоило бы опубликовать на страницах журнала, чтобы ее не забыли нам предложить?

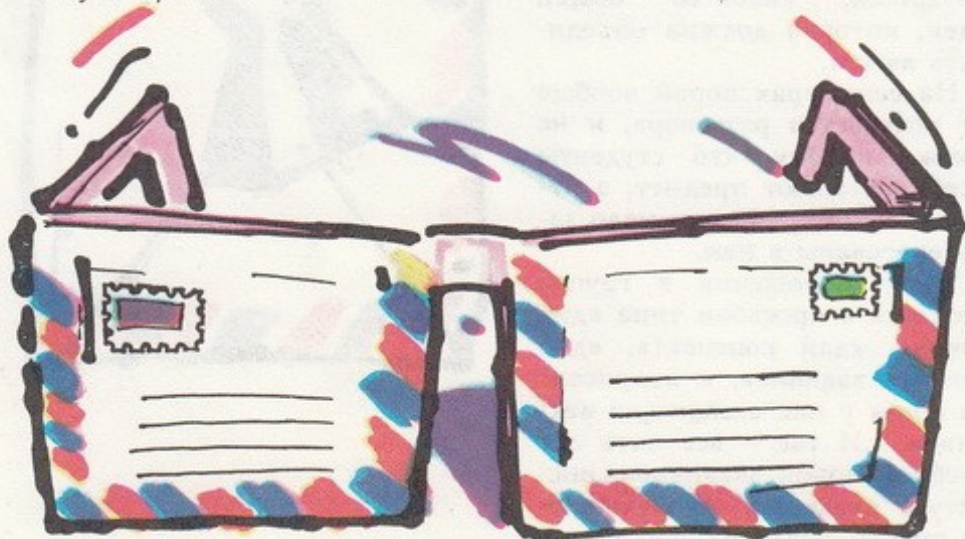
А. Королев, ЛИАП

Где взять словесника?

Меня волнует проблема подготовки русских словесников. Из года в год в стране увеличивается выпуск специалистов по всем языкам мира. Конечно, сейчас, когда широко развиваются международные связи, в этом есть необходимость. Но почему одновременно с этим сокращается подготовка специалистов по русскому языку? Думается, что ни к чему хорошему это привести не может.

У нас в Ленинградском университете, например, двадцать пять лет назад на отделение русского языка принимали 135 человек. В последние годы прием на этот факультет доведен до 25 человек. В то же время только в нашем городе не хватает более трехсот словесников-русистов. Но зато романистов-германистов сейчас девать некуда. К чему перепроизводство?

И вот получается абсурдное положение. Чтобы получить работу, германисты идут преподавать русский язык, на ходу переучиваясь. Но таким спе-

Графика А. Лобашинского

циалистам, как правило, не хватает профессионализма, знания традиций, и, стало быть, качество их работы не может быть на высоте.

Кто же задумается всерьез над тем, что у нас все меньше и меньше становится специалистов русского языка?!

Б. Колосков, Ленинград

Сомнительная фантазия

В оцепенении останавливаюсь у витрины ателье на улице Жданова, расположенного напротив выхода из метро «Кузнецкий мост». Читаю объявление о том, что ателье № 18 по ул. Чернышевского, 16 изготавливает молодежные куртки, образец которых представлен здесь же. Эту болоньевую куртку не отличает ни фантазия модельера, ни новизна конструкции. Изделие ничем не примечательно (сужу об этом как профессионал). Но что же привлекает внимание прохожих — москвичей и гостей столицы? Цена? Нет (хотя стоит более ста рублей). Предложение о срочности изготовления? Тоже нет. Всех потрясает выдумка кооператоров с символикой на этой куртке.

На груди изображен американский флаг, где в качестве звезд, обозначающих все штаты США, кооператоры использовали звезды, которые наши солдаты носят на погонах.

Первое чувство — задыхаться от возмущения. Не знаю, на кого это рассчитано, но хочется думать о нашем обывателе лучше.

Интересно, до чего еще дойдет фантазия предприимчивых кооператоров? Вряд ли здесь может идти разговор о каких-либо моральных ценностях.

В. Токмань, МТИ

Хотим быть театром

Пишет вам бывшая заводила, лидер «тусовки». Бывшая потому, что меня больше не устраивает пустое времяпрепровождение. Поделилась своими мыслями с ребятами, и компания наша распалась. Но те, кто ос-

тался, решили создать свой небольшой театр миниатюр. Начали репетиции, договорились даже с одним ДК о вечере. Однако все сорвалось: многих ребят забрали в армию, другие поступили в различные вузы страны. Нас осталось трое.

Но мы тем не менее не бросили начатое. Пошли в клуб, рассказали о себе, и нам выделили помещение, причем, на наш взгляд, вполне приличное. Попытались привлечь друзей. Дело это непростое (никому не хотелось ремонтировать мебель, рисовать газету). Но мы хотим быть театром.

Я написала небольшой сценарий-программу, рассчитанный на 40 минут. Использовали материалы вашего журнала, но есть и наши выдумки. Мешает только, что нет никакого опыта.

Мы решили обратиться к вам. Просим помощи у всех самодеятельных студенческих театров миниатюр. У нас множество вопросов, которые некому задать.

Ждем ответа от вас!
*Т. Ключева, г. Шевченко
Мангышлакской области*

Как формировать учебные группы?

Редко бывает, что в академической группе все складывается благополучно. Возникают открытые конфликты, но встречается и другая крайность — разобщенность, отсутствие общих интересов, какой-то общей идеи, которая должна объединять людей.

На семинарах порой вообще не получается разговора, и не только потому, что студенты якобы не знают предмет, а отчасти потому, что они мало заинтересованы в нем.

Часто отношения в группе сводятся к просьбам типа «дай ручку», «дай конспект», «дай списать задание», к вопросам: «а когда у нас следующая лекция?» ...И так — все пять лет учебы. И порой, заканчивая институт, студенты, проучившиеся вместе, почти не знают друг

друга. Да и не хотят знать.

Совсем другое дело — спецсеминары, где объединяются люди, интересы которых более-менее совпадают. Здесь и общение гораздо интенсивнее, и вынести с такого семинара можно гораздо больше.

Академические группы создаются в самом начале обучения — преимущественно по результатам вступительных экзаменов. И — до последнего звонка. Спецсеминары формируются гораздо позже, когда становятся более определенными интересы, когда студенты сами начинают себе выбирать род занятий, тему.

Трудно предложить какой-то выход, потому что формировать группы нужно в самом начале. Но, может быть, ввести какую-нибудь систему тестирования или к третьему курсу, когда начинается специализация, пересматривать состав группы? Или найти иной способ?

Хотелось бы знать, задумываются ли об этом студенты других вузов и есть ли у них какие-либо предложения на этот счет...

М. Николаева, г. Хабаровск

Зачем мне нужен Макаревич...

Сейчас стало модно все критиковать. А я хочу рассказать, что мне нравится. Речь идет о творчестве «Машины времени». И пусть кому-то покажется, что сегодня уже не престижно быть поклонниками этой группы — куда лучше скандировать «Спартак» — чемпион»...

Зачем мне нужен Макаревич? Я — одинокий человек, поболтать есть с кем, а вот поговорить... Выход из положения я нашла такой: в трудную минуту знакомый голос из магнитофона беседует со мной о том, что мне близко и понятно...

Неполноценное общение? Согласна. И не буду утверждать, что больше мне ничего не надо. Но Макаревич мне может дать больше, чем любой из моих знакомых!

Итак, Макаревич. Он — архитектор по образованию и наверняка знает три принципа архитектуры: «Польза, прочность и красота». Эти законы я нахожу в его творчестве.

Спросите: какая польза от песен? Они заставляют задуматься над тем, зачем и как живешь. В этом вижу безусловную пользу. А прочность ансамбля уже в том, что он просуществовал 17 лет, оставаясь, по сути, в постоянном составе. А красота? Да, Макаревич — не блестящий вокалист и не виртуоз-гитарист, мелодии не всегда чисты, да и в стихах встречаются штампы... «Машина времени» — не ширпотреб. Это, простите за банальность, нечто исключительное, — «для души». И поэтому эта музыка мне нужна. Правда, недавно по радио я услышала, что, мол, рок — это агрессивная музыка молодежи только в определенном возрасте, когда особенно сильно стремление к справедливости, отрицание лицемерия. А потом все проходит.

Как это — проходит? Что — потом начинается равнодушие? А перестройка? А идеалы революции?.. Равнодушные не

станут за них бороться. А мы — боремся.

Н. Вихрова, студентка

Коллеги?..

Очень часто преподаватели не просто грубы с нами, но всячески подчеркивают пренебрежение и даже неуважение. Оно выражается и в том, что преподаватель может опоздать на лекцию, может грубо прервать студента, когда тот, пусть и косноязычно, пытается выразить свою мысль на семинарском занятии.

Как при таких ситуациях можно рассчитывать на отношение преподавателей к нам как к младшим коллегам?!

Весь мой горький вузовский опыт говорит о том, что это пока утопия.

Н. Пирогова, г. Пермь

Только статисты?

Вчера мой товарищ по общежитию рассказал о том, как он, член ученого совета, пытался высказать свою точку зрения. Но его тут же оборвали и многозначительной фразой ректора (в общем-то, обтекаемой, не грубой, но обидной) вернули на «свое» место.

Таким образом, получается, что нас просто включили в какую-то игру, правила которой не предполагают нашего деятельного участия. Мы — только статисты для демонстрации широты взглядов администрации, для показательной демократии...

Н. Никифоров, г. Киев

От редакции. Уважаемый тов. Никифоров! Все мы еще только учимся демократии. Конечно, ректор повел себя неправильно по отношению к представителю студенчества в ученом совете. Но едва ли нужно делать очень широкие выводы из единичного факта.

В то же время мы просим всех наших читателей обозначать проблемы более конкретно, смело рассказывать о тех ситуациях в вузах, участниками которых вы становитесь.

На словах единомышленники...

Студент и преподаватель... Но контакты-то между ними сугубо формальные: сегодня они встречаются только на лекциях и экзаменах.

Обидно читать о таких временах, когда студенты приглашались в гости к профессорам и в неформальной обстановке старшие и младшие вели беседы по самому широкому кругу вопросов.

Речь шла о науке, но и не только о ней. А именно в такой, по-хорошему интимной, взаимоуважаемой обстановке и рождаются подлинные взаимоотношения товарищества, преемственности, уважительности.

В такой обстановке рождались единомышленники, возникали научные школы...

Именно все это я и рассчитывал встретить в стенах университета, а никак не равнодушные.

Моя творческая судьба, увы, никого не занимает. А ведь я не рядовой студент, я — именной стипендиат, уже имею научную работу. Я бы хотел сблизиться с одним из профессоров нашей кафедры, но как это сделать?..

Н. Прохоров, г. Харьков

Студент в ученом совете

Хорошо бы дать на страницах журнала репортаж с одного заседания вузовского ученого совета, где бы воочию были представлены действующие студенты, способные ставить вопросы и отстаивать свою точку зрения.

Нас нужно учить гласности, демократии. Ведь не секрет, что и со стороны студенчества полно амбиций, необоснованных обид и претензий.

Вот и важно показать, как умный ученый совет взаимодействует со студенческими представителями.

Г. Васильева, г. Курск

«Давайте думать и действовать вместе»

Людмила Швецова,
секретарь ЦК ВЛКСМ

Не скрою — мы, члены делегации Студенческого Совета СССР, направляясь в Гавану, нет-нет да и ощущали в себе определенные нотки беспокойства. Не возобладает ли на этом, можно сказать, юбилейном конгрессе, проводимом к тому же в знаменитой на весь мир своей неутомимостью, карнавальным весельем кубинской столице, некая праздничная эйфория? Не потеряют ли в таком случае свою тревожную остроту очень многие проблемы, которые будоражат сегодняшнее студенчество на всех материках?

Но, к счастью, оказалось, что наши опасения были напрасными. Один лишь штрих: почти никто ни в выступлениях, ни в дискуссиях, ни в обычных разговорах так и не употребил термин «юбилейный». Праздничная атрибутика и риторика как-то сразу отодвинулись на задний план, растворились в четком, деловом ритме студенческого форума. Частенько и суток не хватало для того, чтобы подвести черту под жаркими дискуссиями, страстными и полемичными выступлениями участников конгресса. Одно огорчило — из-за напряженного рабочего графика мы так и не успели толком рассмотреть красавицу Гавану.

Пожалуй, это был первый за последние два десятка лет конгресс, прошедший в новом стиле, суть которого как нельзя лучше сформулировал президент МСС Йозеф Скала: меньше бумаг, больше дела, больше демократизма, открытости. Тем самым были закреплены позитивные перемены, которые наблюдаются в деятельности Международного союза студентов в последний период. А перемены эти знаменуют собою становление в международном студенческом движении принципов нового политического мышления. Нам, советским людям, было, конечно, приятно осозна-

вать, что идеи нового политического мышления, которые последовательно и активно выдвигает и отстаивает наша страна вместе с братскими странами социализма, завоевывают все новых и новых сторонников среди прогрессивного юношества планеты. А как возрос интерес к переменам в советском обществе! Долго не смолкали под сводами Дворца конгрессов аплодисменты, когда мы передавали в дар МСС книгу Михаила Сергеевича Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» с подписью автора. Встречаясь и беседуя с посланцами студенчества планеты, мы лишний раз убедились, что русские слова «перестройка» и «гласность» прочно утвердились в самых разных языках и наречиях.

...Сорок второй год существует Международный союз студентов. Много было в его истории: взлеты и потеря набранной высоты, крупные успехи и досадные неудачи. Будущее союза всецело зависит от того, насколько правильными и дальновидными окажутся уроки из прошлого опыта, в какой степени удастся ему укрепить свои позиции в международном демократическом студенческом движении.

Борьба за мир и разоружение, развитие антиимпериалистической солидарности, демократизация образования, защита прав и интересов студентов всегда были в центре внимания МСС. Можно приводить немало примеров активного участия студенческих организаций в решении таких проблем, как экономическая безопасность, права студентов, справедливое решение вопросов внешней задолженности, гуманитарное сотрудничество, ликвидация дискриминации на религиозной, национальной и расовой основе.

Но день сегодняшний поставил качественно новые проблемы. Нельзя не видеть, что в мировом студенческом движении все большую популярность приобретают общедемократиче-

ские лозунги, сориентированные на идеалы гуманизма. Вполне закономерно, что МСС не может стоять в стороне от этих тенденций.

В Гавану приехали молодые люди, исповедующие различные политические, философские, религиозные взгляды, — всего около полутысячи представителей студенческих организаций Европы, Америки, Азии и Африки. Наивно полагать, будто конгресс снивелирует эти различия. Нет, они были, есть и будут оставаться. Но в этом случае не лучше ли будет, если полемический пыл сосредоточить не на том, что различает студенчество разных стран и организаций, а на том, что нас сближает, объединяет? Именно в таком ключе и предложила наша делегация вести дискуссии на конгрессе. И, как мы убедились, наше стремление оказалось созвучно усилиям абсолютного большинства участников конгресса.

Да, молодое поколение планеты объединяет многое. И прежде всего обострившееся осознание общечеловеческих интересов, важности сохранения жизни на Земле. Не единожды на конгрессе звучала поистине страшная статистика. Каждый год в мире расходуется на вооружение около триллиона долларов. Эта цифра равна той сумме, которую составляют долги стран «третьего мира». По воле небольшого числа финансистов и банкиров разоряются целые страны, опутанные сетями задолженности, которую они не в состоянии погасить. В то же время 40 тысяч детей ежедневно умирают от голода и болезней, 120 миллионов детей не имеют возможности учиться из-за отсутствия школ, 550 миллионов человек полностью безграмотны, 900 миллионов людей живут всего на 30 центов в день.

Гонка вооружений и бесконтрольная эксплуатация нашей планеты угрожают разрушить окружающую среду, привести к необратимым, роковым последствиям для всего человечества. Можно ли допустить такое?

Выживание человечества, признание приоритета общечеловеческих ценностей — вот ядро нового политического мышления. Ему необходимо учиться вместе. И не случайно, что состоявшаяся здесь же, в Гаване, параллельно с XV конгрессом МСС Всемирная студенческая конференция так и называлась: «Учиться жить и работать вместе во имя лучшего будущего».

На конференции от советского студенчества выступила четверокурсница из Воронежского политехнического института Маша Пастухова, а следом за ней — председатель Студенческой ассоциации США Элизабет Бёпи. И хотя одна из них выступала на русском, а другая — на английском языке, по сути, обе они говорили об одном и том же: о мире и разоружении, о бессмысленности ядерной войны и неприемлемости милитаризации космоса, о необходимости найти выход из тупиков вражды, недоверия и предубежденности.

Конечно, столь очевидные акценты на общечеловеческих интересах, прозвучавшие на Гаванском конгрессе, вовсе не есть свидетельство отказа прогрессивного студенчества от традиций антиимпериалистической борьбы. Многие ораторы приводили новые убедительные факты, разоблачающие антинародную сущность империализма, реакционность его политики и идеологии, попытки закамуфлировать неизлечимые пороки. С болью и гневом говорили участники специальной пленарной сессии конгресса, посвященной солидарности с народами и молодежью Никарагуа и других центральноамериканских государств, о явных и тайных попытках администрации США блокировать пути мирного урегулирования затяжного кризиса в этом районе мира.

Гаванский конгресс стал самым представительным по политическому и географическому составу участников и самым уникальным еще в одном отношении — по уровню интереса к нему международной общественности. В зале заседаний и кулуарах Дворца конгрессов мы могли встретить представителей ООН и ЮНЕСКО, Всемирного Совета Мира и Организации солидарности народов

Азии и Африки, Международной организации журналистов и Всемирной федерации демократической молодежи. Внимание со стороны организаций, не входящих в МСС, к конгрессу было повышенное — более 140 наблюдателей следили за его работой. Здесь появились и представители студенческих объединений, которые все последнее время стояли в стороне от МСС, — американцы, англичане, голландцы, бельгийцы, французы... А кроме того, в ряды МСС было принято 13 новых студенческих организаций, 7 из которых представляют азиатско-тихоокеанский регион.

Вспоминая массу интересных событий, происходивших в дни работы конгресса и Всемирной студенческой конференции, могу с удовольствием констатировать, что многие из них по праву ассоциируются с понятием «впервые».

Как никогда активно работала комиссия по глобальным проблемам современности. Защита окружающей среды, поиски новых источников энергии, обеспеченность населения Земли продовольствием, ресурсы планеты, новые грозные болезни, ликвидация неграмотности, ужасающей нищеты в ряде регионов мира — обо всем этом шел серьезный, равнодушный разговор, в котором слышались нотки неподдельной тревоги, озабоченности молодежи за судьбы планеты.

Новым содержанием наполнились заседания региональных и тематических дискуссий. Как и следовало ожидать, обсуждение конкретных проблем и ситуаций в «горячих точках» планеты получилось бурным, противоречивым. Но не будем забывать, сколь сложными и подчас противоречивыми являются и сами региональные конфликты. А их, между прочим, за последние четыре десятилетия вспыхнуло уже больше сотни. Число жертв перевалило за 90 миллионов человек. В жестоких войнах — объявленных и необъявленных — истощаются силы народов, зачастую и без того обездоленных, придавленных нищетой и отсталостью.

Вряд ли какой-нибудь из прежних конгрессов МСС может записать в свой актив такой глубокий, серьезный научный анализ собственно студен-

ческих проблем, реформ систем образования в различных странах, вопросов защиты прав студентов.

Среди множества предложений, прозвучавших в Гаване, особенно широкую поддержку получил призыв создать при МСС Международный фонд студенческой солидарности.

Ну а что, казалось бы, делать тут учащимся средних специальных учебных заведений? И тем не менее их представители были в Гаване, рассказывали о своих делах, заботах. Проблемы подростков, их участие в общественной жизни сегодня занимают многих — об этом и шел разговор на конференции учащихся средних специальных учебных заведений, который проходил в рамках конгресса.

И все резолюции были одобрены на основе консенсуса — это тоже впервые...

Конечно же, краткое, схематичное перечисление тех новых черт, которые проявились на Гаванском форуме МСС, не может дать полного представления о той атмосфере демократизма, открытости, которая царила в эти дни в залах и коридорах Дворца конгрессов. И, думается, перед каждым участником форума не стоял вопрос: какую дверь открыть? В какой дискуссии принять участие? Всюду — злободневное, интересное, всюду — важное. И главное — всюду присутствовал дух коллективного поиска истины. А по итогам конгресса было принято открытое письмо МСС к студенчеству. Само название его: «Точка зрения МСС: давайте думать и действовать сообща» — как нельзя лучше соответствует реалиям нашего времени, принципам нового политического мышления.

Покидая гостеприимную кубинскую землю, мы были преисполнены уверенности в том, что этот призыв получит широкий отклик в студенческих аудиториях во всех уголках нашей планеты.

ПОЛЬСКИЙ РЕПОРТАЖ

Что и как?

Василий Казаринов, Сергей Панин

«Если знаешь, ЧТО и КАК сделать для народного хозяйства и хочешь заработать, приходи к нам» — так выглядит текст рекламной наклейки фирмы Агротехника.

В Польше сейчас действует около трехсот молодежных кооперативных объединений. Все они работают на основе полной самокупаемости.

Наши корреспонденты рассказывают о некоторых из них.

30 грошей — не деньги...

В самом центре города, в проулке, зажатом со всех сторон роскошными витринами супермаркетов, кафешек и сувенирных магазинчиков, среди праздничношатающейся неозабоченной толпы, жующей на ходу мороженое или вафли с кремом, один человек занят делом. Девушка на вид лет девятнадцати тащит на плече лесенку, в руках у нее ведро с водой. Ее забота — фонари. В большом городе они пылятся быстро, мутнеют их прозрачные колпаки — девочка не спеша движется по проулку, драит, моет, и легкие

радужные брызги с ее тряпки срывает неожиданный ветер и разбрасывает веером над головами прогуливающих.

Среди всеобщей беззаботности она, старающаяся на общее благо, смотрится приятным исключением.

Впрочем, исключением она представляется лишь постороннему взгляду. на самом деле хранительница чистоты уличных фонарей есть подтверждение правил, вошедшего тут в обыкновение, и всякий житель города без раздумий определит ее профессиональную принадлежность, а также сможет предположить ее дальнейший маршрут.

Наведя порядок в проулке, она направится в сторону университета, поднимется на этаж, где располагается бюро Объединения польских студентов — там при входе есть маленькое окошечко, на котором прищиплен тетрадный листок, сообщающий, что здесь касса «Студент-сервиса» — и получит причитающийся ей гонорар.

Она — одна из тридцати пяти тысяч польских студентов, совмещающих работу и учебу. Это выгодно ей, лишние деньги не помешают, это и городу удобно — с его улиц к утру сметен мусор прожитого дня, а к вечеру блещут его фонари.

Потом она заглянет в маленький тесный подвальчик. Прежде подвал был бесхозен и захламен, студенты увидели в этом беспорядок и оборудовали кафе. Теперь «Сигма» (так кафе называется) наполнена обычной вечерней жизнью, тут не протолкнуться, сочатся табачно-кофейные ароматы, на крохотной сценке работает в поте лица одна из многочисленных рок-групп — под этот аккомпанемент Ярослав Эндер, студент факультета политических наук, рекламирует нам университетскую выставочную галерею «Брама».

Ярослав Эндер

Должно быть, это не самое скучное место в Варшаве, здешние вернисажи очень уважаемы студентами, а не так давно возле галереи можно было наблюдать совершенно очаровательные сцены: у входа случилось столпотворение чрезвычайно respectable публики, жаждавшей увидеть уникального Сезанна.

Кто-то из студентов (с чувством юмора у этого человека все в порядке) вывесил на двери галереи, где устраивалась выставка детского рисунка, плакат, сообщавший, что «Брама» представляет работы Сезанна-

школьника, Ван Гога-школьника, Гогена-школьника и прочих гениальных школьников, — в результате в тот же вечер сюда слетелась масса мужчин в галстуках-бабочках и женщин с бриллиантами в ушах, и Ярослав про себя отметил, что «съехались все снобы Варшавы».

Снобы разглядывали рисунки варшавских детей, пытались различить в бесхитростных картинках «сезанновский взгляд» и «гогеновский мазок», понимая кивали — чем и доставили студентам немало радости.

Ну а если серьезно, то университет является одним из главных центров организации культурной жизни молодежи в Варшаве.

Самый большой и качественный кинофестиваль в стране после широко известного Гданьского — дело рук студентов. В клубе «Хибриды» можно увидеть фильмы — самые популярные, самые свежие, — которых не увидишь на экранах кинотеатров. Тут же проходят выступления популярных кабаре. Огромной популярностью пользуется университетская «фотогалерея», где представляются лучшие работы профессиональных мастеров. Массу народа собирает «Фестиваль жизни», посвященный экологическим проблемам, Всепольский фестиваль авторской песни, о рок-фестивалях и говорить не приходится, один из последних, собравший представителей всех мыслимых и немыслимых рок-вероисповеданий, бушевал в цирке восемь часов кряду, а на ночь переместился в студенческий клуб.

Это лишь крупные фрагменты обширной культурной программы последних месяцев, которую проворачивает комитет ОПС. Но чем питается этот динамичный механизм культурной жизни, попросту говоря: откуда деньги?

Ярослав в традиционную нашу заинтересованность по поводу финансовых подпиток и различных денежных вспоможений (без которых мы долгое время себе молодежный досуг не мыслили, кто-то обязательно должен дать, отчислить, перечислить, заплатить!) что-то долго не может вникнуть.

— Все, что мы делаем, само-

окупаемо... Ну а потом у нас же есть своя фирма, поможет в случае чего.

Фирма — это «Студент-сервис».

За фирму в комитете ОПС отвечает Кшиштов Коженевский. Степень серьезности его работы обозначена должностной характеристикой — в разговоре он упоминается не как Кшиштов, а исключительно как «директор Коженевский».

Человек он совершенно неуловимый. Если вам вздумается разыскать его по телефону, то вы будете нарываться на вежливый отказ: «Директор Коженевский занят...», «Директор Коженевский уехал по делам...»

Дел у него хватает, это верно.

Надо устроить студентов на уборку улиц, ремонтные, строительные работы — с этим практически может справиться каждый. Но есть в составе «Студент-сервиса» и бригады, участие в которых требует серьезной профессиональной подготовки.

— Каковы условия участия студента в хозяйственной деятельности? — этот вопрос к Йозефу Гаю, председателю комитета ОПС.

— Вполне приемлемые, у нас работать выгодней, чем в «Университасе» или «Артусе».

Оказывается, «Студент-сервис» вынужден конкурировать с аналогичными организациями в университете. А состояние конкуренции, как известно, заставляет всякого хозяйственника заботиться о состоянии дел. «Студент-сервис» снизил процент отчисления с зарплаты, необходимый для покупки оборудования, оплаты орграсходов до минимума. С каждого заработанного злотого организация получает 30 грошей против шестидесяти в «Университасе» и сорока двух в «Артусе» — и тем самым привлекает к себе людей.

30 грошей — не деньги, ерунда, мелочь, сумма скорее символическая, на них коробку спичек не купишь.

Но к той девочке, что моет в центре города фонари, они возвращаются твердым месячным заработком, а кроме того, вернисажами в «Браме», фестивалями, рок-концертами, словом, достаточно нескудной — в свободное от занятий время — жизнью.

Риск — благородное (и прибыльное) дело, —

если он экономически рассчитан.

35 тысяч человек в масштабах страны — это вполне солидное трудовое объединение, обеспечить его мобильность, эффективность, рентабельность дело далеко не простое — об этом мы говорили с Мариушем Лешаком, руководителем отдела студенческих кооперативов ОПС.

— Началось все в 1983-м, когда государство дало Объединению разрешение на самостоятельную хозяйственную деятельность...

(Тут нам не обойтись без некоторой статистики. Старт всякой коммерческой организа-

ции предполагает наличие известного исходного капитала, он нашелся в казне ОПС и был достаточно скромным: 5 миллионов злотых, это около 55 тысяч рублей. Старт оказался динамичным, сейчас годовые объемы услуг, выполняемых «Студент-сервисом», исчисляются двумя миллиардами, то есть примерно 23 миллионами рублей. При очень приличном уровне рентабельности — 15—18 процентов.)

— Структурно «Студент-сервис», — продолжает Мариуш, — выглядит так: в каждом вузовском центре есть отделение, всего их по стране 22.

— А штаты?

— Скромные... Принцип самокупаемости не позволяет роскоши держать лишних людей. «Студент-сервис» — ос-

новая организация, кроме того, в вузах много мелких кооперативов.

— Работа в основном черновая, неквалифицированная?

— Вовсе не обязательно. В политехническом институте студенты выполняют вполне серьезные проектные разработки, в сельхозакадемии есть группы по формированию зеленых насаждений Варшавы.

«Студент-сервисом» не ограничивается хозяйственная деятельность ОПС. Много лет успешно работает студенческое туристическое бюро «Альматур», устраивает туристические поездки по стране и за рубежом, организует международные студенческие гостиницы, лагеря. «Альма-арт» специализируется по оказанию услуг,

связанных с развитием культурной жизни, устраивает концерты, договаривается с государственными предприятиями о записи кассет, пластинок, проводит конференции по проблемам культуры.

«Альмапресс» — это студенческое издательство, работает на принципах хозяйственной автономии, выпускает художественную, общественно-политическую литературу.

— Мариуш, ты говорил, что ОПС финансирует студенческую инициативу... Видимо, это не просто благотворительность?

— Естественно. Вложенные средства должны давать отдачу. Процент прибыли поступает в фонд ОПС.

Рискнув однажды своими деньгами, молодежные органи-

зации Польши на сегодняшний день явно не в прогаре — отчисления только в кассу Союза социалистической польской молодежи, например, ежегодно составляют два миллиарда злотых.

Впрочем, наивно было бы предполагать, что тот же «Студент-сервис» столь быстро пошел бы в гору, держись он исключительно принципов молодежной инициативы... Нет, он твердо стоит на почве строгого профессионального расчета — как и большинство молодежных кооперативов. «Прогар» дела был бы обеспечен, не имей его организаторы четкого знания экономической конъюнктуры и тех «прорех» в сфере услуг, которые можно и нужно было закрыть.

Риск, конечно, был — но он не безрассуден, а осознан, учитывал перспективу.

Фото авторов

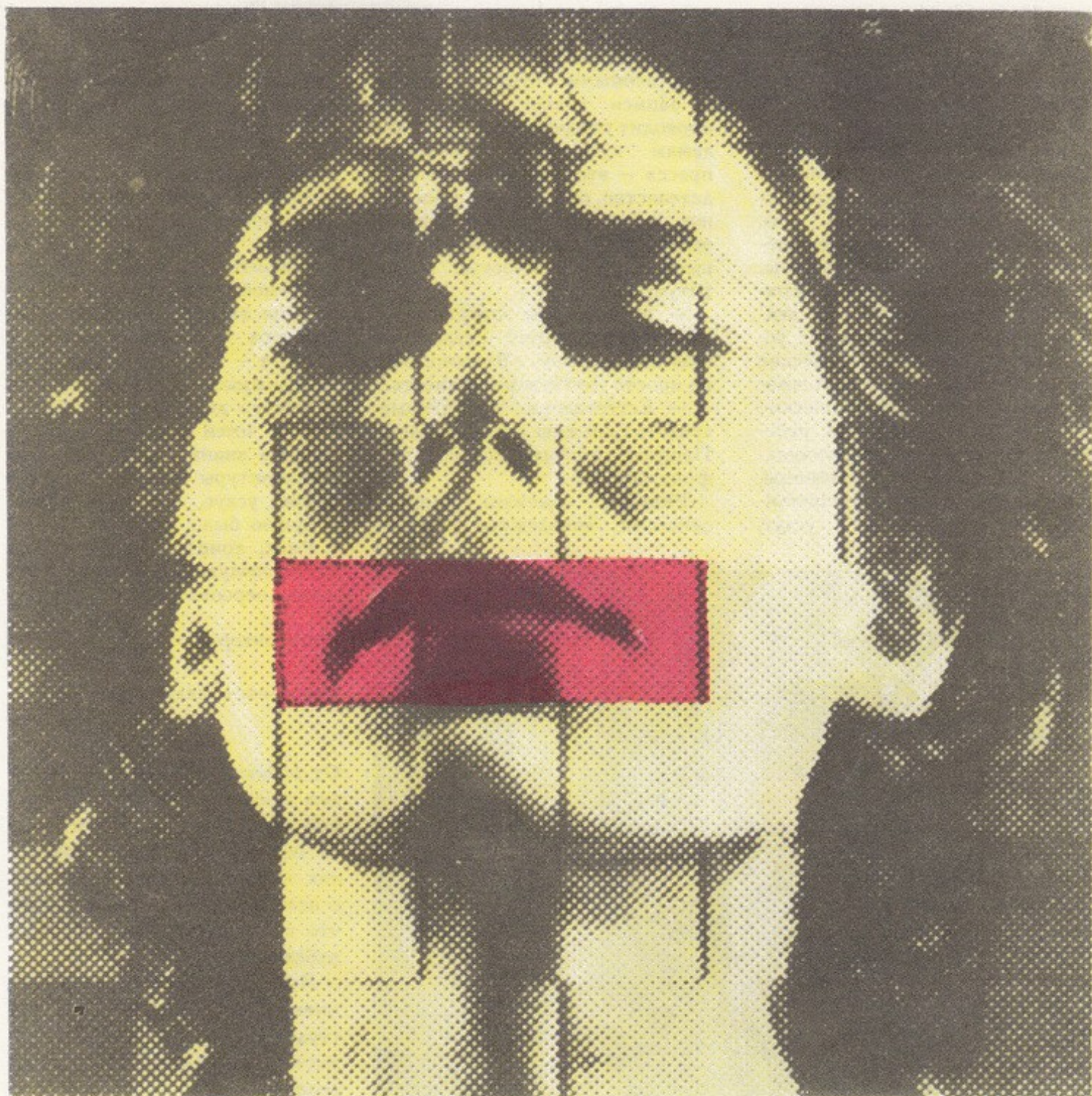
Окончание в следующем номере

От редакции. Мы и дальше будем знакомить читателя с опытом работы служб студенческого сервиса и будем стараться как можно шире рассказывать о нем, причем не только о том, что происходит у нас, но и за рубежом.

Последнее время отмечено интересным процессом в среде студенчества, молодых специалистов и ученых. Это резкое возрастание, точнее даже взрыв творческой активности, связанный с возникновением молодежных хозрасчетных центров и кооперативных объединений.

Но нельзя объять необъятное, и что-то наверняка может ускользнуть от нашего внимания. Поэтому призываем вас всех, наши дорогие читатели, откликнуться и рассказать о том, как у вас обстоят дела с кооперативными студенческими службами, есть ли таковые, чем они занимаются, за что взялись, о возможностях и перспективах их развития, а может быть, просто поделитесь своими сомнениями, проблемами, впечатлениями.

АКТУАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Удержаться на гребне

Ольга Боброва, Владимир Слуцкий

Тайфунами на Сахалине никого не удивишь. Местные жители привыкли к ураганному ветру, к огромным океанским волнам, к секущему проливному дождю.

Когда один из нас приехал сюда, то тоже попал в тайфун. И даже не в один, а в два. Первый тайфун носил название «Дина» и оставил после себя разбитые форточки, оборванные провода, сбитые опоры электропередачи, вырванные с корнем деревья.

Второй названия не имел, его последствия были не столь очевидны, но не менее разрушительны. Разразился он в Южно-Сахалинском педагогическом институте и произвел на нас куда большее впечатление, чем разыгравшаяся стихия.

А началось все со статьи в газете «Советский Сахалин», опубликованной под рубрикой «Реформа высшей школы». Ее автор — студентка третьего курса физико-математического

факультета Люба Рябинина. Что же касается перестройки, то ее в своем институте она видела далеко не в радужном свете.

С горечью писала автор о том, что студенты в перестройку в их вузе не верят. Интересные, дельные предложения ребят тонут в океане пустопорожних фраз. Писала о крайне невысоком уровне преподавания некоторых дисциплин, лекции читаются однообразно, в них почти не вводится современный материал. К критике многие преподаватели относятся очень болезненно, в ответ на любое замечание советуют забирать документы из института. Вот и получается, что многие выпускники не готовы к препода-

ванию в школе, стараются как можно быстрее покинуть ниву просвещения.

Досталось в статье и студентам. Люба призывала их перейти от пассивной позиции наблюдателей к активным действиям, всерьез заняться самоуправлением. Она предлагала даже создать при институте экспериментальную школу, где могли бы постоянно стажироваться студенты. Были затронуты в статье и другие болевые точки педагогического вуза.

Даже если бы остров Сахалин начал дрейфовать вдоль материка, то и это произвело бы меньшее впечатление на преподавателей и студентов, чем опубликованная статья. Такого откровенного разговора, да еще со страниц местной газеты, никто и представить не мог. То, в чем даже себе боялись признаться преподаватели, вдруг стало достоянием гласности.

Студенты тоже несколько опешили от такой дерзости. Нет, они, конечно, все это видели, на переменах вполголоса обсуждали, но чтобы вот так вдруг в открытую?!

Многие вспомнили, что Люба незадолго до статьи с ними беседовала, интересовалась их мнением о перестройке, говорила, что собирается написать в газету. Ей, конечно, тогда никто не поверил: такая статья в их вузе равносильна тому, чтобы своими руками забрать документы, а ведь институт на острове единственный. Поэтому студенты Любе отвечали откровенно, но на всякий случай просили фамилию не упоминать: кто ее знает, вдруг и вправду — возьмет и шархнет! Кстати, Любина статья так и называлась: «Фамилии называть не разрешаем».

И вот как-то незаметно, исподволь выполз и повис над институтом риторический вопрос: «Да кто она такая — эта Люба Рябинина, чтобы судить о нашем прекрасном вузе?! Ей что — больше всех надо? Кто дал ей право нарушать спокойное течение учебного процесса, будоражить лучшие умы сахалинской педагогики?»

Несмотря на то, что вопрос риторический, постарайтесь ответить, кто же такая Люба Рябинина. Что касается учебы, то тут она награждена знаком ЦК ВАКСМ «За отличные ус-

пехи в учебе», профком института наградил ее грамотой за активную работу в профсоюзном бюро факультета. Была Люба и старостой, выполняла десятки других ответственных общественных поручений. Участвовала во многих научных конференциях. Уже на втором курсе заняла второе место на олимпиаде по математике, в которой принимали участие студенты-математики всех курсов. Серьезно занялась астрономией, написала несколько интересных, глубоких рефератов. Ее работы были прекрасно оценены в Москве, она стала членом Всесоюзного астрономического общества.

Помимо технических и естественных дисциплин, Рябинина работает в литературном клубе «Современник», пишет стихи, отлично рисует, изучает социальную фантастику.

И вот эта Люба Рябинина, у которой и с учебой все благополучно, и научная работа получается, и общественная деятельность на высоте, вдруг такую статейку тиснула — на всю область институт опорочила. Ну была бы двоечница, так тут все мотивы понятны: из мести к преподавателям через газету решила им доставить пару неприятных минут. А здесь — передовая студентка...

Ну да что теперь рассуждать. Кашу она заварил, расхлебывать же ее придется деканату и руководству вуза. Но пусть не думает, что ей это так просто сойдет с рук!

И негласная машина травли начала набирать обороты. Наиболее уязвленные преподаватели прямо на занятиях предавали Рябинину анафеме. Только и слышалось: «Это ж надо было — так опозорить институт! Писака нашлась!» или «Знаете, что сделала эта Рябинина? Облила всех нас грязью!»

Декан факультета Борис Рамазанович Мисиков, который раньше очень хорошо относился к Любе, первое время после выхода статьи даже перестал с ней здороваться. А тут ему еще выговор по институту вlepили: все-таки Рябинина на его факультете учится, пусть теперь отвечает. Когда первый шок прошел, деканат и преподавательскую общественность осенила догадка. Они стали по очереди подступать в Любе с вопро-

сами: «Скажи, кто тебя подбил выступить с такой статьей? Скажи, и тебе ничего не будет. Не упрямясь, будь хорошей девочкой. Сама бы ты до такого не додумалась». Но подпольный центр оппозиции им обнаружить не удалось. Никак не могли понять возмущенные преподаватели, что времена изменились, и сегодня самые передовые студенты хотят активно вмешиваться в жизнь, изменять ее. И им для этого не нужно никаких особых распоряжений. Просто они именно так понимают свой долг.

Через несколько дней в институте состоялось партийное собрание. Коммунисты обсуждали проблемы подготовки специалистов в свете решений январского (1987 года) Пленума ЦК КПСС. Собрание было обыкновенным, типовым. Выступали ораторы, говорили правильные слова. Статью Рябининой все обходили упорным молчанием. Как будто ее и не было — проблемной, острой, конструктивной. Мол, много чести — обсуждать писания какой-то зеленой студентки, а то еще бог весть что о себе возомнит.

Когда повестка была исчерпана, председательствующий спросил: «Какие будут замечания, предложения?»

И тут неожиданно поднялась член комитета комсомола студентка пятого курса истфака коммунист Г. Гайдаева: «Прошу слова. Мне непонятно, почему от студентов выступил только один человек?..» Но ей слова не дали, сославшись на установленный порядок ведения собрания: «Раньше слово надо было брать, а теперь поздно». А она подготовила выступление и о статье Рябининой, и о самоуправлении в вузе...

Собрание хотели уже благополучно закрыть, как вдруг слово взяла заведующая отделом науки и учебных заведений Сахалинского обкома КПСС Людмила Алексеевна Иванова. Только она обратила внимание коммунистов института и на статью, и на важные проблемы, поднятые в ней.

Ректор института А. С. Тлеков, поняв, что от него все ждут какой-то реакции, веско сказал:

— Мы с этим обязательно разберемся. Зачинщиков най-

дем, виновных накажем! Так это дело не оставим!

Людмила Алексеевна возразила, что здесь не так важно наказать, как действительно активизировать перестройку в вузе. Ректор на всякий случай еще раз пообещал:

— Разберемся непременно!

В результате «разбирательств» бойкот вокруг Рябининой только усилился. Язвительные вопросы, недобрые косые взгляды как бы очертили круг вокруг Любы, отсекая ее от жизни института, от всего, что было ей так дорого.

Даже большинство студентов начали сторониться Рябининой: странная она какая-то, вызывает огонь на себя — а зачем? Изменить ведь все равно ничего нельзя. А теперь, после статьи, ей в институте уже не учиться. Некоторые сокурсники даже стали избегать ее — вдруг кто-то увидит рядом с Рябининой, подумает, что с ней заодно. А потом иди доказывай, что ты не верблюд. Все затаив дыхание ждали сессии. Она все расставит по своим местам. Конечно, если бы Люба была обыкновенной средней студенткой, ей бы пришлось плохо. Но она, занимавшая почти на всех олимпиадах призовые места, была трудным орешком для обиженных преподавателей. Единственное, что им удалось — это поставить три четверки и одну тройку. Эта сессия оказалась первой, которую Люба закончила без пятерок. Но больше всего ее обидело то, как были поставлены оценки.

Преподаватель В. Лебедев принимал экзамен по политэкономии. Рябининая без единого замечания ответила на первый вопрос, ответ на второй был прерван на середине, — претензий нет. Только в коридоре Люба открыла зачетку — увы, только «хор». Почти то же самое произошло на экзаменах по теоретической и атомной физике. А на алгебре преподаватель А. Норин обвинил Рябининую в том, что она неверно доказала теорему. Люба сослалась на конспект лекции, где теорема была доказана точно так же, но преподаватель не стал ее слушать. Тогда Люба попыталась собрать

комиссию для пересдачи, но комиссия так и не собралась. Да это и понятно — вдруг пришлось бы признать оценку необъективной.

Эта сессия была для Рябининой серьезным ударом. Преподаватели ей ясно дали понять: твои поиски правды ни к чему не приведут, четверки — только первое предупреждение.

Итоги этой сессии мы попросили прокомментировать декана факультета Б. Р. Мисикова.

— Я думаю, — сказал Борис Рамазанович, — что гонений на Любу за критику не было. Ей просто труднее стало учиться. Наверное, газетные статьи много времени отнимают.

— А почему же вы сами поначалу так негативно отнеслись к статье?

— Кому может нравиться, когда его глядят против шерсти?..

Жаль, конечно, что забота о собственной чести у декана намного превосходит желание изменить к лучшему работу на факультете.

Мы попросили некоторых преподавателей высказать мнение о статье Рябининой «Фамилии называть не разрешаем». Они согласились, но, конфузясь, добавили:

— Знаете, мы тоже категорически против упоминания наших фамилий.

— Итак, вопрос первый: что вы думаете о статье Рябининой?

— Очень правильный, деловой, нужный материал, хотя, если учесть, что его автор — студентка, несколько дерзкий.

— А мог бы такой материал написать кто-то из преподавателей?

— Исключено!

— Почему так категорично?

— Такой шаг равносителен заявлению «по собственному желанию». А мы — люди взрослые, семейные, нам трудно будет начинать все с нуля. Да и институт в области единственный.

— И вас устраивает такая атмосфера?

Молчание было достаточно красноречивым. Поэтому, наверное, все без исключения и отнеслись к судьбе Любы про-

сто-таки с пугающим равнодушием. Борьба за перестройку в вузе, борьба, которую Рябининая вела почти в одиночку, измотала ее. Нет, в институте были и другие сторонники перестройки, но перестройки спокойной, неспешной, не революционной... На новые поступки сил у нее уже не хватало, и Люба решила перевестись на заочное отделение.

Документы ей оформили в момент. Никого даже не заинтересовало, почему одна из лучших студенток института вдруг переводится на заочное. Возможно, многие считали, что после статьи такой исход вполне естественен. Другого и ожидать было нельзя. Кстати, на ее примере и студенты получили хороший урок: будешь высовываться — неприятности гарантированы.

Мы уже из редакции позвонили в обком КПСС заведующей отделом науки и учебных заведений Людмиле Алексеевне Ивановой, проинформировали о том, что произошло после ее выступления на том партийном собрании института.

Результатом нашего звонка явилось то, что сейчас Люба Рябининая учится на четвертом курсе дневного отделения.

Казалось бы, справедливость восторжествовала, можно ставить точку. Нет, далеко еще не все проблемы решены в самом вузе. Такие понятия, как гласность, критика и самокритика, звучат для многих преподавателей, да и студентов как-то отвлеченно, абстрактно. Один из работников института с грустной усмешкой сказал нам:

— Эх, пока еще до нас дойдет перестройка, много воды утечет, а голову, образно говоря, можно сложить уже сегодня.

Эту позицию мы ощущали, беседуя с разными людьми в Южно-Сахалинском педагогическом институте. По-видимому, в вузе еще большинство не поняло такой простой истины, что перестройку никто не пришлет в приказном порядке, никто не спустит сверху. Ее предстоит осуществлять им самим, причем в самое короткое время.

Южно-Сахалинск

Фото из журнала «Лидер»

С КОМПЬЮТЕРОМ В XXI ВЕК

Из частной жизни ЭВМ

Валерий Скрябинский

На стажировку в ФРГ Эдвардас Вайгаускас приехал в октябре. В декабре купил себе «Синклер», и все пошло кувырком. Маленький английский персональный компьютер выбил из колеи молодого экономиста из Вильнюса, почти не имевшего опыта общения с электронно-вычислительной техникой. Два семестра программирования на «Минске-22» во время учебы в университете, разумеется, не в счет.

С утра до вечера Эдвардас занимался теперь только программированием, позволяя себе лишь недолгий сон и торопливую еду. Неделю прожив в таком режиме, он схватился за голову: «Надо остановиться, а то чокнусь!» Переломить себя стоило невероятных трудов.

Но первые слова, которые он сказал своим друзьям, вернувшись домой из-за границы: «Парни, вы себе представить не можете, что, оказывается, можно сделать на памяти в 48 килобайт! Вот это Бейсик!»

Один, как известно, не воин. Спустя некоторое время у ре-

бят в университете и республиканской Академии наук обнаружилось еще семь «Синклеров» и пара «Коммодоров». И в начале 1985 года Эдвардас и его единомышленники зарегистрировали клуб пользователей микрокомпьютеров при дворце работников науки Литовской АН. Начали проводить более-менее регулярные лекции, демонстрировать возможности своих машин. Собирались человек семьдесят-сто. А круг реальных организаторов никогда не превышал пяти-семи человек. Накапливался опыт, росла квалификация. Как выразился Эд-

вардас: «Я прошел весь путь от нуля до профессионала!» В академическом институте экономики возник сектор микрокомпьютеров (в ту пору без единого компьютера!), и Эдвардас стал его руководителем.

На одно из заседаний клуба, которое ребята проводили в каком-то подвале, забрела Она Бальчунене — сотрудница городской «Вечерки». Посмотрела, послушала и сказала:

— Завтра я иду ко второму секретарю горкома партии. Давайте пойдем вместе!

Разговор в горкоме, во время которого Вайгаускас и его команда почти безостановочно говорили о перспективах для города, открываемых приличным компьютерным центром, закончился лаконичным резюме:

— Я сегодня вечером с председателем исполкома еду по городу. Может быть, подберу что-нибудь для вас...

Назавтра звонок:

— Нашла!.. Формулируйте побыстрее, что именно и под какие задачи вам нужно, и приходите в кабинет первого секретаря.

А у первого в кабинете уже человек пятнадцать «отцов города»...

В день, когда торжественно открывали Дом компьютеров, многие жители Вильнюса говорили друг другу, кто в шутку, кто всерьез:

— Торопись на улицу Конарского. Компьютеры привезли! Может, всего на один день и привезли-то! А то не успеешь посмотреть «последнее слово техники»...

В каждой шутке есть доля правды.

В тот день машин в Доме выстроилось действительно больше, чем ему дали «родители»: республиканская Академия наук и министерство просвещения. Импортные и отечественные ЭВМ привезли из Москвы, Каунаса, Шяуляя. Владельцы (они же иной раз и авторы конструкций!) стремились обсудить то, что у них было, а также поощрить других собственным примером. Да и просто порадоваться первому в стране Дому компьютеров.

Двадцативосьмилетний Римвидас Бамбалас, еще недавно — инженер объединения «Сигма», не без удовольствия демонст-

рировал свое владение: пять рабочих залов, зал заседаний, специализированную библиотеку с читальней, центр технического обслуживания аппаратуры, комнаты для самостоятельного технического творчества и уютный сводчатый полуподвал для кафе.

В холле еще устанавливали микрофон для выступающих. Римвидаса тормозил водитель, привезший мебель. А голос директора то и дело сбивался на печальные ноты:

— Большую часть той красоты, что стоит в залах, завтра увезут. За праздником последуют будни... Тринадцать «Агатов» и класс БК-0010, из которых половина постоянно в ремонте, — мизер! Библиотека только начала формироваться — три полки с книгами и журналами... А тех, кто реально занимается компьютеризацией, можно пересчитать по пальцам: Л. Телкснис, Э. Вайгаускас, Э. Качкус, И. Залаторюс. Совет нашего дома...

Тем временем в залах мальчишки обступили компьютеры. Ведь пока что в Вильнюсе только в четырех школах имеются компьютерные классы.

Окруженный взрослыми людьми, чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров рассказывал:

— ...В 1985-м журнал «Шпигель» пригласил меня в Гамбург — сыграть матч с Робертом Хюбнером. Там мне довелось побывать в гостях у одного программиста. Нормальный дом. Но то, что я там увидел, меня потрясло: три компьютера, из которых хозяин пользовался лишь новейшим. А с двумя похуже играли его дети: одному три года, другому десять. И я тогда подумал, что грядет большая беда, о которой у нас в стране мало кто тревожится. Будем и дальше прятать голову в песок — на Западе вырастет поколение, воспитанное в постоянном общении с компьютерами. Столь технически культурное, что нам будет трудно догнать его.

Мой сопровождающий из «Шпигеля» жаловался: «Каспаров, приехавший из СССР, понимает, что надо заниматься компьютеризацией. А мы, такая передовая нация, — не понимаем. У нас мало кто пользуется персональным компьютером».

Я спросил: «Сколько это — «мало»?» Он ответил: «Не больше миллиона»...

В следующем зале люди взрослые, обступив молодого инженера из академического Института проблем информатики Александра Лукьянчикова, всерьез обсуждали, смогут ли они наладить «на коленках» производство персонального компьютера ПК-11, один из авторов которого — Саша.

— Вы обратили внимание на парня, — рассказывает Вайгаускас, — с которым мы отлаживаем программу перед вашим приходом? Так вот он, аспирант института математики и кибернетики Бальгитис Видмантас, сделал вещь, кажущуюся просто невероятной. Когда мы в спешке и от избытка энтузиазма неправильно включили в сеть главную реликвию своего клуба — американский компьютер IBM-PC (и естественно, пережгли почти все микросхемы!), он заменил сорок компонентов на отечественные. И в результате «иностранец» работает как новенький.

Директор экспериментального завода компьютерных узлов и приборов И. Залаторюс, взявший на себя до поры финансовые расходы по клубу, достал немного денег «на внутренние работы». Думаю, их хватит, чтобы оплатить сборку первых двадцати компьютеров. И заодно отработать технологию сборки.

Но и это не предел мечтаний... Республиканский центр НТТМ, директором которого избран А. Амбразас — зав. отделом вычислительного центра Минфина республики, первый свой договор заключил с управлением курортов республиканского Совета профсоюзов — на компьютеризацию системы оповещения о наличии мест в домах отдыха, пансионатах и санаториях.

Выполнять этот договор будут наши ребята!

— Пусть ваш клуб пока что капля в море, — говорил Каспаров, прощаясь с нами. — Но любая точка, становящаяся источником компьютерного знания, неоценима. Чем больше будет таких точек, тем труднее будет обманывать народ, выдавая устаревшие технологии за лучшее, что только есть в мире. И задача тех, кто хочет видеть страну

более грамотной и культурной, донести свое знание до максимального количества людей...

— На первых порах мы пошли на то, чтобы у нас был «проходной двор», — объясняет директор Р. Бамбалас. — Город должен к нам привыкнуть. Поэтому открыли двери для всех желающих прийти и поиграть под руководством дежурного сотрудника. В преображение Дома вложила средства система народного образования. Их надо отрабатывать. Поэтому принимаем школьников с преподавателями, проводящими здесь уроки информатики, экскурсии с беседами и играми на компьютере.

Возникла группа компьютерной музыки. Раз в неделю за компьютерами по два часа просиживают три супружеские пары и их дети, объединившиеся в своем увлечении.

В общем, у нас есть люди, желающие заниматься, люди, умеющие хорошо работать с компьютерами. Есть свой Дом. И все это наверняка будет полезно обществу!

От редакции.

Итак, Валерий Скрябинский рассказал вам об очередном удачном прорыве подвижников компьютеризации. На карте страны появилась еще одна точка — «источник компьютерного знания», — как выразился чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров.

А много ли их, этих точек?

Может быть, в вашем институте появился клуб или хотя бы приобретены, созданы несколько мини-ЭВМ? А может, вы только из нашего рассказа узнали, что такие возможности существуют?

Мы поместили на своих страницах историю «Из частной жизни ЭВМ», чтобы вы, наши читатели, узнали о том, что даже небольшая группа энтузиастов в состоянии изменить ситуацию в своем вузе, поселке, городе.

Напишите нам. Напишите обязательно даже в том случае, если у вас о компьютерах говорят только по телевидению. Будет повод приехать, изучить ситуацию.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ НАУКИ

Авторский замысел и сила открытия

Лев Гумилев

В своих мемуарах В. И. Вернадский писал о том, почему он стал естествоиспытателем. В юности, когда он был гимназистом, его равно увлекали история и зоология, ботаника и геология, но в семидесятые годы XIX века то и другое сводилось к накоплению фактических данных, экспонатов и текстов, то есть к составлению больших коллекций разного рода сведений, обобщение коих было практически невозможно. В некоторых частных случаях удавалось установить локальные причинно-следственные связи, но они

были очень коротки и не позволяли обозреть изучаемый предмет целиком, подобно тому, как географ не может увидеть простым глазом Гималаи, Тихий океан или Сахару. Эти целостности уже давно исследуют маршрутами, наносят полученные данные на карту, описывают их природу, и только, преодолев эту предварительную работу, ученые в состоянии сделать «эмпирическое обобщение, по степени достоверности приравняемое к наблюдаемому факту».

И таким эмпирическим обоб-

щением явилась биосфера, под которой В. И. Вернадский понимал всю совокупность живых организмов планеты Земля, их трупов — почвы и продуктов их былой жизнедеятельности — осадочные породы и свободный кислород воздуха, выделенный еще в криптозое анаэробными бактериями.

Итак, биосфера, одна из оболочек Земли, подобная литосфере, гидросфере и тропосфере, но вместе с тем имеющая важную особенность — собственную форму энергии — геобиохимическую энергию живого

Семья Вернадских (стоит крайний справа В. И. Вернадский). 1887 г.

вещества биосферы. «Все живое,— писал В. И. Вернадский,— представляет из себя непрерывно изменяющуюся, состоящую из самых разнообразных живых веществ, совокупность организмов, теснейшим образом между собою связанных и подверженных эволюционному процессу в течение геологического времени. Это своеобразное динамическое равновесие, стремящееся с ходом времени перейти в статическое равновесие... Чем более длительно его существование, если нет никаких равноценных явлений, действующих в противоположную сторону, тем ближе к нулю будет свободная энергия...», то есть энергия живого вещества, которая проявляется в сторону, обратную энтропии... Эта энергия способна производить работу.

Этот закон касается всех природных феноменов, а значит, и человечества. Этот вывод часто встречал сопротивление на том основании, что человечество не мозаика этносов, возникающих и исчезающих в историческом времени, каково оно на самом деле, а общность социальная, где этническое «самосознание... выступает как сила, объединяющая членов этноса и противопоставляющая их в этническом отношении другим этносам». Иными словами, сознание определяет бытие, что совпадает с концепцией социального договора Б. Спинозы, противоречит К. Марксу и закону сохранения энергии и необратимости энтропии.

К. Маркс четко различал «историю природы и историю людей» и считал началом общества возникновение труда, превратившего первичные общности наших предков в социальные организации, обладающие сознанием. «Здесь ничто не делается без сознательного намерения, желаемой цели...» в отличие от природы, где «сознательной, желаемой цели нет». И он не считал причастность к природе достоянием глубокой древности. Наоборот, он относил к категории «гемеинвезен» семью, общину, племя и даже сословия. Наиболее крупной естественно сложившейся человеческой общностью является этнос. Но коль скоро этнос — феномен природы и

этногенез — возникновение и исчезновение этноса — тоже природный процесс, то к нему вполне применим геобиохимический закон В. И. Вернадского, что, в свою очередь, делает этнологию и этническую историю естественной наукой.

Здесь история стран и народов превращается в историческую географию или, точнее, палеогеографию голоцена.

В самом деле, коллективные действия этнических целостностей при закономерной смене фаз этногенезов произвели на поверхности планеты Земля такие изменения, которые В. И. Вернадский приравнял к геологическим переворотам малого масштаба. И феномены не только этнической, но и экономической и социальной истории связаны с явлениями физической географии обратной связью. Примеров тому несть числа, вот лишь некоторые, бросающиеся в глаза.

Заселение Америки предками индейцев было связано с тотальным истреблением травоядных животных: лошадей, верблюдов, карликовых слонов и других, за исключением бизонов, которые жили в водоразделах североамериканских рек и не нуждались в постоянных водопоях, обходясь сочной травой. Поэтому они были недостижимы для пеших охотников, предки которых не приручали, а убивали лошадей, вследствие чего не могли освоить прерии, а ютились по берегам рек. Другие индейцы, земледельческие племена освоили Юкатан и Амазонию. Они сводили участки леса для посевов маиса и кумары, но тропические ливни быстро смывали гумусный слой с открытых участков, и их приходилось менять. В результате появилась современная сельва, растущая на переотложенных почвах — «зеленый ад».

Не меньший вред нанесли капиталистические отношения. Испанцы привезли в Америку лошадей, которые паслись свободно, дичали и превращались в мустангов. Конные охотники убивали бизонов не ради мяса, а ради шкур, которые шли на продажу. Бизоны почти исчезли, прерии опустели; их использовали для себя сурки и мыши, а также койоты, охотившиеся на грызунов. Когда же скватте-

ры попробовали развести овец, то койоты рвали ягнят. Угнаться же за койотами не может даже самая резвая собака. Пришлось переходить к земледелию. Монокультуры, весьма выгодные при наличии техники, принесли еще больше изменений ландшафта Северной Америки. Как только дерновый покров был снят и разрыхлен, сезонные ветры с Кордильер вызвали пылевые бури, губившие поля и поселки восточных штатов. Для избежания грандиозных потерь потребовались грандиозные мелиоративные работы и химические удобрения. Качество сельскохозяйственных продуктов снизилось. Не меньше вреда почве принесли посевы картофеля, ибо, как только дошли они до отрогов Скалистых гор, картофельную ботву освоил колорадский жук, до тех пор прозябавший на кустарнике. Победным маршем он прошел до Атлантики, в трюмах пароходов проник в Европу и произвел там опустошения картофельных полей.

Не лучше было и в Старом Свете. Долины в Атласе давали громадные урожаи и до I века кормили Рим. На южных склонах Атласа римляне пасли табуны коней для своих легионов. Долины были выпажены, пастбища истоптаны. Сухая степь превратилась в каменистую пустыню Сахару. Рим перешел на египетский и скифский хлеб, и в IV веке столицу пришлось перенести в Константинополь, а Италию бросить, ибо за то же время римляне свели на строительство лесов дубравы Апеннин, которые поросли маквисом, колючим кустарником.

Но довольно примеров. Связь истории с географией несомненна. Однако, чтобы достичь реальных успехов в практическом применении идей В. И. Вернадского, к нашей теме надо взять на вооружение еще одно достижение научной мысли — системный подход.

Этнос — явление, данное нам в ощущении, как свет, тепло, тяжесть, и настолько ясное, что долгое время не было нужды в научных дефинициях: никто не путал француза с немцем или ирокеза с дакотом. Но теперь, когда объем описанного материала вырос до необозримости, возникла потребность в систематизации. Теперь мы называем

этносом коллектив особей, противопоставляющий себя всем иным («мы» и «не мы»), имеющий внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения. Знаем мы, что этнос не монолит, а системная целостность, разнополая, разновозрастная, разнообразная, но скрепляемая не сходством своих членов, а системными связями. И самое главное, этносы возникают в историческом времени и исчезают, подобно всем природным системным целостностям. Это значит, что к ним применим и цитированный закон В. И. Вернадского. Негинтропийный импульс, то есть отрицательная энтропия создает движение по ходу времени, и вследствие необратимой энтропии свободная энергия, поддерживающая систему, доходит до нуля, а система распадается на элементы. Часть элементов абсорбируется соседними этносами, а прочие существуют как реликты в равновесии с окружающей средой, то есть в гомеостазе. Именно эти процессы, повторяющиеся с вариациями неоднократно, называются этногенезами. Объяснить описанный феномен без первого геобиохимического закона В. И. Вернадского — невозможно.

И теперь мы можем понять, почему юный Вернадский пренебрег дарами Клио — историей и этнографией, а покорился чарами Урании — музы астрономии и естествознания. Он не случайно сравнил гуманита-

ров своего времени с натуралистами XVIII века, считавшими смысл науки в собирании коллекций. Как первая ступень науки, это необходимо.

Естествознание XX века оказалось впереди и дало нашему великому соотечественнику возможность сначала обобщения, а потом интерпретации тех глобальных процессов, благодаря которым Земля обладает биосферой, частью коей являются люди. А коль скоро так, то геобиохимический закон В. И. Вернадского применим для изучения не только глобальных, но локальных процессов этногенеза как одного из биосферных явлений. Великое открытие обрело ареал более широкий, чем предполагал сам гениальный первооткрыватель.

Для тех, кто заинтересовался проблемами, изложенными Л. Н. Гумилевым, мы рекомендуем ознакомиться со следующей литературой:

1. Берта л а н ф и Л. Общая теория систем — критический обзор. — В кн.: «Исследования по общей теории систем». М., «Прогресс», 1969.

2. Г у м и л е в Л. Н. Внутренняя закономерность этногенеза. — Вестник ЛГУ, 1973, № 6.

3. Г у м и л е в Л. Н. Этногенез в аспекте географии. — Вестник ЛГФ, 1970, № 12.

4. Г у м и л е в Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., ВИНТИ, 1979 (№ 1001, 3734, 3735).

5. Г у м и л е в Л. Н. Этнос — состояние или процесс? — Вестник ЛГУ, 1971, № 12.

КОНКУРС МОЛОДЫХ ПУБЛИЦИСТОВ

В ноябре прошлого года в редакции проводился «круглый стол», в котором приняли участие журналисты, пишущие на экологическую тематику, биологи, лидеры студенческого природоохранного движения. Материалы «стола» будут опубликованы в номере 6 журнала, а пока по предложению и поручению участников встречи мы объявляем экологический конкурс.

Предлагаем принять в нем участие всем, чьи природоохранные статьи и очерки были или будут опубликованы с 1 января по 31 декабря 1988 года в институтских многотиражках, в районных, городских, областных, республиканских молодежных газетах и журналах. Вырезки с публикациями можно присылать в неограниченном количестве до 15 января 1989 года. Они должны быть наклеены на плотную бумагу и снабжены: точным названием печатного органа, опубликовавшего материал; датой выхода этого номера в свет и краткими данными об авторе (ФИО, возраст, профессия, точный адрес с индексом и телефон). Материалы на национальных языках должны иметь точный перевод на русский язык.

Преимуществом при определении победителей и лауреатов конкурса будут пользоваться:

— статьи о долговременных природоохранных акциях, проводимых редакциями совместно со студенческими дружинами охраны природы и доведенные до реальных конечных результатов;

— актуальные и злободневные публикации, направленные на экологическое воспитание молодежи;

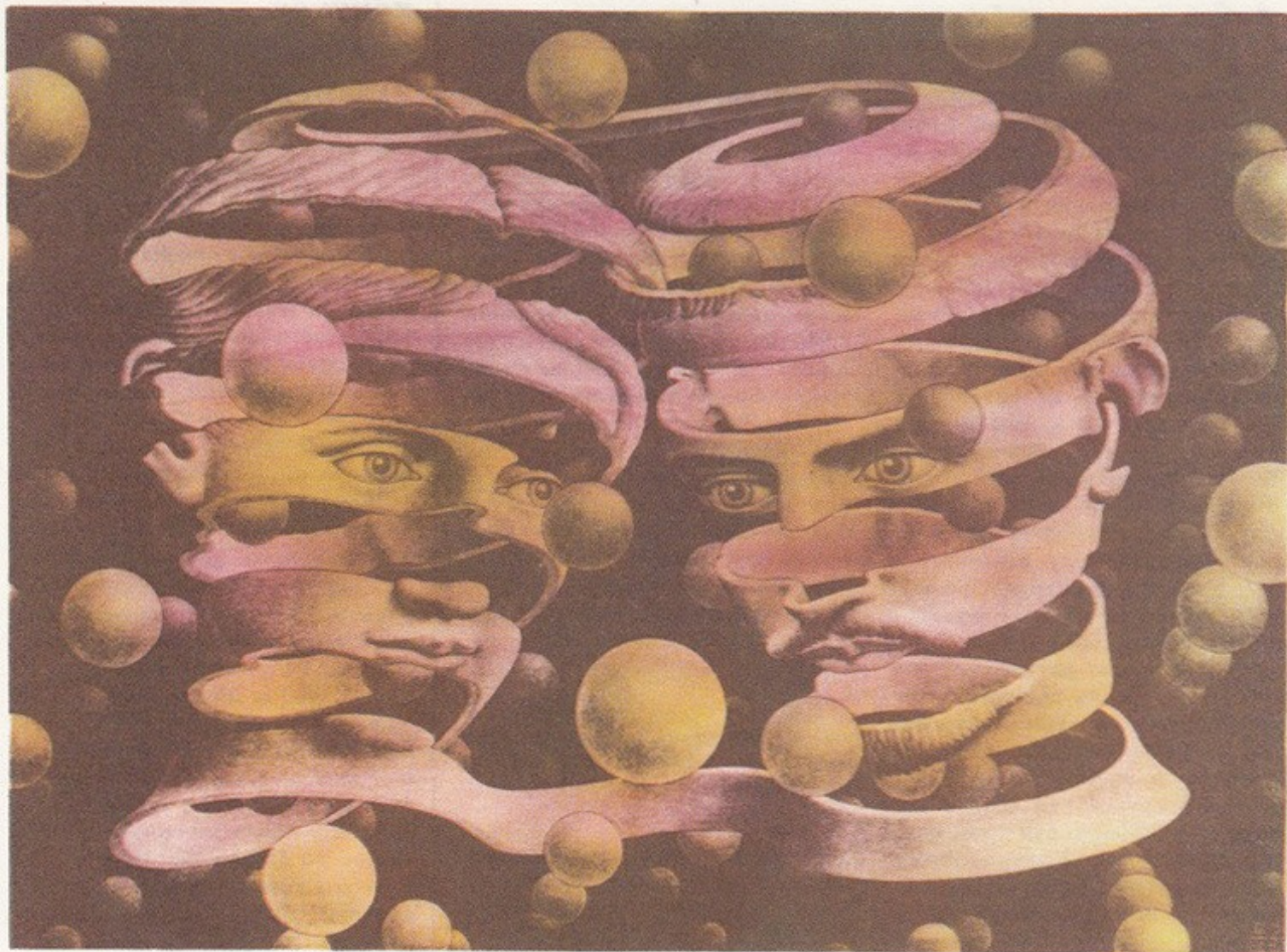
— очерки о ярких людях, посвятивших себя природоохранной деятельности.

Наиболее интересные материалы будут опубликованы на страницах журнала.

Об условиях награждения победителей и лауреатов конкурса, а также о составе жюри мы сообщим позже.

Рабочий стол В. И. Вернадского (кабинет-музей В. И. Вернадского в ГЕОХИ).

АКТУАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Кто положит предел одичанию?

Михаил Антонов

Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве.

А. П. Чехов

О студенчестве принято говорить в возвышенно-оптимистическом тоне: как же, это смена тем, кто ныне руководит производством, проектирует, лечит, учит... Словом, это наше будущее, а будущее — прекрасно...

Мне хотелось бы нарушить традицию и высказать свое глубокое убеждение в том, что нынешний уровень специальной и общекультурной подготовки студентов и выпускников вузов совершенно не отвечает требованиям нашей, во многом пере-

ломной для всего человечества эпохи.

Менее всего я хочу уменьшить наши достижения в области образования, в том числе высшего, культуры вообще или давать оценку выдающимся произведениям советской литературы и искусства, известным и любимым во всем мире. Я рассматриваю вопрос с одной-единственной точки зрения: как нужно было бы поставить сейчас образование и воспитание студентов и как оно пока у нас поставлено. Начну с одного частного примера.

Весной прошлого года профессор Московского института управления имени С. Орджоникидзе В. А. Персианов, большой ученый, блестящий лектор и прирожденный воспитатель, пригласил меня на организационное заседание научного студенческого кружка при их

кафедре. Студенты, решившие посвятить часть своих, в общем-то скудных, часов досуга углубленному изучению будущей специальности, произвели на меня хорошее впечатление. Намерения их казались серьезными, и я бы сказал, чистыми. Даже тот из них, кто хотел бы по окончании вуза попасть на работу в «Совтрансавто», руководствовался при этом не стремлением получить назначение за рубежом и там «прибарахлиться», а желанием внести вклад свой в повышение экономической эффективности деятельности этой организации, потому что прочитал в газетах, что она пока убыточна, и это его очень огорчило. Одним словом, ребята (на заседании почему-то пришли только юноши) хорошие, славные, думающие не просто о своей карьере, но и о том, чтобы принести больше пользы своей Родине. Они читали мою книгу

«Нравственность экономики» и попросили выступить.

Я задал им такой вопрос:

— Вы скоро закончите институт, призванный готовить кадры управленцев, вам будет по 23—25 лет. Александр Сергеевич Пушкин тоже закончил институт управления, который, правда, именовался Царскосельским лицеем, но был призван готовить управляющих высокого ранга. Пушкину было тогда 17 лет. Как вы думаете, кто более подготовлен к жизни и более культурен, — вы и ваши сокурсники или Пушкин и его однокашники?

Мнения студентов разделились. Я сам, можно сказать, подлил масла в огонь, заметив, что Пушкин был не в ладах с математикой, а они изучают программирование и учатся работать на ЭВМ. Некоторые из моих собеседников обрадовались тому, что хотя бы в части естественнонаучных знаний они выше управленцев пушкинского круга. Но когда я сказал, что только цикл нравственных наук в лицее насчитывал около полутора десятков дисциплин, и стал перечислять, чему учили лицеистов, в конце концов даже самым упорным пришлось признать, что современный студент, как правило, менее культурен, чем учащийся (правда, самого престижного столичного) вуза в далеком прошлом.

— Но как же так? Ведь Пушкин окончил лицей 170 лет назад. И где же в таком случае прогресс?

Мне нередко говорят в таком случае: «Зачем сравнивать несравнимое»? Я упрямо твержу: «В сравнении этом есть смысл, и задуматься над ним сейчас всем нам очень полезно». Разберем, например, такой случай.

Писатель Анатолий Стреляный в своей книге «В гостях у матери» рассказывает о встрече с бывшим однокашником, который за эти годы стал агрономом по образованию и первым секретарем сельского райкома партии по должности. Писателя интересовал вопрос, почему в районе допущена грубая ошибка, которой раньше не мог себе позволить и самый темный мужик: посеяли свеклу раньше, чем взошли сорняки, и теперь все трудоспособное население надо посылать на ее

прополку. Какая более высокая инстанция заставила принять это безграмотное решение?

Но ответ был самый неожиданный. Руководитель района, сам агроном, о связи сроков посева свеклы и появления всходов сорняков... просто не подумал. Не подумали об этом и сотни агрономов, работающие в хозяйствах района.

Если я не знаю того, что должен знать каждый цивилизованный человек, все вправе назвать это дикостью. Но если я утратил знание, прежде присущее даже простому неграмотному мужику, то для обозначения такого явления в русском языке нет более точного слова, чем одичание. Процесс этот всеобщий, он охватил все страны и все сферы жизни, но особенно много вреда причиняет нашей стране. И, к сожалению, высшая школа вносит в его развитие немалый вклад.

Авторитетная комиссия проверяет знания сотен выпускников медицинских вузов и устанавливает, что ни один из них не знал того, что должен знать каждый врач.

Мне, инженеру путей сообщения, даже как-то неловко сравнивать себя и своих коллег с инженерами-путейцами прошлого, вроде Н. Г. Гарина-Михайловского или В. Н. Образцова, которого я еще застал в живых.

А сколько говорится о падении квалификации архитектора, который у нас в условиях полного подчинения градостроительства технологии строительства превратился не то в рисовальщика, не то в декоратора.

Предвижу главное возражение: «Но ведь у нас же есть прекрасные инженеры — творцы новейшей техники, искусные врачи, изумляющие мир тонкостью сложнейших операций, педагоги, опыт которых внимательно изучается во всех концах планеты!»

Все это так, талантами бог нашу землю не обделил, но это не опровергает сказанного мною выше, по крайней мере, по четырем причинам.

Во-первых, конечно, как прежде были, так и сейчас есть специалисты хорошие и плохие, люди одаренные и бездарные, и все же, думаю, не нужно дока-

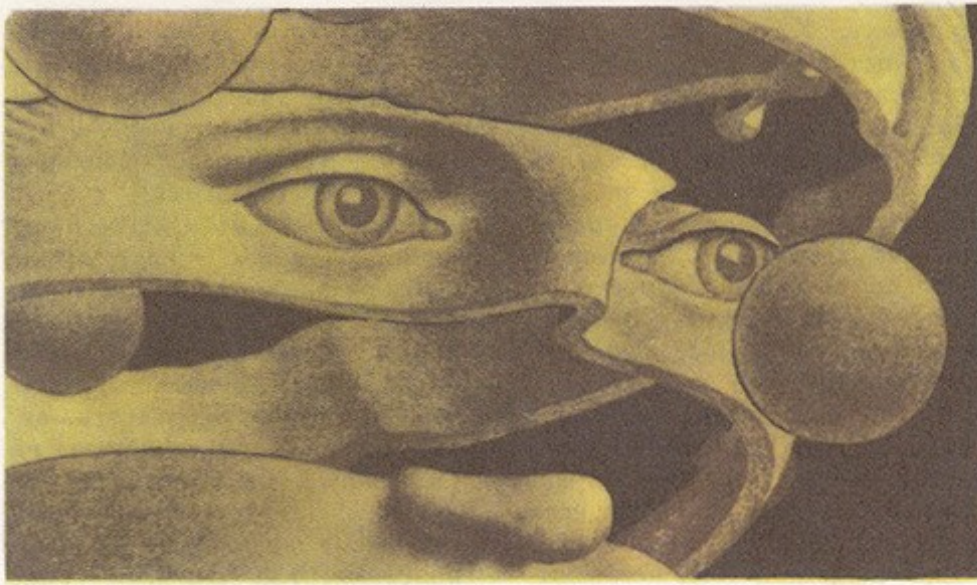
зывать, что в целом прежний земский врач был опытнее современного участкового врача-терапевта, а преподаватель гимназии — грамотнее нынешней школьной учительницы.

Во-вторых, прекрасные специалисты у нас — не правило, а исключение, и это подтверждается хотя бы тем, что сама профессиональная среда их в подавляющем большинстве случаев отторгает: учительство даже не избрало на свой съезд ни Шаталова, ни Щетинина, ни других педагогов-новаторов, считая их возмутителями спокойствия. Так что если у нас и появляются первоклассные специалисты, то скорее не благодаря системе их подготовки, а вопреки ей.

В-третьих, нельзя отрицать, что в период застоя наше отставание от развитых капиталистических стран на многих направлениях научно-технического прогресса (при том, что инженеров у нас в четыре раза больше, чем в США) усилилось, а это в немалой степени предопределено недостаточно высоким уровнем профессиональной подготовки отечественных специалистов, в большинстве случаев все же уступающих в некоторых отношениях своим зарубежным коллегам.

В-четвертых, самый расточительный способ хозяйствования, установившийся у нас, высокая материало- и энергоемкость единицы национального дохода, бесхозяйственное отношение к природным ресурсам и повсеместное пренебрежение требованиями экологии (и техники безопасности — вспомним хотя бы трагедию Чернобыля и серию катастроф на транспорте!) — от Куршской косы на Балтике до лесов Сихотэ-Алиня на Дальнем Востоке; от тундры Севера до заповедных мест Абхазии и Алтая — свидетельствуют об органических пороках в подготовке и самом образе мышления отечественных специалистов.

Но снижение уровня профессионализма — не единственное и даже не главное проявление одичания. Гораздо распространнее и опаснее культурное и нравственное одичание, о котором мало пока кто говорит, тогда как именно оно грозит сегодня стране самыми большими бедами.

После той беседы со студентами-управленцами я побывал в других вузах и техникумах, говорил с молодыми и с опытными специалистами, с профессорами и с «потребителями продукции» учебных заведений. И вот краткий итог моих размышлений.

Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Устарелость мировоззрения

Как ни парадоксально это звучит, но именно молодые специалисты, только вступающие в самостоятельную жизнь, оказываются сегодня носителями устарелого мировоззрения. Это стало совершенно очевидным после откровенной речи М. С. Горбачева на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук, где он сказал о засилье формализма в преподавании обществоведческих дисциплин, о том, что самые жгучие вопросы жизни народа преподносятся как нечто скучное и казенное.

Полистайте не специальные труды философов, посвященные обычно отдельным частным вопросам, а массовую философскую литературу, определяющую мировоззренческий багаж среднего советского интеллигента. Вот учебник «Основы марксистско-ленинской философии», вышедший в 1982 году под редакцией академика Ф. В. Константинова шестым изданием. Здесь разъясняется, что первично и что вторично, познаваем ли мир человеком, как количество переходит в качество и т. п., нет только одного: как надо правильно, достойно,

соответственно своему высокому предназначению прожить жизнь; иными словами, нет нравственной философии, создателями которой академик АН СССР И. Т. Фролов и доктор философских наук Ю. Н. Давыдов считают великих русских писателей прошлого века и которая составляла сердцевину не только русской философской мысли, но и всей прогрессивной культуры России.

Могут сказать, что эти вопросы философия отдала на откуп своей дочерней науке — этике. Но, во-первых, это все же не освобождало бы философию от необходимости нравственного подхода к своему основному вопросу, а, во-вторых, и в этике названные проблемы по сути не освещены, что я еще смогу несколько позже отчетливо показать.

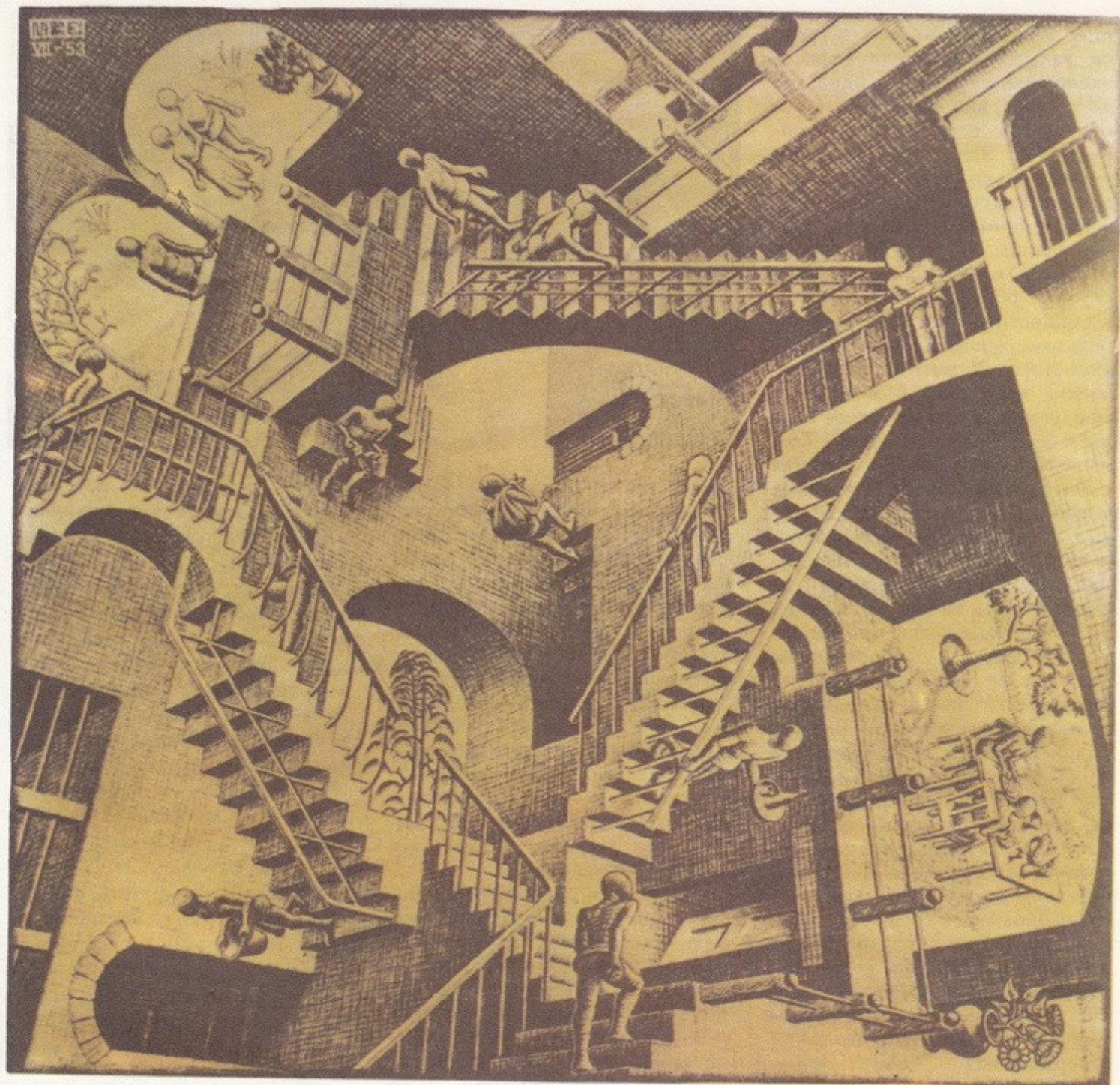
Но почему же в курсе философии нет нравственного начала, почему он, так сказать, «безнравственный»? Потому что наша философия, как и все советское обществоведение, видит в человеке прежде всего работника, о чем не раз открыто говорили такие авторитетные ученые, как академики В. Г. Афанасьев и Т. И. Заславская. Но в действительности современный советский человек — не только работник, а и социальное и нравственное существо, строитель самого справедливого и человеческого общества на Земле, и «безнравственный» курс философии ему попросту не подходит.

Учебник философии для вузов, как и курсы по другим обществоведческим дисциплинам, рисует умильную кар-

тину советского общества, где взаимные отношения людей — это сплошь отношения сотрудничества, где нет острых противоречий, где хозяйство ведется планомерно и рационально; если же кое-где кое у кого кое-когда и случаются отступления от этих норм, то исключительно в силу влияния пережитков капитализма или недостаточной зрелости социализма, так что с «дозреванием» последнего сами по себе отпадут. Человек рассматривается исключительно как продукт обстоятельств, не стоящим перед проблемой нравственного выбора. Но в современных условиях, когда проблема выбора стоит как никогда остро, такой подход может лишь опозорить нашу философскую науку. К тому же учебник эклектичен, отдельные законы диалектики подтверждаются в нем не связанными друг с другом примерами, надерганными из разных областей знания. Он прагматичен и утилитарен, ибо ориентирует на практику, учитывающую лишь интересы человека, тогда как ныне надо думать о служении человека объективной диалектике Вселенной (это хорошо показано в трудах кандидата философских наук Г. С. Батищева). Значит, он служит теоретическим обоснованием идеологии покорительства, уже причинившей нам много бед.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин рассматривали социализм и коммунизм не просто как общество с более высоким, чем при капитализме, объемом производства и потребления, но и как новую ступень культуры, развития самого человека, его «очеловечивания», что, естественно, невозможно без качественно высшего уровня нравственности. Создатели даже лучших наших учебных курсов по философии, к сожалению, не только не смогли развить дальше идеи классиков марксизма-ленинизма, но и поднаться до них.

Могут возразить, что учебник учебником, а талантливый преподаватель способен и по самому скучному учебнику провести живое и интересное занятие, вызвать студентов на спор и обмен мнениями. Но так ли уж много у нас талантливых преподавателей обществоведческих дисциплин? Не прохо-

дил ли там десятилетиями своего рода «естественный отбор» в пользу начетчиков и талмудистов? А действительно талантливый преподаватель за несколько дней до Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук говорил мне: «Студенты, насколько я мог уловить, формально приняв условия игры, предложенной профессорами, вроде бы участвуют в дискуссиях по обществоведческим дисциплинам, но на деле-то не спешат делиться своими сомнениями и сокровенными мыслями. Один из них откровенно сказал мне: «Я мог бы вступить в дискуссию с нашим профессором, доктором философских наук. Уверен, что мне удалось бы публично доказать, что он догматик, безна-

дежно оторванный от жизни. Но ведь мне в конце семестра придется сдавать ему экзамен...»

Экономическая безграмотность

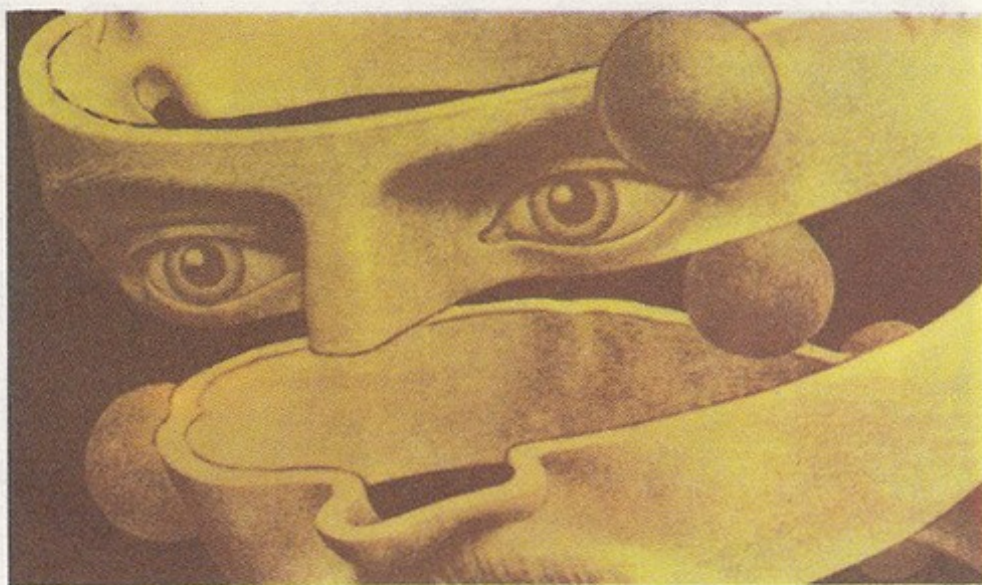
Представление о человеке прежде всего как о работнике пронизывает и курсы политической экономии социализма, в частности, наиболее полный из них — второй том двухтомника «Политическая экономия», вышедшего под редакцией академика А. М. Румянцева и других в 1982 году пятым изданием (в 1985 году издан однотомник тех же авторов, из которого убраны лишь самые грубые ошибки вроде утверждения о почти автоматическом соответ-

ствии производственных отношений при социализме характеру производительных сил, по существу же, научный уровень учебника не повысился). Учебники эти представляют собой безудержную апологетику социализма, причем не того, каким он реально сложился в жизни, а придуманного кабинетными теоретиками на основе надерганных цитат из трудов классиков марксизма-ленинизма. Поэтому в современных условиях они могут служить лишь теоретическим обоснованием благодушия, самоуспокоенности и застоя.

Что касается так называемых конкретных или отраслевых (а точнее, ведомственных) экономик, то эти дисциплины влачат поистине жалкое существова-

ние. Учебники по ним строятся так, будто данная отрасль экономики существует одна, сама по себе, вне связи с другими отраслями, с конкретной территорией. Ясно, что они могут учить только тому, как добиваться максимальной ведомственной прибыли даже за счет ущемления интересов других отраслей и населения, то есть служат обоснованием «ведомственности» — этой раковой опухоли, разъедающей нашу экономику. К тому же экономические критерии, в них рекомендуемые, в большинстве случаев безнадежно устарели. Так, ныне во всех развитых странах работа транспорта подчинена требованию повышения качества обслуживания экономики и населения, и в этом отношении наш транспорт, ориентированный пока на «вал», а не на качество, находится на том же уровне, что и в слаборазвитых странах. Но полистайте учебник «Экономика железнодорожного транспорта», вышедший под редакцией В. А. Дмитриева и Ф. П. Мулюкина в 1985 году, — там говорится о качестве работы железных дорог (о продолжительности оборота вагонов и пр.), но ни слова нет о качестве их продукции, например, о необходимости подачи вагонов клиентуре с точностью до минут. Поэтому по современным учебникам по экономическим дисциплинам можно воспитывать только экономически безграмотных специалистов.

Что же касается состояния самой экономической науки как орудия совершенствования народного хозяйства, то для его характеристики, думается, достаточно будет одного примера. По данным академика А. Г. Аганбегяна, в народном хозяйстве действует около 500 различных методик и инструкций по определению экономической эффективности капиталовложений и новой техники. При этом одно и то же решение может оказаться очень выгодным, если считать по одной методике, и крайне убыточным, если определять эффект по другой. Поэтому на практике нередко не стремятся выявить эффективность того или иного мероприятия, а подбирают методику, по которой его выгодность можно доказать. В печати не раз приводились примеры,

когда таким нехитрым путем доказывали необходимость заведомо убыточных для страны решений. В итоге такого ереша получается, что чем больше проводится научных исследований в области экономики, тем, как это ни странно, шире поприще для волюнтаристских решений. Совершенно справедливо М. С. Горбачев критиковал положение, при котором многие отраслевые экономические институты превратились в адвокатов ведомственных контор. Это для них мы готовим кадры специалистов?!

При таком состоянии экономической теории практика развития народного хозяйства огромной и централизованно управляемой страны не может быть эффективной. В ее основе лежит принцип, который критиковал еще В. И. Ленин: «Я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела». Молодые экономисты, попадающие после вуза на практическую работу, сразу же оказываются в плену ведомственной идеологии, выбраться из которого им самостоятельно почти невозможно.

При таком состоянии экономического образования в стране трудно рассчитывать на резкое повышение эффективности производства.

Незнание человека

Выпускники вуза — не просто специалисты, многие из них еще и руководители разного ранга, им приходится иметь дело с людьми. Да и просто как интеллигенты они призваны служить для окружающих примером до-

стойной жизни. Хорошо ли готовят их в вузе к выполнению именно этих высоких жизненных миссий?

Увы, нет. При взгляде на человека прежде всего как на работника никому нет дела до его нравственных качеств и духовных ценностей, не относящихся к сфере производства. Искусство руководства во многом сведено к искусству командования, тогда как в действительности оно должно было бы стать умением воздействовать на лучшие, благороднейшие свойства душ людей, поднимать коллективы на великие свершения не приказами или обещаниями премий, а этим высшим знанием и личным примером... В принципе решением как раз названных вопросов должна бы заниматься этика.

Но, во-первых, этика в наши дни оказалась где-то на периферии научного знания, ее изучают лишь студенты небольшого числа факультетов. А во-вторых, — и это главное, полистайте учебник «Марксистская этика» (1976 или 1986 годы под редакцией А. И. Титаренко). Вас не может не поразить крайний примитивизм решения сложнейших проблем человеческой жизни. Ход рассуждений авторов прост как пареная репа: раз наш народ строит коммунизм, то идеал человека — это активный строитель коммунизма, а смысл жизни — во всемерном содействии этому процессу. Да и вообще — достаточно ли активного участия в производственной и общественной деятельности, чтобы

быть нравственным человеком? Как вести себя в отношении обидчика — простить его, мстить ему, желать ему духовного прозрения? Как строить отношения между полами? Что такое вообще любовь, каково ее место в жизни современного человека? Создан ли человек для счастья или служения, для подвига самоотверженной любви?..

Ведь только кажется, что эти вопросы неважны и вообще относятся к той сфере жизни, которую мы считаем личным делом человека. В действительности они неизбежно в какой-то момент встают перед каждым, от их решения нередко зависят и его судьба, и судьбы других, а подчас и эффективность производства. Но такие мелочи — как судьба человека и судьбы народа, извечные духовно-нравственные ценности, — занимают ли они наших преподавателей?! Потому и вступают специалисты в жизнь этически безграмотными, часто не способными повести людей за собой к высоким благородным целям и благотворно воздействовать на окружающих.

А если нет у людей правильного понятия о смысле жизни, то создается благоприятная почва для пьянства, взяточничества, казнокрадства и других отрицательных явлений.

И всего опаснее она для молодежи. На всю жизнь мне запомнился совет, полученный еще в юности от старого опытного педагога: «Хочешь понять, где живешь и что нас ожидает — приглядишься к молодежи». Впрочем, еще Д. И. Писарев прозорливо заметил: «При прогрессе общества поколения несомненно улучшаются, и притом с возрастающей скоростью; при падении общества повторяется то же явление, напоминающее закон свободного падения тел... сын хуже отца, внук хуже сына...»

Сказано это, конечно, с явным переклестом (молодежь всегда очень разная, в любую эпоху есть и духовно собранные юноши и девушки, и разгильдяи), но суть схвачена верно: главное — это тенденция развития.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

«Расскажите, пожалуйста, хотя бы кратко, о порядке распределения молодых специалистов на работу».

И. Назаров, Иркутская обл.

Персональное распределение молодых специалистов, окончивших дневные высшие и средние специальные учебные заведения, производится не позднее, чем за четыре месяца до окончания ими учебных заведений. Руководители вузов и техникумов по получении плана и перечней мест работы для молодых специалистов обязаны: ознакомить выпускников с Положением о межреспубликанском, межведомственном и персональном распределении; подготовить личные карточки на выпускников учебного заведения. В необходимых случаях приобщить к личным карточкам документы о состоянии здоровья, семейном положении выпускников и др.; обеспечить местами работы всех окончивших учебное заведение в соответствии с приобретенными ими специальностью и квалификацией; ознакомить выпускников с характером предстоящей работы и условиями труда на предприятиях, в учреждениях и организациях; вместе с заинтересованными министерствами и ведомствами провести медицинское освидетельствование выпускников для определения возможности предоставления им работы, связанной с особыми условиями труда или климатическими условиями.

Предложение молодому специалисту о направлении на работу делается от имени комиссии ее председателем. Каждому выпускнику сообщаются сведения о месте работы (предприятие, учреждение или организация), должности, размере заработной платы, предоставляемой жилой площади. Комиссия за-

слушивает и обсуждает также личные пожелания молодого специалиста о его будущей работе».

Решение о направлении на работу выпускников вузов или техникумов, не явившихся без уважительных причин в комиссию по персональному распределению, принимается заочно.

Молодые специалисты, имеющие инвалидность первой или второй группы, направляются на работу с учетом состояния их здоровья по месту постоянного жительства семьи или, с их согласия, в одно из мест, предложенных комиссией. Выпускникам, имеющим родителей — инвалидов первой или второй группы при отсутствии в семье других трудоспособных членов, работа предоставляется с учетом их просьбы по месту постоянного жительства родителей.

Молодым специалистам — женам (мужьям) военнослужащих офицерского и начальствующего состава, а также прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы Вооруженных Сил СССР, органов Комитета государственной безопасности СССР и Министерства внутренних дел СССР работа предоставляется по месту постоянного прохождения службы их мужьями (женами) при наличии там работы по специальности. На супругов — военнослужащих срочной службы, а также курсантов военных училищ указанное правило не распространяется.

Молодым специалистам — беременным женщинам, матерям, имеющим ребенка в возрасте до одного года, работа предоставляется по их просьбе по месту постоянного жительства семьи (мужа, родителей).

УЧЕБА — ГЛАВНЫЙ ТРУД СТУДЕНТА

По ту сторону «двойки»

Татьяна Должанская

Часто ли пишут о двоечниках? Редко. Все больше об отличниках, стипендиатах, изобретателях, победителях... А если уж о плохом студенте — двоечнике, — то, как правило, в негативных тонах: отчислен, нарушил... И само понятие «двоечник» сразу рождает ассоциативную цепочку: посредственность, разгильдяй, прогульщик.

Но всегда ли это так и только так? Можно ли с уверенностью сказать, что двойка — это обязательно результат разгильдяйства и непосещений, и других причин тут быть не может? В таком случае получается, что среди студентов половина (!) — нарушители учебной дисципли-

ны, люди просто неспособные учиться. (Ибо кто же из «нормальных» студентов не получил «пару» хоть раз?) Почему, говоря о таком человеке, не хотим заглянуть за двойку, попытаться увидеть личность?

Сегодня мы попробуем посмотреть на это явление изнутри — глазами двоечников. (Правда, следует оговориться, это уже бывшие двоечники — получив «неуды», они их уже благополучно пересдали и продолжают учиться.) Но что они сами думают о закономерностях и случайностях этого результата?

Для этого за «круглым столом» мы собрали студентов МАИ, людей достаточно раз-

ных: трех второкурсников — Андрея Аржанова, Сергея Шишкова и Кирилла Федотова, — ребят без большого опыта студенческой жизни, в первую же сессию получивших «неуд»; Евгения Куликова, студента четвертого курса, и преддипломника, человека с десятью сессиями за плечами — Игоря Фетисова, активиста, чей портрет до сих пор висит на факультетской Доске почета, долго и успешно работающего в СКБ.

— Насколько осознанно вы пришли в этот институт?

Сергей Шишков: Еще в школе я больше был склонен к техническим предметам, чем к гуманитарным; математика хорошо шла. Вот я и выбрал для себя экономический факультет технического вуза. А о МАИ я много слышал от родителей и знакомых.

Кирилл Федотов: У нас в семье учеба в МАИ — это традиция. А еще — близко от дома. Это, конечно, не главное, но и немаловажно.

Евгений Куликов: Я всегда интересовался техникой — вот и выбрал МАИ.

Игорь Фетисов: С четвертого класса занимаюсь авиационным спортом. Не техническим творчеством, а именно спортом — по классу свободнолетающих моделей. И на соревнованиях часто встречался со студентами ХАИ, КуАИ, МАИ. С девятого класса начал готовиться в авиационный вуз. Занимался на заочных подготовительных курсах в ХАИ (сам я из Орджоникидзе), набрал там достаточное количество баллов, и меня пригласили на очные подготовительные курсы непосредственно перед поступлением. Еще в десятом классе я написал в Москву председателю Комиссии по техническому творчеству молодежи при приемной комиссии МАИ В. С. Дубинину. Мы с ним некоторое время переписывались и, окончив школу (с единственной четверкой — по рисованию, троек-то у меня вообще ни одной за всю учебу в школе не было), приехал поступать в Москву. И поступил.

Владимир Сергеевич Дубинин — фигура известная. Вот уже много лет он в форме экспериментатора — ни в одном вузе страны до этого не было подобного опыта профориентации

своих будущих студентов — рекламирует через прессу (в частности, в журнале «Моделист-конструктор») специальность авиационного инженера, и к нему со всех концов Советского Союза приходят письма от ребят поистине увлеченных — авиа-, авто- и разных других моделистов, — одним словом, инженерно мыслящих. Приглашает их в институт, курирует на протяжении всей учебы, во время которой его питомцы принимают участие в конкретных научно-технических разработках.

Андрей Аржанов: Я выбрал для себя сначала экономический вуз. А потом решил, что авиация — все-таки романтика! Да и в МАИ мне заранее все нравилось — уж очень много слышал рассказов об этом институте от знакомых ребят.

Сейчас, правда, энтузиазм несколько поубавился. В первую сессию не сдал математический анализ и начертательную геометрию. Начерталка — это, по моему, вообще не предмет. А матанализ... Ну не интересно! Не думаю, что нам, будущим экономистам, он был бы нужен в дальнейшем. Ведь основа нашей специальности — это программирование, предмет очень интересный, нужный, и в нем я разбираюсь. Да и больно уж часто слышу, что ни матанализ, ни многие другие предметы, которые нам читают ознакомительно, позже не пригодятся.

Вот сразу и возникает вопрос — а понимает ли этот студент то, чему его учат? Ведь проучившись полтора года, он считает, что предмет, который является основой основ практически всех специальных разделов современной инженерной математики, ему не пригодится никогда! Может, предмет этот труден для восприятия потому, что второкурсник видит его в

отрыве от дальнейшей учебы, от будущей специальности?

Игорь Фетисов: Мне кажется, что все дело в том, что наши учебные планы составлены нерационально. Матанализ нам читали первые три семестра. Потом мы к нему долго не возвращались. И вот на пятом курсе начались специальные дисциплины, полностью основанные на матанализе и дифференциальных уравнениях, которые мы два с половиной года назад сдали и благополучно забыли!

Почему получается так, что о нерациональности учебных планов говорит студент? А что думают те, кто их составляет? А если уж студенты об этом заговорили — нет ли резона работникам учебно-методических отделов, составляющих учебные планы, сопоставить свое мнение с мнением тех, кто по этим планам получает знания?

Евгений Куликов: И еще. В первом семестре у нас у всех был предмет «Введение в специальность». Дальше — ни слова о специальности вплоть до третьего курса.

На втором — сопротивление материалов, теоретическая механика, теория вероятности, черчение, в котором мы только касались авиационной промышленности (а чертили детали паровоза). И только на третьем курсе начались предметы, связанные с нашей специальностью — гидродинамика, термодинамика, теплопередача... А дальше — полностью курсы специальных дисциплин. Так вот, по моему, зря так оторвано «Введение в специальность» — надо его как-то продолжать на всех курсах, этот предмет должен поддерживать интерес к специальности на протяжении всей учебы. Или это нужно заменить практикой...

Кирилл Федотов: Да, это было бы очень хорошо и полезно, если бы сразу после первого курса проводилась практика по специальности. Хотя бы ознакомительная... Экскурсии, знакомство с местами будущей работы. Чтоб мы в конце концов посмотрели разные типы вычислительных машин.

В форме эксперимента такое существует в некоторых группах: ребята работают на заводах, выполняют конкретные промышленные задания.

Но это же далеко не у всех!

А ведь практику в первоначальном смысле этого слова студент будет иметь, именно получая навыки будущей специальности, максимум информации о ней.

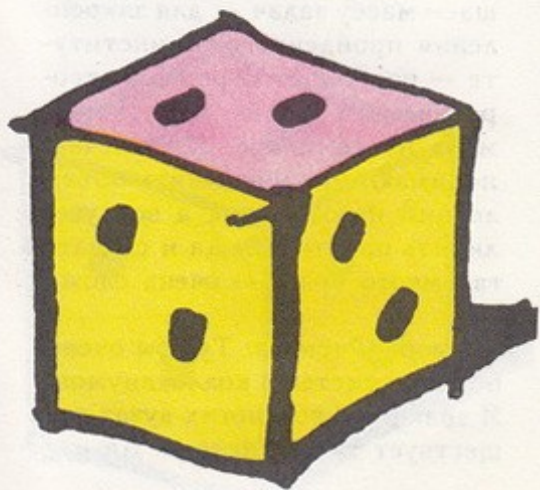
Игорь Фетисов: Та производственная практика, которая у нас сейчас есть, не отвечает требованиям времени. У меня уже две производственные практики за плечами. Первая — технологическая практика — горячие цеха. Какие там навыки?! Мы — будущие авиационные инженеры — работали сортировщиками колец. Перед тобой гора колец и два ящика: маленькие кольца в один, большие — в другой. Вот это практика!

Так мы месяц отработали, потом — заполнение журналов практики. «А, журналы, возьми вон там синьку, перестекли...» — «А что это за синька-то?» — «Ну, это штамп, кольца штамповать вот на этой машине. Хорошая машина, 25 лет уже нам служит...» И вот я знаю, что этот огромный агрегат штампует кольца. А что у него внутри, абсолютно не представляю. Только гремит все, и кольца горячие сыплются. Вот и все впечатления.

Вторая технологическая практика. Сама практика разделена на два этапа: твоя работа, где ты деньги зарабатываешь (крохи, конечно), и заполнение журнала практики. Перед заполнением — экскурсия по заводу: такие-то цеха, такие-то машины. Это, безусловно, очень интересно. Но хорошо бы это перенести в начало практики. И если уж перед студентами ставится задача во время практики получить навыки работы на металлорежущих станках, нужно те 3—4 недели, которые мы работаем, разбить на несколько этапов: пусть студент поработает неделю на токарном станке, неделю — на сверлильном, неделю — на фрезерном; в общем, какие под рукой есть. Чтобы практика действительно давала навыки.

Кирилл Федотов: Да, в принципе нам нужны не столько теоретические знания, сколько опыт в производстве.

С этим нельзя не согласиться. Сейчас перед руководством института стоит задача сделать все возможное, чтобы приблизить учебный процесс к производству. МАИ решил заключить договоры с предприятиями, на ко-

торых студенты на протяжении всей учебы будут разрабатывать свои темы по планам этих предприятий. Например, подобный договор уже заключен с ЦИАМОм (Центральным институтом авиационного моторостроения). Но для того, чтобы от этого была польза, чтобы это действительно была связь студента — будущего инженера с предприятием, нужен серьезный подход студента не только к выполнению производственного задания, но и к изучению теоретической базы, без которой решение инженерных задач не реально, то есть к своим прямым обязанностям — учебе.

Евгений Куликов: По-моему, не обязательно знать предмет досконально. Но необходимо быть в курсе, понимать, что к чему, видеть связь теории с жизнью. Ознакомительные курсы, конечно, должны оставаться. И чтоб преподаватели старались нас в них больше заинтересовать. С техническими предметами легче — там все-таки можно «железо» руками потрогать. А общественные науки? Хочется видеть, как то, что мы читаем в учебниках, связано с тем, что происходит вокруг нас. От преподавателя зависит очень многое.

Сергей Шишков: У нас, например, семинары по истории КПСС в прошлом семестре вела Ирина Александровна Белова. Прекрасный преподаватель! Она нас действительно заинтересовала в предмете.

Андрей Аржанов: У нее на занятиях я впервые столкнулся с преподавателем, который уделял бы нам столько времени и внимания. Я не помню ни одного семинара по истории, который бы проведен формально. Мы можем задавать любые вопросы, обсуждать все, что нас интересует. Вот у меня сейчас с собой книга Б. Дьякова — завтра на семинаре поговорим!

Кирилл Федотов: Другими словами, возвращаясь к теме нашего разговора: есть предметы, которые нам нравятся, и мы сдаем их прекрасно.

Получается, что двойка — результат незаинтересованности и непонимания нужности этого предмета, и большей частью виноват преподаватель, не сумевший увлечь?

Игорь Фетисов: В таком случае моя двойка выпадает из

вашей схемы. Я с первого курса по пятый учился хорошо. Но в весеннем семестре четвертого курса много болел и завалил два экзамена. Я их в конце сессии пересдал, но со стипендии меня сняли. Возникли финансовые трудности, пошел работать на завод (совмещать), ну и, конечно, завалил учебу, стал пропускать консультации по курсовому проекту — времени не хватало, — и в результате меня просто не допустили к сессии.

Итак, двоечником стал человек, прекрасно учившийся до этого на протяжении пяти лет, занимающийся конструкторской работой, участвовавший в разработке, которая была отмечена медалью ВДНХ. Человек, к которому на факультете все идут с вопросами по учебе. Парадокс? Нет. Это результат неумения, нежелания вести работу со студентами индивидуально; стремление причесать всех под одну гребенку. Сейчас в институте планируют ввести учебу по индивидуальным графикам для тех, кому это по плечу.

Но это только для успевающих студентов. А мы вернемся к теме. Итак, получил студент двойку и остался с ней один на один. Какую роль в его дальнейшей судьбе играет деканат, учебно-воспитательная комиссия, учебная группа, наконец?

Андрей Аржанов: Группа? А что она может? Ну посочувствовали, пожурили чуть-чуть. А что такое учебно-воспитательная комиссия, я, откровенно говоря, вообще плохо себе представляю.

Евгений Куликов: Группе, по-моему, это вообще безразлично. Ведь в сессию у всех своих забот полно — куда уж тут отвлекаться на чужие двойки. Вот в деканате — там другое дело. Как будто наш заместитель декана сам заинтересован в моей учебе. Я когда не сдал сопротивление материалов, пришел в деканат за допуском, так меня там подробно расспросили — что да как, посоветовали, как дальше быть, допуск дали с таким расчетом, чтоб у меня было время подготовиться к пересдаче. А на УВК я не был. И, доучившись до третьего курса, в общем, с трудом себе представляю, чем занимается эта комиссия.

Так что же это такое — учебно-воспитательная комиссия — УВК? Что это за таинственная

организация, о которой почти никто ничего не знает?

Игорь Фетисов: Очень часто слышишь от ребят, которые побывали на заседании комиссии, что это пустая трата времени — теряешь полдня для того, чтобы тебе сурово сказали, какой ты плохой. Все, кого ни спросишь о работе УВК (включая и тех, кто сам входил в состав комиссии), в один голос говорят, что так, как она должна работать, она не работает; кроме администрирования, других мер у нее нет — о них просто забыли.

Получается, что УВК, возможно, некогда очень прогрессивная форма работы с отстающими студентами, уже изжила себя, став пустой формальностью, как и многие другие хорошие начинания. Так почему же за эту форму работы так цепляются — только из-за нежелания придумать что-то новое?

Но это — уже разговор об учебно-воспитательной комиссии. А пока — что такое экзамен?

Кирилл Федотов: По-моему, к любому экзамену можно подготовиться за три дня, если мы знаем основы предмета. И в то же время можно вычислить этот наш пресловутый интеграл сколько угодно раз, не зная основ.

Сергей Шишков: Экзамен вообще зависит от «погоды». Это образно, конечно... Хотя нет: от погоды зависит то количество часов, которое я потрачу, готовясь к экзамену.

Евгений Куликов: Экзамен — это лотерея. И причем, не 6 из 36, а один-единственный билет из 30—40 возможных.

Андрей Аржанов: Да, в школе было все проще. Здесь же на нас обрушивается очень большой поток информации. В школе было так: маленький теоретический раздел, в котором мы решаем массу задач — для закрепления пройденного. В институте — наоборот: огромный теоретический раздел, и 2—3 примера на семинаре. Я, конечно, понимаю, что уменьшить объем лекций невозможно, а вот увеличить практику... Да и сдавать так много сразу — очень сложно.

Игорь Фетисов: Тут бы очень помогли системы коллоквиумов. Я знаю, что во многих вузах существует такая система. Да и у

нас это раньше было. А теперь этот «эксперимент» проводят лишь некоторые преподаватели. Например, декан нашего факультета Валентин Владимирович Рыбаков. Ребята, у которых он вел, — все очень довольны этой системой.

Евгений Куликов: А у нас получается так: читают тебе курс — 30 лекций, и на экзамен! Соответственно, за пять дней в сессию подготовиться невозможно. А если бы в течение курса у нас было несколько коллоквиумов, то есть весь прочитанный материал сдавали по частям, поэтапно — это и заинтересовало бы студентов в посещении лекций, и в ведении конспектов (потому что они были бы ему необходимы не в конце учебы — перед сессией, — а в течение всего семестра, для сдачи курса). И повысило бы ответственность преподавателей. Что сейчас преподаватели? Пришел он, лекцию прочитал, а больше у него времени нет. И сиди со своими вопросами. Я считаю, что система коллоквиумов — ключ к решению многих проблем: посещаемости, качества знаний.

Андрей Аржанов: Действительно, некоторые преподаватели просто формально подходят к ведению лекций, семинаров. Они приходят в аудиторию, проговаривают лекцию, независимо от того, успевают за ними записывать или нет, есть ли вопросы, слушает ли аудитория... Создается впечатление, будто преподаватель сам не заинтересован в своем предмете, в уровне преподавания, и, естественно, эта незаинтересованность передается и студентам.

Игорь Фетисов: Большинство лекторов смотрит на посещаемость в течение семестра. Приходишь ты сдавать экзамен — он сразу в свои записи: «Ходи-

ли? Хорошо! Я вас много спрашивать не буду. Вот такой вопрос... Хорошо. Пять баллов. Идите. Не ходили? Сейчас побеседуем...» И начинается часовая беседа, в конце которой студент уже как выжатый лимон, выходит с тройкой, принимая ее за счастье. И вот так — большая часть студентов получает хорошие оценки именно за усидчивость, а не за качество знаний. Это, конечно, обидно.

Формальное отношение к качеству знаний студентов, элементы случайности при сдаче экзамена, оценка за «посещаемость», «за усидчивость» — вот истоки незаинтересованности студентов в учебе.

Андрей Аржанов: Этого мы, правда, еще не почувствовали. А вот определенный момент разочарования уже есть. Нет, я не в институте разочаровался, а в самом процессе студенческой жизни.

Игорь Фетисов: У меня тоже был момент, когда я разочаровался в институте. На втором курсе! Я не знал, во имя чего я учусь. Да и не только я. Группа у нас была дружная: только двое не были моделистами (авиа или авто). А на втором курсе у нас начался отсев — ушли пятеро. Причем их не выгнали, а просто кто-то перевелся в другой институт, кто куда, то есть встала проблема выбора пути. Оставшиеся двадцать человек так и доучились вместе до 5-го курса. А разочарование появилось вот отчего: вуз вроде авиационный, и авиамоделизмом я продолжал заниматься. Но стало понятно, что в институте нет возможностей для массовых занятий авиамоделизмом. Ведь мы все свои модели делаем своими руками, и для этого нужна хорошая станочная база. А у института — огромного авиационного института — просто не хватает площадей. Та комнатунка, которую смогли нам выделить, конечно, не вмещала всех желающих.

Еще одна проблема — отсутствие авиации в ведущем авиационном институте страны. Есть летная практика, но только на нескольких специальностях. И получается, что будущие создатели самолетов видели эти большие крылатые машины в большинстве своем как пассажиры, «гости Аэрофлота». И ребята остро чувствуют этот

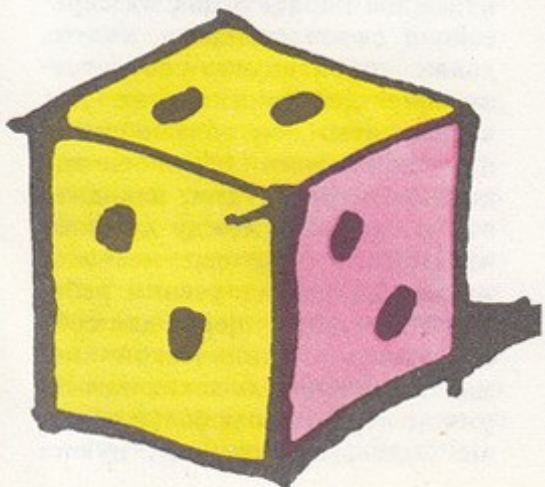
недостаток. Конечно, хотелось бы приблизить к авиации и строительные отряды, и практики, и даже то время, которое студенты проводят на осенних сельскохозяйственных работах. Помогать государству, безусловно, нужно. Но почему бы студентам МАИ летом не заняться чем-нибудь более близким к своей будущей работе, чем строительство коровников и укладка дорог в ближнем Подмосковье? Была попытка организовать строительные отряды, бойцы которых выполняли бы поильные работы в аэропортах Москвы и обслуживали авиалинии в качестве стюардов. Но до сих пор эта идея не реализована.

Андрей Аржанов: Свои двойки мы, конечно, уже пересдали. И в будущую сессию надеемся обойтись без срывов. Жаль только, что выводы из прошлой сессии сделали только лишь мы, «потерпевшие». Ведь это полностью не решит тех проблем, с которыми столкнулись мы.

Разные ребята, разные мнения... У второкурсников одно представление об учебном процессе, о том, каким он должен быть. У студентов более старших курсов — другое. Одно — более поверхностное: в большинстве неудач винят преподавателей, не сумевших «заинтересовать» студентов, неинтересные лекции. Другое — более глубокое, объективное, с конкретными предложениями, с собственными наблюдениями — ведь они так важны, — замечания самих студентов, отработавших на практиках, отучившихся, отсдававших...

Но в их оценках и мнениях есть и общее: недовольство учебными планами, формальным подходом некоторых преподавателей к проведению занятий и приему экзаменов.

А если отвлечься от того, что разговор ведут «двоечники», а следовательно, «плохие» студенты? Многие из тех, кто занимается организацией учебного процесса, смогут найти рациональное зерно в том, что было сказано ребятами. Ведь не так уж часто преподаватель или сотрудник учебно-методического отдела имеет возможность погово-
ворить со студентом **на** чистоту.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Корень учения горек, но плоды его сладки

Алексей Лосев

Природа наделила человека умом, способным развиваться и познавать, сердцем, преклоняющимся на доброе и злое, и волей, выбирающей цели и способы стремлений. Заложенные в основе нашего существа идеи говорят нам о том высоком призвании, к которому назначен человек, и они являются главным двигателем всего духовного совершенствования. Напрасно бы

мы стали говорить против того, что человек предназначен для чего-то более высокого, чем его земная жизнь. Мы не в силах привести достаточные для этих мыслей доказательства, а если бы и привели, то внутреннее наше убеждение, наше сердце было бы против. Но то обстоятельство, что мы имеем в своем распоряжении такие способности, какие не знает ни одно живое существо, еще не значит, что поставленные нами цели можно

достигнуть сразу. Сами по себе наши природные способности, не собранные в одно целое и не направленные к одному, почти всегда теряют свое значение и не приносят той пользы, какой бы можно было от них ожидать. Главная трудность духовного развития в том и заключается, что из всей массы человеческих стремлений и сил, данных для их удовлетворения, нужно выбирать только те, которые не противоречат моральным требованиям и которые отвечают нашему сознанию человеческого достоинства. Труден и длинен путь, ведущий к мудрости, то есть добродетели в соединении с умом, но чем труднее этот путь, чем больше удалось человеку преодолеть препятствий, тем приятней становится для него жизнь, тем большие его ожидают награды. Эта мысль как нельзя лучше выражена греческим ритором Исократом, который, сам испытав трудность «учения» и познав его пользу, оставил нам свое изречение: «Корень учения горек, но плоды его сладки». Оно так соответствовало действительности, так было справедливо, что с течением времени обратилось прямо в поговорку. Живучесть этого изречения всецело зависит от того, что оно, безусловно, истинно. Почему же начало учения всегда сопряжено с такими трудностями, почему «корень учения» никогда не бывает сладким.

Рассматривая этот вопрос, мы должны принять во внимание, что «учение» почти всегда начинается нами еще в детском возрасте. Силы наши, с которыми мы приступаем к изучению первоначальных предметов, далеко не соответствуют серьезности (для детского, конечно, ума) этих последних.

Учащийся, раньше живший только простыми восприятиями извне, не обрабатывая их серьезно в своем сознании, теперь должен производить соответствующие действия в уме над воспринятым, он обязан уметь, при понимании связи между данными предметами, находить эту последнюю между другими предметами, ему еще неизвестными. До начала учения ребенок без всякого ущерба для себя пользуется механической памятью, но в начале такая память уже не играет столь большой роли. Здесь, как говорят, нужна

смекалка. А этой-то смекалки не хватает у многих детей, что доставляет им большие трудности при учении.

Но если мы глубже проникаем в психику ребенка, который сидит в тесной комнате и с трудом разбирает слова, вода пальцем по букварю, то нам еще ясней станет причина неприятностей, связанных с первыми опытами школьника. Ум его, как уже сказано выше, не привык мыслить в собственном значении этого слова; всякому же предмету для того, чтобы ребенок его мыслил, сознавал, нужно, разумеется, войти сначала в сознание, и вот это-то «вхождение» и есть другая причина весьма многочисленных страданий для дитяти. Нужен для учения ум, который бы мог верно схватывать слышанное или прочитанное, нужна память, правда, и механическая, но больше всего рассудочная, ибо только при наличности последней возможно основательно усвоить многочисленные науки, наконец, нужна воля, которая бы могла заставить просидеть нужное время за книгой и выучить то, что положено. А какой у ребенка ум, какая воля? Взрослый человек имеет возможность принудить себя, остановить внимание на известном предмете, выбрать из него все существенное и запомнить; у ребенка же такой способности нет, он еще не выработал тех приемов, которые необходимы при изучении для каждого. Это недостаточное развитие способностей служит нередко камнем преткновения для начального образования ребенка. Каждый из нас может припомнить не один случай из своего детства, когда какое-нибудь арифметическое правило или какая-нибудь задача служили для нас причиной многочисленных слез и неприятностей для наших родителей.

Недостаток духовных сил, который обуславливает собою «горечь» учения, сопровождается еще одним обстоятельством, намного со своей стороны увеличивающим неприятности первых лет умственной работы ребенка. Это именно — мелочность и неинтересность получаемых им в первой школе сведений и непонимание им пользы элементов науки и искусства. Что науки для ребенка не могут быть интересными, это видно из того, что он не может их прило-

жить к своей жизни. Случается, конечно, что ребенок интересуется какими-нибудь предметами в школе и сидит за книгой, найдя себе удовольствие в занятиях, но это уже исключение; что правильно для человека талантливого от природы, то не всегда приложимо ко всем остальным людям. Да и тот, кто в раннем уже детстве начинает сам, безо всякого принуждения заниматься науками, едва ли может сознать всю пользу усидчивого труда, не говоря уже о тех детях, которые ничем особенным не отличаются. Как может быть приятно ребенку учение при таких обстоятельствах, когда вместо веселых игр на воздухе и ласк окружающих родных, ему приходится зубрить неизвестно для чего скучные и непонятные правила, когда его так тянет побегать, порезвиться и оставить противную комнату с трудными книгами и строгим наставником? Учение же непреклонно требует своего: без прилежания не будет познаний, без повторения они будут слабы, без упражнений в них ребенок будет неопытен, без упорного труда не будет в состоянии приступить к другим, более серьезным наукам. Многие даже так и оставляют учение, потому что они не в силах заставить себя заниматься. Способности у них, безусловно, есть, на что указывает проявление их вне школы, но у этих детей нет прилежания, нет воли, чтобы овладеть собою и заставить себя исполнять учебные обязанности. Все это вполне ясно объясняет, почему начало учения сопряжено с большими неприятностями и затруднениями для учащегося.

Но не всегда учение доставляет только одни неприятности. В сущности, эти неприятности ничтожны, ибо они только присущи детскому возрасту, и, если говорить о них, принимая во внимание все вообще, что приходится человеку испытать в жизни, то незначительность их станет еще более ясной и понятной. Человек, одолевший трудности начала учения и не истративший для него всей своей энергии, в конце концов придет к убеждению, что «плоды учения» приятны и полезны так, как говорит разбираемая нами поговорка.

Оставляя пока в стороне все материальные выгоды, которые

мы получаем от науки, обратим внимание на ту ее сторону, которая доставляет нам внутреннее удовлетворение и служит главной причиной нашего духовного развития. Цель изучения наук и переработки тех сведений, которые они доставляют, есть сформирование в нас личности, то есть совокупности таких идей и убеждений, которые бы составили собой неотъемлемую принадлежность нашего «я». Каждый человек представляет собой нечто независимое и обособленное целое. Быть цельным, быть самостоятельной единицей, то есть иметь Свое действительно своим — идеал образованного человека. Но приобрести убеждения, которые бы образовали в нас личность, можно лишь путем долгого и упорного изучения наук. Имея свои убеждения, мы становимся в определенное отношение к окружающим людям, к обществу, к государству, и это уже должно доставить нам большое удовлетворение. Да, кроме того, чистое знание, без всякого употребления его на выработку мирозерцания, уже оно одно служит для человека источником высоких наслаждений. Но наука приносит «сладкие плоды» даже таким людям, которые по своей близорукости не ждут от нее духовного удовлетворения. Многие при изучении наук преследуют только одни материальные выгоды и преимущества, и в их осознании достижение известного «образования» всегда соединяется с достижением материальных успехов. В этом случае «плоды учения» еще более очевидны. Раз человек достиг известного положения в обществе, если он обеспечил себе безбедное существование, то «сладкий плод» учения становится для него прямой реальной действительностью. Можно нередко встретить таких людей, которые, по своей ли вине, или просто благодаря дурным условиям существования, не получив в молодости достаточного образования, вступали в жизнь без всяких научных познаний и подготовки для деятельности в качестве полезного члена общества. Эти люди, если они не испытали всех трудностей первых лет учения по своей лености и несамодеятельности, всегда упрекают самих себя, и начинают «учиться» уже в зрелых годах.

До тех пор, пока не сделаются образованными, они не могут рассчитывать на те выгоды и ту пользу, которую другие люди получают после многих лет труда и лишений ради образования.

Вместе с теми, которым мешали раньше учиться внешние обстоятельства, они, начиная заниматься, с удовольствием переносят все трудности учения и думают вместе с поэтом, который, «погубив много жизни на разные забавы», с сожалением говорит:

Грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана!

Выгоду образования можно сравнить с урожаем на земле крестьянина. Ранней весной начинает он свои полевые работы и трудится все лето, несмотря на страшно изнуряющую жару на поле, где нет ни одного дерева, которое бы могло скрыть его под свою тень. Но честно потрудившегося крестьянина ожидает удовольствие отдыха и полного довольства на круглый год.

Тяжел и многотруден посев первых стараний учащегося, но будущий урожай настолько заманчив, настолько он много дает обещаний, что «корень учения» всяким должен переноситься с полным терпением и добросовестностью.

Примеров того, как вознаграждаются прилежные занятия, в истории мы можем найти немало. Освистанный своими согражданами, косноязычный, не подававший никаких надежд грек Демосфен после упорного труда и стараний превращается в великого оратора Греции. Петр Великий, воспитание которого мало чем отличалось от воспитания предшествовавших ему московских царей, познавши необходимость «учения», сам сначала сделался таким человеком, каким хотел сделать своих подданных. При нем русское войско, испытав «горечь учения» (оно почти все было перебито при Нарве), пожало и его «сладкие плоды» после Полтавского сражения. Чуждающийся всего иностранного и не желающий учиться у других, современный Китай мало чем отличается от прежнего Китая, в то время как Япония, вполне предавшаяся европеизации, которая была порой так же трудна для ее жителей, как реформы Петра для русских, пожинает

теперь плоды своего учения, все более и более развиваясь как в культурном, так и политическом отношении.

Один мыслитель сказал: «Ничто на свете не может так убедительно повлиять, как добровольно выраженная признательность». И действительно, какое доказательство может быть лучше того, какое представляет собой изречение авторитетного лица, на собственном опыте проверившего истинность своих слов. «Μαθηματα — λавηματα»¹, — сказал еще в V в. до Р.Х. Геродот. Эту истину признали римляне, создавшие свою поговорку: «Guae nocent, docent»².

Ее не чуждались как поэты и философы древнего мира, так и ученые нового времени. «Perfer et obdura: labor hic tibi proderit olim»³, — сказал Овидий; «Non est ad astra mollis e terris via»⁴, — сказал философ Сенека. Последнее изречение мало-помалу превратилось в более короткое: «Per aspera ad astra»⁵, которое и теперь служит для многих девизом всей их деятельности. В одной своей песне немецкий поэт Геллерт говорит:

«Ein jeder Stand hat seinen
Freuden,
Ein jeder Stand hat seine
Last.»⁶,
а другой, Гердер, в стихе: «Die
wiedergefundenen Löhne»⁷:

«Was die Schickung schickt,
ertrage!
Wer ausharret, wird gekrönt».

(Переноси то, что посылает судьба! Кто терпеливо вытерпит до конца, тот получает венец).

Многие истины, которые выражены в пословицах, можно оспаривать. Из них «корень учения горек, но плоды его сладки» есть та, которая меньше всего подлежит какому бы то ни было оспариванию или сомнению.

¹ Математа — патемата. Учение — страдание (греч.).

² Кве ноцент — доцент. Что вредит — учит (досаждают).

³ Переноси и будь тверд. Труд некогда принесет тебе пользу.

⁴ Путь не гладок от земли до звезд. Путь от (каких-то земных дел) до звезд негладок.

⁵ Через трудности к звездам.

⁶ Каждое состояние имеет свою радость.
Каждое состояние имеет свою тягость (ношу).

⁷ Вновь обретенная награда.

Отсюда вывод один. Мы обладаем великими средствами к духовному развитию; одним из этих средств является наука. «С умом ведь, все люди Гераклиты», — сказал Карамзин. Обязанность каждого — использовать данные ему силы и способности на пользу просвещения и последовать призыву нашего первого философа и ученого Ломоносова, который 150 лет тому назад сказал вдохновенными стихами современному ему юношеству:

Держайте...
Раченьем вашим показать,
Что может собственных
Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать!

14 декабря 1909 года

ИСПЫТАЙ СЕБЯ

Десятикласснику, обдумывающему бытие

Напоминаем нашим читателям о том, что опубликованная выше работа «Корень учения горек, но плоды его сладки» есть не что иное, как классное сочинение, написанное А. Ф. Лосевым в годы учебы в Новочеркасской гимназии.

В № 2, 3 мы предложили сегодняшним десятиклассникам испытать свои силы и посостязаться с Лосевым, написав сочинения на ту же тему.

В ближайшие дни будут подведены итоги творческого спора нынешних школьников с гимназистом начала века. Но итоги итогами, а сами вы, юноши и девушки, можете сравнить свои работы с сочинением, которое только что прочли?

Попробуйте критически разобрать, сопоставить свою работу и сочинение шестнадцатилетнего Лосева. И, пожалуйста, поделитесь с нами результатами этого сопоставления.

Срок — до 1 мая с. г. А пометка на конверте все та же — «Испытай себя».

Держайте!

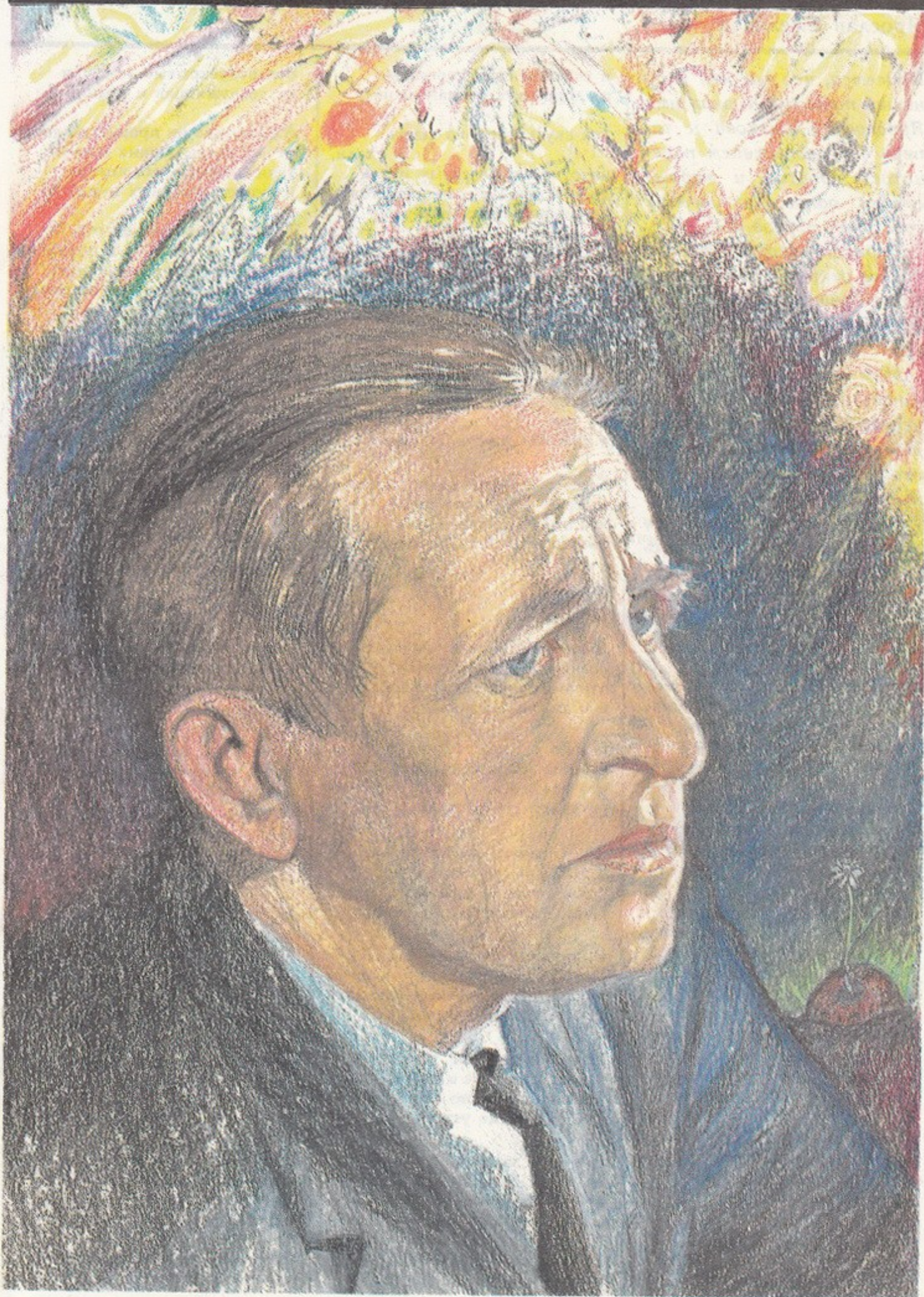

Рис. А. Мицана

Какие будут люди — такие будут и обстоятельства

В нашей отечественной культуре объективно сложилась традиция художественно-философского осмысления действительности, и глубина и мощь такого осмысления, не говоря об общественном резонансе, зачастую превосходили работы «профессиональной», академической философии. И М. Анчаровым сознательно избрана одна из наиболее плодотворных, реализующихся в «накоплении» живой духовности философских позиций.

В общем плане — это борьба за и против человека, борьба единых и взаимопроникающих противоположностей внутри каждого за выход на новый уровень человечности. Человечность, человекоподобие — это качества не тела, но дела; их идеальным выражением является духовность; реально-практическим же — со-действие, со-участие, со-причастность к делам иных людей не с целью навязывания им своего образа жизни, а их же собственного максимального развития.

Будущее — это не какой-то год, пусть и 2001-й. Будущее — это реальная возможность, в осуществлении которого уже вызрела общественная необходимость. Поэтому понятно, что люди могут жить бок о бок друг

с другом и не быть современниками. Анчаровский Леонардо жил в хронологическом прошлом, большинство же его современников будут жить в хронологическом будущем. Реальность будущего в настоящем и есть «поле» прорастания мечты, надежды, «опора» совершенствования, «подтягивания» всего остального до своего уровня. Анчаровым ясно показано, что в движении к будущему в общественной жизни ничего не делается, за исключением того, что кем-то уже сделано.

По традиции считалось (да и сейчас порой считается), что какие будут обстоятельства, такие будут и люди, что «бытие определяет сознание». Но только ли производство материальных благ включает материальная жизнь? Самоочевидно, что она включает и производство человека как материального существа и как материального носителя общественного сознания. Анчаров выразил это предельно афористично: «Какие будут люди — такие будут и обстоятельства».

История творилась всегда и везде, где создавалась человеческая справедливость. Каждый чей-то шаг на пути прогресса, на пути очеловечивания и был ходом истории, совершался ли он в палеолите или в конце XX века. Предыстория же — то, что «окружает» человека до такого шага. То есть это или бездеятельность, или деятельность по достижению чужих и чуждых целей, или античеловеческая деятельность. С позиций «предыстории» плохо все, что за пределами раз навсегда определенного. Для такого подхода неопределенность — странна и опасна. Но «только человек и бывает странным. Свинство начинается со стандарта». Непохожесть, свободное развитие каждого — это и есть норма будущих времен, и надежда на ее осуществление, и движитель за рамки стереотипов и шаблонов. «И хорошо, что есть Пушкин, и, значит, можно верить в личный талант, который вовсе не

анархия, а норма будущих времен».

Духовность аккумулирует в себе историю и культуру, их тенденции, их опыт и вводит частичную, волей-неволей ограниченную деятельность одного человека в контекст общественного, всеобщего. Человек изначально диалогичен, мелодия общества многоголоса, полифонична. Истина достигается совместно и живет только как общее достояние, не принадлежа каждому «по кусочку», а всем, всей общности, объединенной «не случайным делом». Человек не сводится к тому, что он есть: важно — кем он может быть.

Реализм, по Анчарову, — это изображение возможного как устоявшегося, сбывшегося и есть психологическое преодоление пока еще реального предела; последующим делом этот предел будет устранен из самой действительности.

О необходимости нового мышления Анчаров начал говорить еще в 60-х годах. Это мышление Анчаров активно формировал у аудитории, одновременно оттачивая и шлифуя свое. Так не стоит ли прислушаться, оторваться от самых, казалось бы, неотложных дел, вчитаться, вслушаться — о чем говорит Анчаров сейчас?

С. Грабовский, преподаватель философии, г. Киев.

От редакции. Это письмо мы получили в общем потоке откликов на публикации Михаила Анчарова. Возможно, оно несколько сложновато для восприятия, но мы не хотели упрощать его, как и любой разговор о творчестве как таковом. Повесть М. Анчарова, которую мы предлагаем сегодня вашему вниманию, во многом экспериментальна. Сам М. Анчаров говорит, что впервые пишет так — произвольно соединяя отдельные впечатления и фрагменты бытия в поисках ответов на мучающие нас вопросы.

Словом, давайте посмотрим, о чем говорит М. Анчаров сегодня.

Михаил Анчаров

Козу продам

Повесть

Какое прекрасное желтое слово — степь! Откуда я знаю, что чувствуют степняки, когда лежат, идут, бегут или скачут по степи на лошади. Откуда я знаю?! Откуда я знаю, что чувствуют москвичи, которых занесло в эшелоне, постукивающим колесами на высокой насыпи, но я могу сказать, что чувствовал, когда видел эту степь, и что чувствую теперь, через полсотни лет, через полвека с тех пор, как я ее видел...

Шестьдесят лет — срок жизни для одного человека немалый. И я, не упорствуя, без нажима, совершенно свободно, выхватывая из памяти что попало и при каких угодно обстоятельствах, когда я вспоминаю эту степь и даже не саму степь, а слово «степь» — желтое просторное слово, я тогда испытываю то, что я не испытываю при воспоминании о всяких там горах, лесах, полянах, садах, городах...

Степь... Степь... Откуда ты во мне? Когда я всю жизнь прожил среди искусственного камня домов, тротуаров и асфальтов?

Мне было тогда восемнадцать лет. Потому что это был 41-й год... И я первый и последний раз за всю последующую жизнь увидел степь.

Я не буду больше писать про степь. Я про нее ничего не знаю, но буду думать о ней все время.

Мы лежали с ней официально голые, потому что только что расписались. А надо вам сказать, что расписывались тогда мало, шла война. Была осень 41-го года. И все же я сходил к начальнику части, полковнику, и отдал ему рапорт о том, что хочу жениться. Он молча прочел, отдал комиссару, тоже полковнику, полковому комиссару, и они стали смотреть на меня. Они смотрели на меня, на молодого идиота, и, видимо, старались подобрать слова. Слов я не помню. И слава богу! Потому что если бы я запомнил то, что они мне сказали, я бы не решился это записать. Не отговорив меня, они выдали мне разрешение на брак с гражданкой такой-то...

И вот, проделав все формальности, которые мне теперь вовсе не кажутся трогательными, мы официально разделись догола в пустой квартире, которая вся ушла в бомбоубежище, потому что тревогу уже объявили. Мы вместе легли в постель и должны были бы испытать необыкновенно приятное ощущение, которое тут же кончилось, не начавшись, когда она сказала: «Война только еще начинается, и тебя могут убить. Как же я тогда выйду замуж, если я не буду невинной? Поэтому давай ничего делать не будем». Вы мне, конечно, не поверите, но тогда мне ее слова показались справедливыми. И я, вместо того, чтобы погнать ее к чертовой матери, сразу же, не раздумывая, согласился и всю войну хранил ей физическую верность.

...Что-то взорвалось, кого-то убили... пейзаж, что ли, подпустить...

Поэтому, когда через несколько лет меня все же не убили, и я вернулся со второй войны, мне сказали, что я огрубел. Огорченный этим обстоятельством, я с другой женщиной решил довести это дело до конца. И довел его с другой женщиной с большим успехом.

Степь... Степь... По-моему, трогательно, вам не кажется?

Певцы раскрывали дипломированные пасти, и в них хотелось закинуть шайбу. В огромных залах зверствовала культура. Остальное доделывала аэробика.

Колумб дрыгнул ножкой и встал с койки. Мужчина в бочке прокричал: «Земля!!!» Бочка висела на фок-мачте, очень высоко. И к тому крик был похож на кошачий. Так Колумб открыл Америку, хотя был уверен в том, что открыл Индию. Это было в 1492 году.

«Вздор», «чепуха», «дрянь» — позади всех этих слов обрезки от плотницкой работы. «Вздор» — это по-старому «стружка», «чепуха», это щепка, «дрянь» — это дранка. Так что когда говорят «чепуха», «дрянь», это не ошибка, а старое произношение. Но что же у них общего: у вздора, чепухи и дряни? Все они — отходы.

Раньше можно было пренебрегать отходами.

Потом от них стало некуда деваться, и их стали жечь — и стружку, и щепки, и дрань...

Потом стало ясно, что отходы — это доходы. Диккенс даже роман написал про состояние, нажитое на мусорных кучах.

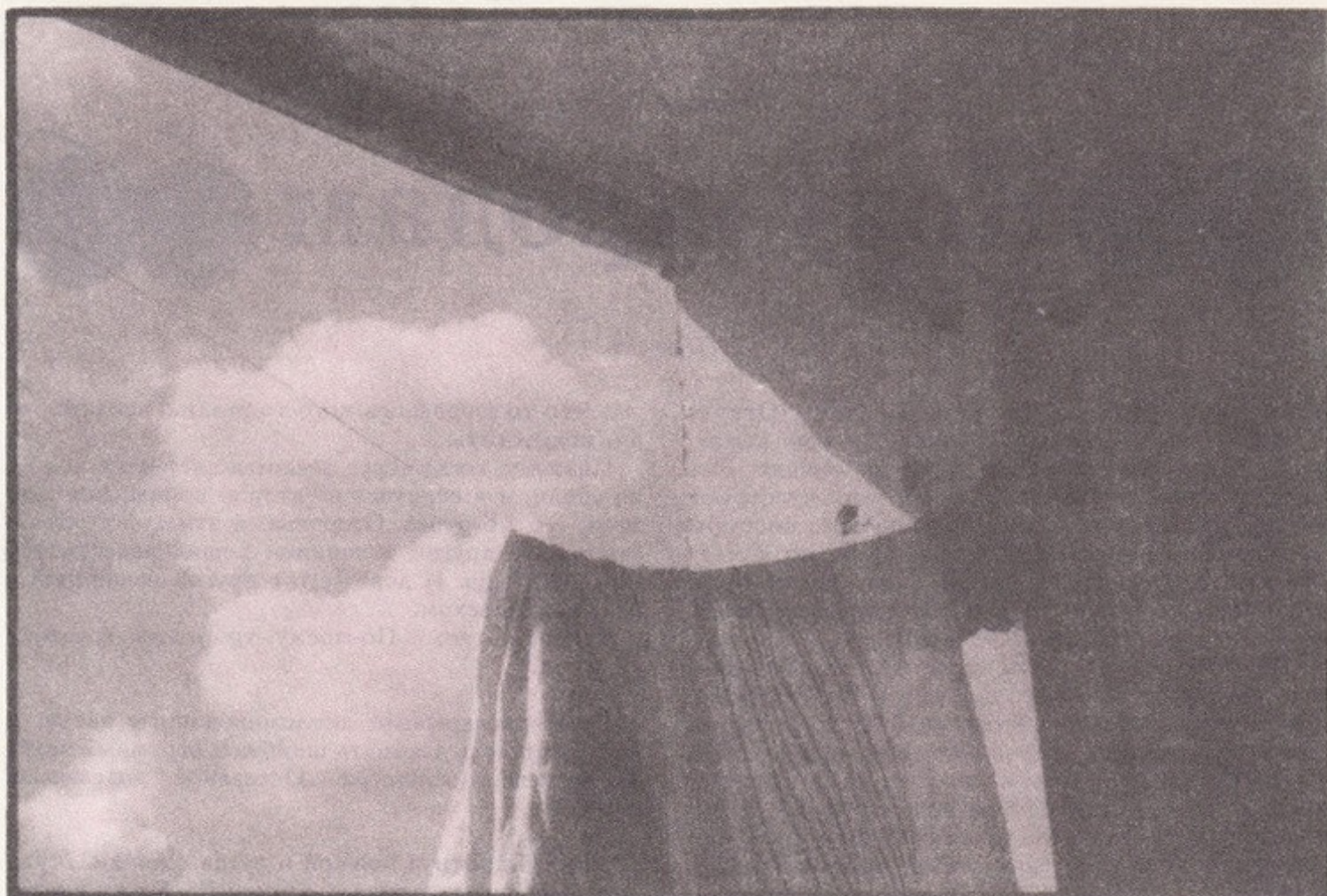
А теперь вообще стало ясно, что мусор — это вторсырье. Сырье, правда, но все-таки «втор». Кстати, а почему «втор»?

«Втор» от обычного сырья отличается только одним — ко «втору» надо приложить смекалку, а сырье — это грабег того, что природа скопила. А больше ничем не отличается.

Неживое сырье, худо-бедно накопила природа живая, и человек его грабит, а над «втором» надо еще головой повертеть...

Вернадский говорил — ничто живое не может жить в среде своих отходов. Своих! Но чужие отходы — это и есть плодородная земля, почва, которая родит плоды.

То есть вся наша родимая, а вернее, родящая земля — это и есть «вторсырье». И потому уже пора говорить не «сырье», не отходы, и не вторсырье, а просто вещества. Неживые вещества, которые в своих целях используют живые существа — когда-то безмозглые амебы, а теперь используем

их мы, умники, которые свое неумение жить вместе называют духовной жизнью.

И сегодня патриотизм, защита родной земли — это защита всей земли в целом, планеты, — такая наступила наша энерговооруженность.

...Когда я демобилизовался, то первое, что сделал, это освободился от нижнего белья. Белье бывает разное. То же самое было написано в брошюре о вшивости, которую нам раздавали. Было написано: «Воши бывают разные».

Я не знаю, бывают ли они разные, но их было много.

Когда я написал в своей первой повести «Золотой дождь» об этом, то редактор вшей мне выкинула.

— Почему? — спросил я.

Она сказала:

— Вши были только в империалистическую войну, а в эту войну — только у немцев. — И посмотрела на меня умными глазами.

Я, конечно, знал, что это не так. Когда зимой эшелон останавливался в снежном поле, то солдаты выскакивали наружу, расстилали нижние рубашки на рельсах и прокатывали бутылками. Стоял треск. Да и на каждой тыловой станции были вошебойки, куда мы сдавали обмундирование, и там его жарили раскаленным паром и возвращали форму обратно со скрюченными брезентовыми ремнями.

Но я понял, что не важно, какая была война в жизни — в литературе война должна быть элегантно. Повесть была дороже.

Так что когда я демобилизовался, то первым делом высвободился от казенного солдатского белья. У меня с ним были связаны плохие воспоминания. Я не знаю, какое оно сейчас. Повторяю — оно

бывает разное. Но тогда оно было такое: белая полотняная рубашка с завязочками у горла и кальсоны с завязочками на щиколотках. Прекрасное белье. Ни одной пуговицы.

Правила языка придумывают безграмотные люди. А докторские диссертации за оформление этих правил получают отдельные посторонние ловкачи.

Горький в статье о Есенине приводит две его строфы, но не такие, какие может петь с эстрады дама средних лет в кокошнике, а такие, которые никто, кроме Есенина, написать не смог бы. Вот они:

Первая: «Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать».

И вторая: «Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины».

Я берусь на каждую из этих строк написать по диссертации, которые будут ничем не хуже остальных. Но беда в том, что они будут и ничем не лучше. А тайна воздействия этих строк так и остается тайной. Ну и оставим ее там же, где ей и быть надлежит.

А правда, наверное, хорошо бы, на стог улыбаясь, мордой месяца сено жевать. Но — увы — это невозможно.

Степь... Степь...

А почему это невозможно? А потому, что Америку не только открыли, но и истребили индейцев, у которых развитие шло совсем другим путем. То есть вместе с индейцами истребили и другой путь развития. И произошла страшная подмена. А теперь мы ждем, на сколько еще лет — 20 или 30 — осталось воды и воздуха в биосфере, когда мы без всяких атомных войн можем однажды не проснуться.

Я об этом говорю, потому что нахожусь под впе-

чатлением от одной экологической лекции, которую слушал на одном Докучаевском семинаре. Выступал ученый человек и рассказывал все, как есть и что будет.

Я в медицине не понимаю ничего, остолоп. А уж в народной медицине «хета», как говорят японцы, бездарь.

Когда мы на «виллисе» наехали на мину, никого не убило, но нас подняло я рвануло об землю, об битое стекло. Так... порезы кое-какие... Но после этого я четыре дня не говорил. Потом стал говорить, но голова болела дико, хотя, по-моему, я головой не приложился. А потом замечаю: голова разламывается от любого шума. Танк по улице проедет, а меня скручивает. Какие тогда были лекарства? Ну, аналгин, ну, пирамидон, я и сейчас не знаю, какие. Не проходит, мать его!

Тогда мне наш переводчик сказал: «Сходи к китайскому доктору, он по-другому лечит».

Привел меня переводчик в китайскую аптеку. Темно и, по-моему, грязно. На потолке сушеные стебли висят и какая-то здоровенная сушеная ящерица или крокодил, что вряд ли. Ну сказал, голова болит все время, переводчик кое-как перевел, а доктор меня за руки держал, за запястья, и все смотрел на меня сквозь здоровенные очки. Потом покивал и дал мне картонную коробку величиной с коробку из-под торта. Сказал, что надо вскипятить два литра воды в кастрюле, а содержимое коробки туда бросить. И сказал, сколько времени в кипятке держать. Потом остудить и пить по рюмке три раза в день. Рюмка — грамм 50. Он сказал: «Будет горько, но пройдет». 15 лет он гарантирует, дальше — не знает.

Так все и вышло. Вскипятил воду в кастрюле и стал смотреть, что же я туда сыпать буду. Солдаты хохотали. Картонная коробка была поделена полосками картона на квадратики, и в каждом квадратики что-то лежало, завернутое в папиросную бумагу. А когда я стал разворачивать, то оказалось: либо травка, либо какие-то крылышки жуков, какая-то сушеная саранча или кузнечики, по-моему, был даже хвостик от ящерицы. Солдаты хохочут... Думаю: «Была не была...» Высыпал все в кастрюлю, прокипятил как велели. Даже не помню, процеживал ли?

— Хороший супчик! — говорили солдаты.

Я отмалчивался. И, зажмурив глаза, выпил рюмку. Противно... но слишком голова болела. В день три раза, два литра. Грамм по 150 в сутки. Думаю: «Не умру — можно вытерпеть. Заем чем-нибудь». Недели две пил. Боль в голове прошла начисто. Первый раз заболела голова только через 20 лет, и то, когда пьяный упал в ванной в Москве. Жители квартиры опять хохотали...

И вот тогда я впервые понял, что доктор — для того, чтобы лечить.

После того как у Колумба сперли Америку, прогресс стал еще прогрессивнее.

Вообще-то Америку сперли не только у Христофора Колумба, который Америку открыл, и не только у индейцев, которых вскоре стали резать железными ножами, поскольку у индейцев железа не было, но сперли и у Паоло Тосканелли — был такой доктор во Флоренции. О нем настолько прочно забыли, что я и имени его не нашел в энциклопедии Брокгауз и Ефрон, — может, в других где есть. Так вот, этот доктор догадался и вычис-

лил, что, кроме нашего материка за океаном, на западе, должен быть еще один материк, который там и оказался. И его открыл Христофор Колумб, когда прочел письмо Тосканелли об этом. Паоло Тосканелли выпестовал еще двух учеников. Одного звали Леонардо да Винчи, а другого звали Америго Веспуччи.

А имени Тосканелли в энциклопедии не оказалось. Но, может быть, я плохо искал, в других энциклопедиях есть.

Но все-таки, как же бедный Колумб? Как ухитрились спереть материк у человека, который его открыл? Нет, конечно, имя его кое-где сохранилось: государство Колумбия, например, или округ в США, и даже Колумбийский университет.

А проделали это так... после того, как на новый материк стали наведываться корабли из Европы, на одном из них туда смотался Америго Веспуччи, куда-то в район Бразилии, и хорошо описал путешествие в письме к кому-то. А так как в Европе уже была пресса, то письмо издали. Оно всем понравилось. И стали этот материк — новенький, с иголки — называть не Колумбией, а Америкой. И прогрессивная пресса сделала еще один шаг в область массовой дезинформации.

Ну, дальше все просто. В Америку хлынула европейская уголовщина, которая стала оттуда вывозить золото, а индейцев резать железом. Поскольку, повторяю, у индейцев железа не было. У них вообще почти ничего не было. Поскольку не было железа — не было железных мечей, а только из вулканического стекла обсидиана, а это, сами понимаете... Не было у них лат, шлемов, щитов, аркебуз, не было даже пушек, они даже пороха не выдумали. Мало того, у них не было даже колеса. Колесо им не нужно было потому, что у них не было даже лошадей, тягловой силы Европы. И, стало быть, у них не было диска.

Что же у них было? Если у них ничего не было. У них, по крайней мере, было три непрогрессивных государства: ацтеков, майя и инков, где, несмотря на то, что в ихних непрогрессивных церквах сохранились человеческие жертвы, храмы были не хуже, чем в Европе, и к городам вели дороги не хуже римских, которые и теперь вызывают зависть у всемирных автомобилистов. И почти две тысячи лет не требуют ремонта.

Самое главное, что в отличие от прогрессивной, нищенской Европы, там все были непрогрессивно сыты. Хотя всем известно, что без науки и техники сытым не будешь. Чем же они питались, эти несчастные, что им всего хватало? Мясом они питались почти таким же, как в Европе, поскольку у них был скот, но сельскохозяйственная продукция у них была только такая, которая не требует ни науки, ни техники и технологии, ни тягловой силы, ни колеса, ни плуга. Если теперь в Европе землю пахут чуть ли не бульдозером, то из всех орудий производства у них была только заостренная палка, которой можно проткнуть землю, почву, и посадить туда зернышко. То есть прогресс у индейцев отсутствовал, но зато у них был маис, помидоры и картошка, которые как раз бульдозеров и не требуют. А требуют именно заостренной палки, поскольку все эти культуры фактически огородные. Поскольку маис, а иначе — кукуруза вырастает выше всадника на лошади, а початок дает зерно во много раз больше, чем колос самой прогрессивной пшеницы.

Да, повторяем, пороха в технологии они не выдумали. Но все технологии, если приглядеться, сводятся к тому, что они жгут воздух.

Индейцы порох не выдумали, потому что он им и на фиг был не нужен.

Мне всегда хотелось написать роман, который бы мне потом хотелось бы прочесть самому до конца. Но всегда мешала мысль: «А как его прочтут другие?» И я это подсознательно учитывал. И вот первый раз я пишу такой роман. Роман, состоящий из кусков. Потому что во всех журналах, в том числе и в журнале «Наука и жизнь», мне больше всего нравится раздел «смесь». Да оно и понятно: наука последовательна, по крайней мере, ей это так кажется, логична, но тороплива. А жизнь состоит из медленных случайностей. И жизнь, живая жизнь вносит поправки в любые общие рассуждения. Потому она все еще жива.

Самая законченная формула глупости, которую мне приходилось слышать, звучит так. Внимание: «Назло врагам козу продам, чтоб дети молока не пили». Это самое прямое и, что самое главное, самое точное описание цивилизации нынешнего типа. Не отмахивайтесь. Вдумайтесь. Чем больше вы будете вглядываться в эту формулу, тем больше будете видеть, что она права. А стало быть, и я прав.

Потому что с того момента, как была открыта биосфера, то есть оказалось, что Земля не сама по себе, а ее окружает жизненная сфера, стало ясно, что жечь воздух можно не больше, чем его изготавливают деревья.

Но теперь взялись и за леса.

Когда-то был зубодробильный философский богословский спор о том, что было раньше — курица или яйцо? Теперь одесситы отвечают:

— Раньше было все!

Это — юмор. То есть — смеются. То есть — что-то ушло. А ушло — незнание. О том, что такое яйцо, которое несет курица.

Но иногда кажется, что мозг высыхает, как рыба икра на суше, потому что если средства, облегчающие существование, становятся важнее самого существования, то надо отказываться не от существования, а от средства, от орудий и начинать цивилизацию заново. Но не жизнь.

Я спросил одного мальчика:

— Что лучше — хорошая жизнь или богатство?

Знаете, что он ответил?! Он ответил:

— Это одно и то же.

Так... Значит, и сюда это докатилось. Значит, надо начинать цивилизацию заново. И начинать надо именно с того момента, когда еще понятия «хорошая жизнь» и «богатство» — были разные вещи, а не одна. И когда еще понимали, что богатство — это средство для хорошей жизни, одно из средств, но — не сама жизнь.

Тоня была билетершей в то время, а муж ее был какой-то интеллектуальной профессии. Очевидно, рассчитывал, что непыльная работа его жены позволит ей вести домашнее хозяйство. Она его звала Котя. Она приходила домой и говорила: «Котя, Коть, давай я тебе яишенку толкану». И хозяйство было такое же. Не то чтобы она ленилась или не хотела приготовить настоящую пищу. Она не умела.

— Коть, а Коть, а давай, я тебе яишенку толкану.

Яишенка — это концентрат природы. Курица снесла яйцо, и его можно есть. Сырое — невкусно, а если его вылить на сковородку и поджарить — вкусно. А если не одно яйцо, а несколько — еще вкуснее. Давайте питаться яйцами! Нельзя. У человека на сосудах появляется холестерин. Холестерин — это вредно. Чтобы он не появлялся, надо есть растительную еду, а растительную еду надо готовить. А готовить некогда. А готовят ее машины, которые кормят людей, которые изготавливают эти машины. То есть люди делают машины, которые их кормят. Невкусно — то есть люди едят дрянную пищу, чтобы успеть изготовить машины, которые их же будут кормить дрянной едой. Рано или поздно это сказывается.

Чтобы еда была вкусной, она должна быть тщательной. А люди, в том числе и женщины, заняты тщательным приготовлением машин, которые облегчают халтуру приготовления еды. Вот и все. И люди соревнуются в изготовлении этих машин, вместо того, чтобы соревноваться в изготовлении еды, одежды и жилья. Соревнуются в изготовлении людей, изготавливающих эти машины для изготовления дрянной еды. Наши машины будут не хуже ваших. «Назло врагам козу продам, чтоб дети молока не пили».

На одной вечеринке я ел мидии. Из консервной банки с мидиями был вылит сок и заменен лимонным соком. Это было невыразимо вкусно. Мидии разводятся быстро. Но потом кто-то содрогнулся от того, что мидии будут доступны всем, и стал выпускать консервы, состоящие из рисовой каши с вкраплением мидий. Была испорчена и каша, и мидии. А потом это сняли с производства. Может, где-то все же разводят мидий? Но я их так больше и не встречал...

Чтобы варить и жарить картошку, с нее снимают шкурку вместе с частью картошки. То есть счищают самую полезную часть. Сколько мешков было перечищено во время нарядов вне очереди. Сколько халтуры! Сколько картошки пущено под откос вместе со шкурками. В то время как самое полезное — это варить картошку в мундирах, как говорят, вместе со шкуркой. Во-первых, счищать с вареной картошки только шкурку, потому что она счищается даже концом вилки или обратной стороной ножа, а жарить можно даже со шкуркой. Ну ладно, ну без шкурки. А потом вареную жарят, разжаривают, как говорят. То есть чищеную картошку — разжаривают.

Но однажды я ел картошку удивительного вкуса. Не нарезанную, а прямо небольшая картошка, целиком поджаренная. А потом Инга, жена моего товарища, призналась: «Пришли гости — а у меня ничего нет, кроме картошки, варенной в мундирах. Я шкурку почистила вилкой, потом поджарила прямо целиком, не нарезая, на сковородке. Оказалось, здорово. И ты все нахваливал. Теперь это стала моя фирменная еда».

Но так это и не пошло дальше этой квартиры. А все остальные картошку чистят, чертыхаясь, потом варят, а потом иногда жарят. А еще проще — сразу покупают жареную картошку, называется чипсы, в пакетах. Эту наголо стриженную картошку, нарезанную до толщины бумаги, жарят. И все это делает машина, которую изготавливают мужчины и женщины, а потом покупают, чтобы есть дрянную еду. «Назло врагам козу продам, чтоб дети молока не пили».

Я помню точно тот момент, когда обнаружил в себе некое объективно положительное качество, хотя до этого было худо. До этого все, что я читал, оборачивалось против меня. Как? Самым элементарным способом. Всякий отрицательный персонаж любого художественного произведения был похож на меня. Положительный? Нет, не был похож. Отрицательный? Сплошь...

Никто этого не знал, кроме меня, но я боялся — вот как узнают... Тогда начнется... А жить-то хотелось. Даже сейчас хочется. И я пытался искоренять в себе рекомендуемые к исправлению недостатки, чтоб хоть как-то приблизиться к герою, который описывался положительными красками. Но ничего не помогало. То ли отрицательных черт было больше, и я никак не мог от них избавиться. То ли из всех людей я один был отрицательный. И художественная литература безнаказанно резвилась на мой счет.

Иногда я решал на это плюнуть — уж какой есть, но это длилось недолго. До первой художественной книжки. А потом опять — как сукин сын, так я, а как ангел — так опять нет, не я. Что делать? Ну что делать? Обложили!

Но однажды и во мне нашли положительное качество. И я этот случай запомнил. Как было не запомнить? Только начнешь что-нибудь делать и тебя за это начинают хвалить, а художественная литература тут как тут. И конечно, тут отрицательный герой, у которого главное отрицательное качество как раз то, за которое тебя хвалили. Просто скрыться некуда!

Я в это время был связан с театром. У меня там шла пьеса — инсценировка моего романа, который очень хвалили. Поэтому я избегал читать художественную литературу, хоть временно. Потому что опять боялся нарваться. В театр я приходил как свой человек, через «служебный вход». И вот довольно долго я в театре не был, не заходил через «служебный вход». Потом однажды зашел. И там, в служебной раздевалке, нянечка меня спросила:

— Чтой-то вас давно не видно?

Я ответил с законной гордостью, вернее, с гордостью, которая мне тогда казалась законной:

— Дел до черта... Работаю дни и ночи...

Знаете, что ответила мне нянечка? Она ответила:

— Ух и жадный вы...

А я думал, что она меня похвалит.

Я был настолько ошеломлен, что ушел хохотать одиноко. Не переубеждать же ее было. Потому что я понял, что получил величайший в своей жизни комплимент.

Вот почему она сказала: «Ух и жадный вы». Потому что я сказал: «Работаю дни и ночи». А для нее это было: работаю для заработка дни и ночи, заработать хотел. Не могла же она знать, что для меня «работать дни и ночи» означало вовсе не то, что она думает. А просто я не мог устоять перед блаженством самой работы. Потому что этого я и теперь никому объяснить не могу. В крайнем случае, сойду за графомана. А этого мне почему-то не хочется.

А нянечка исходила из вековой народной мудрости, которая установила и выяснила для себя и, стало быть, для всех, что:

Всех денег не заработаешь.

И я понял, что получил величайший комплимент и что нашел в себе положительное качество.

И я понял, что когда критикуют не за то, то это значит — хвалят!

Нет, ну правда, о чем вообще может быть разговор, если воздуха природа изготавливает меньше, чем мы пережигаем его — о чем вообще разговор?!

Без воздуха ни промышленности, ни науки, ни самой жизни быть не может. О чем разговор! Значит, из воздуха и надо исходить. И если жизнь и ее цивилизация заехала не туда, то надо вернуться к тому пункту, с которого и началось ошутимое движение «не туда». И ехать «туда». Все остальное — болботание.

Была знаменитая фраза Александра Герасимова, президента Академии художеств, который сказал:

— Вот все говорят: «Искусство зашло в тупик». А из тупика один выход — назад.

Поэтому однажды Тоня почувствовала, что ей нечем, ну буквально нечем дышать.

И тогда Тоня вспомнила, что работа должна доставлять радость. И чтобы получить радость от работы, она и устроилась билетершей в кино, поскольку после продажи билетов она тихонько проходила в ложу и садилась в темноте на очередной сеанс. Денег на выпивку, правда, стало не хватать, но выпивку заменили духовные ценности, которых теперь у Тони было сколько хочешь. Каждый день. И эти духовные ценности Тони воспитывали, поскольку Тоня любила детективы, в которых добро побеждало зло, и мало того, что по-

беждало зло, еще и молоденький милиционер всегда находил, кого из спасенных полюбить.

Тоня, конечно, знала, что так не бывает, что это — мечта, то есть хорошо бы так было, но зато досуг ей ни черта не стоил. А досуг всегда стоит о-го-го! Дороже досуга нет ничего.

Для своей духовной жизни Тоня облюбовала ложу с правой стороны или с левой, я уже не помню, потому что там всегда имелся свободный стул возле самой пепельницы. Потому что ложа была для привилегированных посетителей, где можно было в темноте курнуть. Привилегированный посетитель возле пепельницы сидеть не хотел — там пахло, и место пустовало.

И именно этот приставной стул возле пепельницы сыграл решающую роль в дальнейшей Тониной судьбе. Потому что именно там она познакомилась со своим основным будущим мужем, о профессии которого она говорила: «Человек интеллектуального труда».

Тоня не знала, что такое человек интеллектуального труда, но поскольку и я этого не знаю, то профессия мужа в этом повествовании так и останется тайной.

Поэтому, когда она заметила, что интеллектуальный труженик чаще, чем следует, дотягивается стряхивать пепел с сигареты в пепельницу через ее ноги, то она поняла, что этот киносеанс можно и пропустить, тем более, что она кино это уже видала. Поэтому, когда, уже в третий раз стряхивая пепел, он наклонился через голые ноги Тони, поскольку юбка за это время решительно укоротилась, а ноги были голые из-за летней погоды, и сводка обещала жару и на следующий день, то когда они поженились, Тоня решительно переменяла свою жизнь и стала говорить знакомым, что фильмы она видит на закрытых просмотрах. Это было неправдой. Но об этом знала только она одна. Но и об этом она знала неточно, поскольку не понимала, что именно можно просматривать, если просмотры закрытые.

У Достоевского есть мысль, которая раньше была не так широко известна по разным причинам, а теперь стала известна широко по разным причинам, стала почти банальностью, общим местом. Эта мысль такая: «Красота спасет мир». Я и сейчас не знаю аргументов Достоевского, и тогда не знал, до войны, мальчишкой. Но эта мысль ошарашивала, потрясала.

Красота спасет мир. А как? Может быть, это пророчество без аргументов? И оно исполнится без доказательств? Может быть. А все же, если это пророчество реальное, то хотелось бы понять — что такое красота? Или хотя бы ее детали. Уже сейчас хотелось бы знать все же. И теперь, и тогда. А все же?

Из того, что мы наблюдаем вокруг, самое красивое для мужчины — что? Женщина. Ну, конечно, там пейзажи, природа, закаты, восходы. Ну а все же без женщины и они не кажутся красивыми. А нам почему-то кажется, что для женщины самое красивое — это мужчины. Почему это мы так уверены? Ну ладно.

Ну вот, красивая женщина. И вокруг этой красивой женщины возникает такая кобелиная охота, что уже совершенно неясно, как эта красавица может спасти мир? Если вокруг нее всегда Троянская война?

Значит, красивая баба спасет мир? Но, во-пер-

вых, мысль теряет свое пророческое значение, потому что тогда бы Достоевский сказал бы: «Красивая баба спасет мир», а не «красота».

Тогда, чтобы избавиться от Троянских войн из-за бабы, нужно либо каждому по Елене, что уже, пожалуй, можно вывести сегодня путем научной селекции, либо Елена станет доступной каждому. Но это же проституция. Тогда бы Достоевский сказал, что «шлюхи спасут мир». Что вряд ли.

Но, может быть, речь идет о рукотворной красоте? О дизайне, так сказать? Но мы-то знаем, что дизайн кончается мануфактурой и магазинами, от которых сейчас и надо спасать мир, то есть биосферу. Тогда бы Достоевский сказал, что не «красота спасет мир», а украшения.

Возникла мысль и о красоте поведения. Но красивое поведение не давало никаких гарантий и было страшно неживуче. И праведное поведение приводило к гибели его носителя еще быстрее, чем несправедное.

И только один раз, один раз мелькнуло! Но совсем не там, где его провозглашали. Мелькнуло это «ОНО».

Абсолют? Бог? Тогда это область религии и ее богословия.

Религия утверждает, что первородный грех — теперь, по крайней мере, утверждают, сам слышал, — что первородный грех Адама состоял в том, что он поддался соблазну дьявола и стал жрать. Поскольку, мол, без еды действительно не проживешь. И пошел Ветхий Завет, но потом наступил Новый Завет, где Иисус Христос взял первородный грех на себя и объявил, что «не хлебом единым жив человек». А человек жив, питаюсь, и богом. Но мало того, что еще ни разу не было подтверждения, ни единого этой мысли и пророчества, но и утверждения обоих Заветов толкают на сомнения, вызванные не посторонними причинами науки или истории, а самими этими заветами.

И это не спор толкований (это все дела житейские), а спор самих текстов, их переводов, где Канон считается созданием самого бога.

Интересно, что делает охотник, когда у него кончились патроны? Ну, или там стрелы? Что? Он идет домой. Запасаться.

А что делает охотник, когда дичь кончилась? Он ждет, пока она снова расплодится. А зачем охотник вообще бьет дичь? Он ее потом съест. А зачем он ее ест? Ну, там калории всякие, витамины... То, се... А не может он сделать чего-нибудь такое, чтоб не надо было каждый раз на охоту ходить? Может. Набить дичи столько, чтоб в один раз не сожрать. А хранить как? Ведьдохлая дичь начинает разлагаться, если ее сразу не съешь. А хочется свежатинки! И он начинает хранить ее во льду.

Но этого можно достигнуть только в Арктике.

А на юге?

А на юге он рано или поздно изобретает холодильник. Пускает его в продажу. Теперь холодильник в каждом доме. А что? Мы не хуже других. Холодильник работает от электричества.

Человек строит гидроэлектростанцию и все такое... И даже атомную станцию.

И вся эта промышленность, и все это добро, которое он нажил, требует новой промышленности и нового добра. Иначе все развалится. И мясо, даже в холодильнике, протухнет. И вся эта про-

мышленность, и вся эта армада добра и организации, и армада власти и вооружения, армии, войны — все это только для того, чтобы мясо не протухло. А мясо добывают из живого. Белки там... Калории... То, се...

Так неужели нынешняя цивилизация не придумает ничего такого, чтобы добывать мясо не из сложившегося организма, а из того, из чего он только складывается, коли уж на то пошло. Полноте, уж сегодня-то, когда умеют делать, чтоб мясо росло как гриб, не превращаясь в организм, в организацию, в живое существо.

Некоторые предлагают перейти только на растительную пищу. Это, знаете ли... Призывы эти чаще всего исходят от асеевской лисицы, которая в своих целях заявила: «Этой весной я не ем мясное!»

А почти что всякая промышленность и ее эквивалент — деньги, полученные от этой же промышленности, вся громада усилий и гибельных бедствий только для того, чтобы мясо не протухло. Это называется культура. Цивилизация. И все такое... которое прогрессивно едет туда, где ни воды нет, ни воздуха. И где никого не останется, чтобы всю эту культуру обсудить.

Что делает охотник, когда у него кончились патроны?

Идет домой запасаться.

А когда кончилась дичь? Ждет, пока она расплодится заново.

А когда кончится охотник?

Остается термодинамика. И упоительные моральные ценности, которые никому не пригодятся.

До войны во Франции появилась историческая песня под названием «Маркиза». Песня разошлась по всему миру, но ни на что не повлияла. Потому что война все равно была, и ее причины потом изучались, потому что методы изучения причин были высмеяны в смешной песенке про маркизу, у которой умерла кобыла.

Там было сказано: «Узнал ваш муж, прекрасная маркиза, что разорил себя и вас. Не вынес он подобного сюрприза и застрелился в тот же час. Упали свечи на ковер, который вспыхнул, как костер. Погода ветрена была. И замок выгорел дотла. Конюшня заперта была, а в ней кобыла умерла. А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо!»

Сейчас ликует та наука, которая делает открытия, что кобыла умерла потому, что дверь в конюшню была заперта, что если бы дверь была открыта, то никакой пожар не страшен. А та наука, которая понимает, что кобыла умерла все же потому, что маркиз разорился и застрелился, звучит малость поглуше, более глуховато. Эта наука называется экология, которая открыла биосферу, открыла, что дверь в конюшню заперта, и открыть ее некуда.

Что жизнь на Земле существует со своей промышленностью и наукой, пока есть вода и воздух. А если промышленность и наука эту воду и воздух истребят, то маркиз разорится и кобыла подохнет так же, как зарвавшийся маркиз. Так как дверь в конюшню биосферы, которая развивалась миллиарды лет, отворить некуда.

И пока не доказано обратное, исходить надо именно из этого.

Иначе, несмотря на все ухищрения, человечество вместе с остальной живностью может однажды

не проснуться, даже если войны никакой не будет, и будут уничтожены все бомбы.

И страшно даже подумать, что погибнет даже Тоня, у которой «все будет».

А вернее, даже не так... Тоня погибнет именно потому, что у нее «все будет». Вот теперь так.

Вот у меня сын — большой знаток Древней Греции. И он меня спрашивает:

— А в Древней Греции дети были?

Я говорю:

— Были.

— А кошки и собаки были?

— Конечно.

— А кого было больше? Кошек или собак?

Я говорю:

— А кто это знает.

— Нет, а правда, кого было больше — кошек или собак?

Я говорю:

— Не знаю. А как ты думаешь, кого было больше — кошек или собак?..

Неужели никто не замечает, что у науки остается все меньше невинных вопросов. Наука заявляет: «Не наше дело. Наше дело — открыть. А как применить — тут уж разбирайтесь сами». А кто — «сами»?

В передаче «Очевидное — невероятное» идет беседа о том, можно ли шимпанзе превратить в человека? Оказывается, путем научной селекции, современной, можно. И довольно быстро. Любопытно? Правда? Не очень. Потому что неизвестно, куда этих полудурков потом девать. На какие роли? Науке следовало бы поинтересоваться, как путем селекции превратить человека в человека? Вот сегодня вопрос вопросов!

Какие нужны условия жизни, чтобы в ней все всем понравилось?

Для этого нужно одно, один пустяк. Нужна другая цивилизация, где бы не наживали добро... вернее, не так: где бы добром считалось не средство к существованию, любое средство — от барахла до денег, а где добром считалось бы само существование.

Но это не может сделать кто-то один. Этого должны захотеть все. И поверить, что это возможно. То есть, нужно переменить цивилизацию. Возможно ли это? Если считать, что человеку несколько тысяч лет, то невозможно. А если понимать, что человеку многие миллионы лет и было время, когда цивилизации просто не было, и что цивилизация — это всего лишь этап всей миллиарднолетней эволюции живого, то да, возможно. То есть пришла пора окинуть взглядом все и понять, что если все есть, то все частные поправки либо ухудшают дело, либо улучшают его. Ухудшают дело, если растаскивают его, и улучшают, если стремятся к нему. По-разному, но стремятся.

И это есть главное желание.

Потому что если этого хотят все, то и будет все. А если все хотят всего лишь разного, то ничего и не будет.

Давно уж сложилось великое уголовное наблюдение, которое звучит так: «Жадность фрайера сгубила».

Нужна и не нищета, и не богатство, а оптимум. А сейчас складывается впечатление, что мир стремится стать миром «фрайеров», миром человеческой дешевки, и вся промышленность работает

только на это, на создание дешевки, на подмену.

А если это случится, то, выражаясь научно, всему — кранты. Потому что если экология установила, что жизнь на Земле возможна, только пока существует экран, который эту жизнь загораживает от смерти, то, если не будет экрана, не будет и промышленности, которая этот экран разрушает. Ежу понятно.

Ежу-то понятно. Сколько можно жрать? По-моему, жрут уже даже ушами. И это даже не те только, которые дохнут от голода в нищете, но и те, которые добились.

И вот уже одна дура в юношеской передаче «Мир и молодежь» говорит, что у нас свои проблемы, у молодежи то есть. Я встал в стойку и ухи топориком. Оказалось, что у этой дуры проблемы те же, что и у Жаклин Кеннеди. Платье в ателье Зайцева — 200 рублей, а ее зарплата 70. А драгоценностей и вовсе не купишь. Но даже ребята, ее сверстники, поняли, что это клиника.

Не проблема, а клиника. И что если на это пойти, то «жадность фрайера сгубит». Но, как ни странно, это и есть загнанная куда-то в помойную яму женщина, носительница красоты, ее уродливый облик той красоты, которая должна спасти мир. Той красоты, которая забыла, что мануфактура красоту только выявляет. Но для этого нужно иметь что выявлять.

У Тони, несмотря на жизненные перетрубации было, что выявлять. Она и решила выявлять это в области кино. Где ж еще? В области киномассовки. Где ж еще?!

И там ее наконец приглядел Ефим Палихмахтер. Где же еще?

Водится на свете такая плащеносная ящерица. Когда ее пугают, она не кидается сражаться и не удирает на четвереньках, а встает на задние юги и бежит на двух ногах. Прямо чешет! Быстро и смешно, переваливаясь по-женски. Чешет... Удирает от того, что ее испугало, прямо как Тоня от старости.

Люди хотят заработать. Это естественно. Но вот в чем странность. Уже давным-давно люди хотят заработать не за то, что кому-то на самом деле нужно, а заработать вообще. Чтобы заработок поступал исправно даже за то, что не нужно никому. И это даже предпочтительней. Потому что если заработок идет за то, что кому-то нужно, то сегодня нужно одно, а завтра, глядишь, оно и не нужно. Ну а вот если заработок идет за то, что никому не нужно, оно вчера никому не нужно, сегодня никому не нужно и завтра никому не нужно. Заработок ведь идет.

Главное — обеспечить заработок. Главное, чтобы никто на заработок не покушался. А за что он, этот заработок? Не имеет ни малейшего значения. Нет, конечно, имеет, в конечном счете. Потому что если вообще не будет никого, кто получает за что-то, то те, кто получает ни за что, все-таки рано или поздно своего заработка лишатся. И чтобы этого не случилось, проводят тысячи мероприятий, чтобы тем, кто получает заработок за что-то, не пришло в голову, что они содержат гигантское количество людей, которые получают заработок ни за что. То есть, чтобы этим указанным людям не пришла в голову идея о коммунизме, где каждый может заниматься чем угодно при одном-единственном условии, чтобы его занятие было хоть чем-то полезно людям.

И вот если с этой точки зрения подойти к человеческим занятиям, то и окажется, что 60 процентов занятых ничем полезным для всех людей не озабочены. Это я тоже услышал на лекции ученого эколога, биосферщика. Да, как ни печально это признать. 60 процентов людских занятий не только не полезны для всех людей, и даже для тех, кто этими шестьюдесятью процентами заняты, но даже и вредны, так как дело кончается тем, что пережигают воздух — единственный витамин жизни, который на самом деле нужен человеку, всему живому при любом занятии и заработке.

Я был на одном концерте, где поэты читали свои стихи. Остальные я не запомнил... А вот две строчки ленинградских стихов поэтессы Борисовой я запомнил. Стихи посвящались памятнику Петра Первого, но посвящались не Первому Петру, а его коню. И заканчивались про коня:

«Ведь он его на подвиги возил и привозил обратно».

...После того, как Тоня снималась в массовках и ей это понравилось, она сказала мужу, что хочет посвятить себя кино, то есть играть в кино какие-нибудь роли. Но роли ей давать не будут, потому что нет у нее кинодиплома. И чтобы муж постарался... И муж стал думать, как стараться.

Опытные массовщики знали, что на камеру лучше не вылезать, потому что если попадешь в камеру, то в следующую массовку с другими костюмами тебя не возьмут, так как зритель может запомнить. А массовка в кино нужна. Она, как конь Петра Первого, который «его на подвиги возил и привозил обратно».

А в ролях нужно понравиться кинокритике, именно чтобы она заметила. Тогда есть надежда, что будут давать другие роли, потому что ты уже артист с дипломом, который удостоверяет, что ты сдал экзамены по системе Станиславского. И, значит, насобачился изображать кого угодно. Но тут есть один нюанс, деталечка, так сказать. А в деталечке, так сказать, как известно, прячется дьявол. С одной стороны, вся кинокритика и, стало быть, режиссеры, которые делают картины, требовали от артиста правды, п-р-р-равды жизни, а с другой стороны, как-то забылось, что п-р-р-равда жизни может быть сфотографирована только в документальном кино, где роли не играют, а эту правду подсматривают. Потому что если кино хочет быть искусством, то правда жизни должна быть правдой Образа. А Образ сыграть в кино нельзя. Артист в кино не может превратиться в Образ, а только в другого человека. Но и это сделать нельзя, увы, физически. И никакая система тут не в помощь.

Театр — другое дело. Там с самого начала зритель знает, с вешалки еще, что герои на сцене не настоящие. Потому что если б они были настоящие, то они бы не позволили себя разглядывать из зрительного зала. И поэтому зрительный зал со сценой уславливается о правилах игры. И тогда при удаче возникает Образ. Потому что в жизни Образа не бывает. А бывают только члены профсоюза, которые зарабатывают на жизнь такой профессией, а не другой.

А в кино артист притворяется, что он и есть на самом деле такой, как в сценарии, и не получается ни кино, ни театра. И только в одном виде кино получается Образ — это, извините, мультиплика-

80

81

82

83

84

ция. Где художник может Образ нарисовать. Но мультипликация до сих пор идет по ведомству «Утенка Дональда» и «Кота Леопольда». И только редко-редко — «Мифы Древней Греции», где Персей спасает девушку, каких на свете не бывает, но бывают в Образе, в воображении.

Но на это никто, конечно, не идет, потому что кино давно уже стало средством для жизни, стало заработком тех, кто его снимает и кто в нем снимается. А нарисованные девушки зарплаты не получают.

Такой вой поднимется, что заработок останется только у тех, кто по этому поводу будет спорить, то есть у кинокритиков, которые думают, что Образ получится, если играть в кино правдиво, до конца правдиво, «до самой березки», как они говорят. А фактически в кино снимают «киномясо» — есть такое выражение. То есть берут среднего артиста и дупят его до тех пор, пока он либо не заплачет, либо не начнет хохотать правдиво, как живой человек в этой ситуации, ситуации сценария, который весь выдуман. И спорят... спорят... те, кому за это платят, за споры умные — и мысли. Но если бы спорами можно было делать искусство, то оно бы к этому и свелось.

Но все знают, что когда-то оно все-таки возникает, и возникает из впечатлений от искусства, которые действуют на душу. А что такое душа, не знает никто. Но на нее действует Образ, а не показ человека, который действует только на нервы. А чтобы это можно было смотреть и нервышки трепетали бы, пишут сценарии о том, как некий персонаж во что-то вляпался. Он во что-то вляпался, и «киномясо» кричит, доведенное до осатанения.

Есть с десятков приемов, которые повторяются

из фильма в фильм, и уже нервы тупеют и не содрогаются. И тихая бомба замедленного действия, на которой играют невинные дети, уже перестает срабатывать.

А Образ действует. Даже если не происходит ничего такого особенного, стрессового. Потому что Образ сам по себе стресс.

Ну, интеллектуальный муж Тони, конечно, позвонил туда, сюда... И устроил в киноинститут свою плащеносную ящерицу, которая вместо того, чтобы побежать в женщины, на что у нее всегда есть последний шанс, побежала в «киномясо», несмотря на то, что хотя у нас с ними, с бабами, права равные, однако обязанности разные.

И это есть шанс для начала новой цивилизации, без которой, выражаясь научно, всему «кранты».

Да, хочешь не хочешь, а цивилизацию все равно придется менять, но только вот как это сделать, и кто на это пойдет? Художники, поэты, музыканты — те, конечно, пойдут, не все, конечно, но пойдут. Женщины — с трудом. А наука? Рациональное мышление? Наука тоже не вся одинакова. Пойдет именно та самая фундаментальная наука, которая дальше всего прошла. Экология, наука о мозге, о мышлении — именно та, которая дорылась до тупика. Тупик брезжит, и она его видит. Вот академик Раушенбах, который занимался ракетами, выступает и говорит, что, кроме рационального мышления, на котором зиждется наука, есть иррациональное, и что без этого второго мышления всей жизни человеческой «финита ля комедия!». Потому что любовь к Родине, к Земле, Совесть — не вычислишь. А без них — никуда.

И что если на иконах есть люди, хотя и святые и всякие ангелы, и люди верили в их взаимное со-

существование, вернее, одновременное, то похоже, что тут пахнет четырехмерным миром, как на листе бумаги, на одной стороне которого нарисовано то, что вокруг нас, а на другой стороне — совсем другое.

А если в одной картине совместить, то и получится Рублев или еще кто-нибудь из гениев. В мозгу две половинки. Левая занята рациональным мышлением, логикой, а правая иррациональная, а мы сейчас стали чересчур левополовинчатыми. А левополовинчатая цивилизация и привела к промышленности на 60 процентов ненужной, и к магазину.

Потому что средства для существования стали важнее самого существования. И потому что жить-поживать и добра наживать — это рубить сук, на котором сам же и сидишь.

А тут передали по телевизору, что в Уругвае землетрясение — такое, какого не было за всю историю Уругвая.

А я думаю:

— Ну, может, не было, так есть. Землетрясение — дело природное.

А когда сообщили, что разрушены как раз места, откуда нефть качали, то и до меня, дурака, дошло: нефтяную линзу выкачали — чего ж удивляться, что обвалилось. Вот это и есть антропогенное землетрясение.

А выкачали, чтоб продать. А продали, чтобы получить деньги, и все такое... А там промышленность, разные бульдозеры, которыми землю пашут. И леса на корню бьют. Те самые леса, где и зародилась индейская цивилизация с кукурузой, картошкой и помидорами.

М-да-с... Но надежда все же есть. Потому что опыт показал. Если два человека хотят истребить друг друга, но это почему-то невозможно, то хочешь не хочешь, а додумываются, как жить по-другому.

Умник гения не любит. Умник существо рациональное, а академик Раушенбах говорит, что иррациональное поважнее, чем рациональное, если положить на стол тыщу рублей, то рациональный умник их не возьмет. Потому что побоится последствий. А если он будет уверен, что никто никогда не узнает, что он эту тыщу рублей взял? А как сделать так, чтоб рука не поднялась? Раз чужое — значит, чужое. И рука не поднимается. А это и есть сначала совесть, а еще глубже — стыд, рвотное движение души. Все со всем связано. Но вовсе не только умом. Уж осмысляет то, что есть. Рационально осмысляет.

Но ум может осмыслить и иррациональное. И если есть чувство стыда, рвотного движения души, то и будьте любезны... осмысляйте, а не делайте вид, что этого нет.

Сыну моему уже пять с полтиной. И он начинает читать. Но первая книжка ему попала, когда он еще букву «р» не произносил. И он прочел:

— «Мифы Дьевней Гьеции».

Такое было название. Дальше, конечно, дело не пошло. Дальше пошли только картинки. Фотографии со скульптур и ваз. И сыну больше всего понравился, конечно, кто? Геракл. И пришлось рассказывать:

— Ну, что, — говорю, — самый сильный человек в мире.

— Самый-самый? Сильнее своего отца?

— Нет, — говорю. — Отец все-таки сильнее. Он мне поверил. Ведь я же его на руках таскаю, а не он меня.

— А кто его отец? — он спросил.

Что было делать? Я говорю:

— Зевс.

— Который с молниями?

— Который с молниями...

— А говоришь — самый сильный человек Геракл.

Ты сказал, я сказал...

— А Зевс с молниями сильнее. Он же бог, а не человек.

— А что такое бог?

— Этого никто не знает, — говорю.

— Не знают, а говорят.

— А когда не знают — всегда говорят.

— А в телевизоре сказали...

— Что сказали?

— Кто самый великий писатель? Чемпион?

Я говорю:

— Чемпион? Наверное, Гомер.

— Правильно. А в телевизоре сказали, что он был сыном бога, древние греки говорили. Значит, был сыном Зевса?

Я говорю:

— Ну, у Зевса было много детей...

— И все, наверное, самые великие?

— Ну да, — говорю, — конечно. Они называются гении.

— А кто такие гении?

— Гении — это те, которые видят сны других людей.

— А остальные?

— Тоже, наверно, но забывают, вернее, не придают значения.

— Тогда и я вижу.

— Кто тебя знает... — говорю. — Может, и видишь.

— Тогда я не буду забывать...

— Не забывай, — говорю. — Ну а ты-то кто, ты-то кто, как ты считаешь?

Тогда он встал в позу, сжал кулачок и сказал:

— Я такой молоденький, лихой, голенький.

Тогда моя жена, которая его переодевала для прогулки, стала хохотать, и я стал хохотать.

— Какой, какой? — говорю, потому что сам уже забыл.

И он забыл. А слово было сказано.

Когда Тоня наконец стала актрисой, то есть научилась быть похожей на кого угодно — это называлось перевоплощаться, — то она заметила, что, когда она показывает из-под платья что-нибудь, успех ее и сходство с какой-нибудь другой женщиной был больший, чем если бы она ничего не показывала. А это еще больше нравилось, если она это окутывала какой-нибудь мануфактурой.

И она стала сомневаться, что больше нравится: мануфактура или то, что она показывает из нее? С промышленностью она соревноваться не могла. Мануфактуру надо было покупать. А зарплата ей этого не позволяла. Зарплата была вся в общем-то у мужиков, особенно у тех, кто занимался производительным трудом или занимал высокие посты, или успел наворовать. Но с последними лучше было не связываться, так как их периодически сажали и периодически отнимали часть наворованного, ту, которую они не успели спрятать. А осталь-

ные мужики соглашались быть покровителями Тони. Только если она соглашалась спать с кем-нибудь из них.

А как только появлялся кто-нибудь другой, первый отпадал по разным причинам, и у Тони пропадала мануфактура, то есть добро, которое ей никак не удавалось нажить. И Тоне никак не удавалось совместить эти две вещи, чтобы она получила роли, в которых бы она нравилась всем, но чтобы мануфактуру ей давал один человек. Потому что она живет в мире, в котором средства для поддержания женской жизни стали дороже самой женской жизни и постепенно становились дороже жизни вообще.

А поменять цивилизацию она не умела. Да и кому это под силу? Она только могла менять мануфактуру.

Это удавалось только великим актрисам, которые умудрялись быть прекрасными в любой мануфактуре и в любой роли. Потому что великие актрисы умеют быть похожими на сны других людей. А остальным актрисам, и тем более остальным женщинам, остается только магазин. Но и магазин не выход. Потому что, как мы видим, он привел к пережиганию воздуха. А когда какой-то процент воздуха будет сожжен, то жизнь на Земле однажды может не проснуться. Без всяких войн.

А выход был под боком, но на него никто не шел, так как не верилось, что дела обстоят так плохо.

На дворе стояла плохая погода.

Сын повесил веревку между ручками дверей, а на нее бумажку с надписью, и ходить мне мешал. Ему-то хорошо — ручки двери как раз над его головой, а мне надо сгибаться в три погибели.

— А что у тебя на бумажке написано? — спрашиваю.

А он отвечает:

— Это магазин. Видишь, на полу набросано.

— А что у тебя на бумажке? — спрашиваю.

— Магазин закрыт на воровство.

— Та-ак, — говорю. — А после чего они будут делать?

И сын ответил:

— Они станут жить-поживать...

Ну, думаю, дальше я знаю:

— И добро наживать.

Но сын ответил по-другому:

— Они станут жить-поживать и бога ждать.

Извините меня, но я не решился поправить. Мало ли...

И вот тут у меня впервые мелькнула мысль, даже не мысль, а, я бы сказал, идея. Идея всегда шире мысли. До мысли еще надо добраться.

Ведь если действительно магазин закрыт на воровство, то это значит, что они все там собрались, все те, кто привел цивилизацию к магазину, и обдумывают, как дальше быть?.. То есть, как уворовать? Все то положительное, что будет вновь придумано. А уворовать можно было все. Практически. То есть как сделать так, чтобы выдумать такое, чтобы выдумкой нельзя было воспользоваться? А ведь всеми выдумками пользуются. И это и есть цивилизация. То есть, как было выдумать такое, чтобы это не выглядело выдумкой? Потому что даже отменой цивилизации можно было воспользоваться и как-то уворовать плоды этого дела.

Передо мной стояла грандиозная задача, которая должна была перекрывать все мыслимое и даже неммыслимое. И причем, задача реальная, которая не укладывалась ни в какие концепции. То есть выдумка должна быть такая, которая не могла бы прийти в голову всему сонму дьяволов, которые там заперлись и вывесили табличку: «Магазин закрыт на воровство».

У меня кружилась голова от предстоящей задачи. Надо было опереться на что-то реальное. Реальное стояло передо мной. Жена смеялась.

— Слушай, а все же, кто же ты такой? — спросил я грандиозного сына.

И тот пожалел меня и ответил в той же интонации, выставив вперед туго сжатый кулачок:

— Я такой молоденький, лихой, голенький...

То есть он сказал то, чего я не мог сказать о себе, хотя, если разобраться, то я не мог сказать о себе только первое, то, что я такой молоденький. Нет, я далеко не молоденький. А вот лихой ли я? Как сказать... Если я затеваю поиски того, чем эти дьяволы не могли бы воспользоваться, то в случае удачи... Как знать... Может быть, и лихой. А что касается того — голенький ли я? А пожалуй, так оно и есть. Голенький. Сама задача делала меня голеньким. То есть все, что я придумую, я должен был тут же откидывать. Потому что то, что я мог придумать — мог придумать и другой. А значит, это уже тенденция. И значит, тенденцией можно воспользоваться. Магазин-то ведь закрыт со вполне определенными целями, и они там готовятся. Ко всему тому, что я мог придумать. И я взвыл: «Я? Ну почему опять я?» И в ответ на эту простую мысль возникал простой ответ: «А почему не ты? Взглянул за гуж — не говори, что не дюж»... Но я знай свое вопил: «Я ни за какой гуж не брался!» Я даже не очень хорошо помню, что обозначает слово «гуж». Какой гуж? Почему гуж? Я смутно помнил, что есть какой-то гужевого транспорт, лошадиный, что ли... Значит, «гуж» — это что-то на лошади? Гуж! Откликнись! Кто ты?!!

Но Гуж не откликался...

Однако вернемся к Тоне. Мы ее оставили в тот трагический момент, когда она думала, как совместить необходимость мануфактуры, которую она получала от одного человека и при которой она нравилась всем остальным, с необходимостью спать со всеми, кому она нравилась. А тут еще эти Образы... Надо было изображать не человека живьем, а какой-то Образ. Хрен его знает, что это такое... Все об этом по-разному говорят. Но если в результате ты не создал Образ, то ты опять меньше нравишься, и тебя не берут сниматься на следующий фильм. И твои шансы на мануфактуру опять понижаются.

Образ... Образ... Заладили... Люди в общем-то хотят видеть правду, а Образ — это то, что в голове. Но беда в том, что голова-то живая. И принадлежит живому человеку? А стало быть, и Образ — жизнь. Какую правду хотят видеть люди? Которая снаружи или внутри их?.. А и ту, и другую, только как это совместить? И есть куча специалистов, которые знают, как это совместить, но сами почему-то не совмещают. Зато объясняют это тем, кто это умеет совмещать и так.

Конкуренция... Конкуренция... Всюду конкуренция. Это просто ужас какой-то! Куда ни кинь — всюду конкуренция! То есть всюду клин!

Окончание в следующем номере.

Двадцать автопортретов

Людмила Шаталова

Сегодня мы знакомим вас с новой удивительной находкой, обнаруженной на знаменитом «Вадимовом листе», — двадцать не известных ранее сюжетов с автопортретами Лермонтова. Это, по сути дела, заготовки к литературным эпизодам — для задуманной трилогии о своем времени.

Благодаря оптическому увеличению мне удалось более внимательно разглядеть лист. Вот тут-то меня ждало открытие — узнавание в рисуночных изображениях автопортретов Лермонтова, ранее никем не увиденных. При отождествлении с документальным портретом М. Ю. Лермонтова — единственным признанным за автопортрет, где он изобразил себя в мундире Нижегородского полка на фоне гор, в бурке, накинутой на куртку с кавказскими газырями. Безусловно, этот автопортрет — одна из самых ценных реликвий творческого наследия поэта, но мне всегда представлялось, что портрет этот не мог быть единственным.

В своих публикациях я познакомила вас уже с четырьмя фрагментами «Вадимова листа». Считалось, что рисунки эти не поддаются четкому разграничению... что все это безотчетные очерки, движения беглого пера, возникавшие в процессе работы над романом («Вадим»). А еще было предположение, что эти «очерки пера» (даже портретами не названные) никак не связаны с содержанием романа.

Это положение опровергнуто иллюстрацией, содержащейся в самой рукописи романа и расположенной в конце его XXIII главы. Удалось конкретизировать все персонажи этого сюжета (вы его также видите здесь), как и во всех остальных — один из героев, костюмированный под «горбача Вадима», сам Лермонтов. Этот рисунок закодирован еще и тайнописью, ею занимается Е. Газарова, и к расшифровке текста мы вернемся.

Итак, в «Вадимовом листе» удалось обнаружить двадцать автопортретов поэта, причем каждый из двадцати является как бы связующей нитью сюжета и сближен с раз-

личными литературными портретами лермонтовской поэзии и прозы раннего времени, но именно в автопортретах заметнее всего выступает критический взгляд, если так можно выразиться, и гражданская позиция поэта по отношению к своему времени.

Пристально вглядываясь в каждый сюжет листа, мы по авторской воле как бы читаем его исповедь и узнаем его отношение к окружающей действительности. Сам себя поэт изображает без лести — это скорее психологическая разработка критического, а иногда и иронического плана.

Из-под пера гениального поэта вышли не только литературно-художественные образы, но и схваченные на лету несколькими штрихами удивительные типы.

Анализ рисунков необходимо продолжать, но уже сейчас можно говорить о том, что в графике Лермонтова отражены конкретные политические события времени, чрезвычайно резко оцененные самим художником. Столь прямых выходов на политические обличения конкретных столпов самодержавия в поэзии Лермонтова нет и не могло быть в условиях свирепой цензуры после разгрома декабристов.

В истории мировой литературы не сыщется более органичного соединения, более блистательного взаимодействия различных жанров поэзии и графики, сумевших запечатлеть смелые мысли, действительность, как это было у великого русского поэта.

Автопортреты — это для него своего рода исповеди, обращенные к потомкам, не зря они все вмонтированы в сюжеты с врагами и антиподами поэта. Это обстоятельство еще более оттеняет активную духовную деятельность Лермонтова.

Перечень лиц, изображенных в сюжетах на «Вадимовом листе» и в тексте романа «Вадим»

1

- 1 — Лермонтов М. Ю.
- 2 — Лермонтов Ю. П.
- 3 — Столыпин Г. Д.
- 4 — Столыпин-Монго
- 5 — Столыпина А. Г.
- 6 — Сушкова Е. А.
- 7 — Лопухина В. А.

- 8 — Иванова Н. Ф.
- 9 — Лопухин А. А.
- 10 — Верещагина А. М.
- 11 — Крюденер А.
- 12 — Долгоруков П. В.
- 13 — графиня Нессельроде
- 14 — Щербатова М. А.

- 15 — Бехерахт Тереза
- 16 — Николай I
- 17 — в. кн. Михаил Павлович
- 18 — Бенкендорф А. Х.
- 19 — Дубельт Л. В.
- 20 — Нессельроде К. В.
- 21 — Л. Де-Барант (отец)
- 22 — Иван Грозный

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы

Борис Акимов, Олег Терентьев

«Могу сказать абсолютно точно, что на первом, втором и третьем курсе никаких песен и игры на гитаре я от него не слышал. Абсолютно никаких. Т. е. он мог, конечно, брэнчать что-то на гитаре. Но у нас, когда мы собирались, обычно кто-то пел, кто-то брэнчал, — многоголосье. Ну, словом, как обычно бесятся студенты. И только незадолго до окончания студии ему кто-то, кажется, Роман, показал несколько аккордов.

Что мы сочиняли с ним какие-то байки — это было. Как раз конец третьего курса и весь четвертый. В этот период мы с ним очень сблизились. Мы постоянно хохмили, и все эти скетчи, маски — это все пошло оттуда. Но в этот период никаких песен не было. И он вообще тогда как-то не пел. Наобо-

рот, я пел на этих наших агит-выступлениях какие-то лирические песни (программа так была построена, что кто-то один читал, рассказывал, другой танцевал, третий пел), а Володя все больше выступал в разговорном жанре». (10)

«Стихи он писал сколько я его помню. Ну, например, он дарил мне стихи на каждый мой день рождения. Я их сейчас уже не помню, за исключением, может быть, одной-двух строчек. И все потому, что этому не придавалось ни малейшего значения. Тогда очень многие ребята сочиняли, многие пели, играли. А у Володи и записки могли быть в стихах. Потом он очень популярен был в студии своими устными рассказами. Мы все просили: «Володя, ну расскажи,

расскажи!..» И рассказы эти обрастали каждый раз новыми подробностями. [...] И первые его дворовые песни пошли от этих рассказов. Все это и раньше как-то сидело в нем, а в песню вошло, видимо, когда появились аккорды на слуху. Все стало обретать какую-то песенную форму». (5)

«Когда Володя начал учиться в Школе-студии МХАТ, он стал относиться к песням с большим отбором. Интересовала его авторская песня, он тогда с удивлением узнавал, что большинство песен, которые считались старыми, «блатными», написаны профессиональными литераторами и не так давно. И вот в песнях, которые пел Володя, вдруг возникали новые куплеты. В песне было, скажем, 5—6 куплетов, а [он] пел их 8—9. Когда его спрашивали, откуда он их знает, Володя отвечал: «Не знаю откуда!» Потом выяснилось, что он их сам сочинил. [Позже] появилось ритмическое постукивание по столу или по перилам лестницы». (12)

«Несколько приблатненный стиль его первых песен пошел, вероятно, от модного в ту пору репертуара в Школе-студии. В то время, когда Володя зачастил к нам на курс, наша однокурсница Нина Веселовская снималась в картине «Хождение по мукам». И там для фильма искали песни времен нэпа. Весь наш курс был заражен этими песнями. Все пели: «За две настоящих «катеринки»...», «На Перовском на базаре...» и прочие куплеты того времени, которые приносились в съемочную группу и которые Нина тащила к нам на курс. И Володя вместе с нами их распевал. У нас было просто какое-то поветрие — эти песни, которые сейчас называют «блатными». А мы их пели тогда за милую душу. Как угодно — и хором, и в розницу». (5)

«Гитара, с которой он был неразлучен, [...] появилась гораздо позже. До третьего курса Володя вообще не подходил ни к одному инструменту. Сейчас с гордостью вспоминаю, что первые стандартные три аккорда показал ему я. Но я так и остался на трех аккордах, а он

стал Высоцким. В этом и есть, очевидно, диалектика: [талант] плюс упорный, неутомимый труд. В перерывах между лекциями, занятиями все свободное время он посвящал гитаре. Причем этого поначалу никто всерьез не принимал. Ну, брэнчит себе и брэнчит. Некоторые даже пренебрежительно называли «дешевкой» то, что он пел. Может быть, потому, что Володя и сам вначале серьезно к себе не относился, и его первые песни носили действительно больше застольный характер. Тот Высоцкий, которого мы знаем, появился значительно позже, уже после окончания студии. А до этого были и взлеты, и падения. Причем падений, пожалуй, больше. Он прошел жизнь, как говорят, «от и до». И это тоже сыграло свою положительную роль — помогло ему овладеть богатейшим жизненным материалом». (1)

«Гитара появилась так: вдруг я однажды услышал магнитофон [...], услышал приятный голос, удивительные по тем временам мелодии и, конечно, стихи, которые я тоже узнал. Это был Булат [Окуджава]. И вдруг я понял, что впечатление от стихов можно усилить музыкальным инструментом и мелодией. Я попробовал это сделать сразу, сам: тут же брал гитару, когда у меня появлялась строка — и вдруг это не ложилось на этот ритм. Я тут же менял ритм и видел, что [это] даже работать помогает, т. е. сочинять с гитарой. Поэтому многие люди называют это песнями. Я не называю это песнями, я считаю, что это стихи, исполняемые [...] под гитару, под рояль, — под какую-то ритмическую основу. [...] Вот из-за этого появилась гитара». (4)

«Я не могу сейчас вспомнить, когда появились его первые песни. Может быть, в начале 60-х годов. Я только помню много-много куплетов, наверное, более сорока. Тогда во всех газетах печатали о том, как наши солдаты дрейфовали в океане. И по этому поводу были написаны Володей такие куплеты. Сначала их было мало, потом все больше и больше. И даже однажды (не помню, где это было, у кого — тогда магнитофоны только-только появились), мы

пришли в какую-то компанию и нам, как сюрприз, дали прослушать пленку, записанную анонимно, где Володя сам поет эти куплеты. Так что автор впервые встретился со своей песней вот таким забавным образом.

— Тогда он уже играл на гитаре?

— Да, он аккомпанировал. Он без конца терзал эту гитару, пытался научиться или (возможно, ему раньше кто-то показал) шлифовал, что ли, постоянно одну и ту же песню «Ехал цыган по селу верхом...». Тогда ее все время пел Сличенко. И она была запета до полного безобразия. Вот на этой песне и нащупались первые аккорды. Я ее очень хорошо запомнила, потому что это было ужасно! Если он брал гитару в руки, то ее уже трудно было у него отобрать. Вообще, он прикипел к ней очень быстро.

— Это была та самая гитара, которую вы покупали?

— Да, но я другой не помню. Я не могу сказать, была ли еще гитара. Может быть, у Нины Максимовны и была. Но именно эту гитару запомнила на всю жизнь. Это была и большая радость, и большая мука, потому что она все время брэнчала». (5)

«Писать начал в 1961 году. Это были пародии и песни только для друзей, для нашей компании. И не моя вина, что они так широко разошлись. Однако ни от одной своей песни не отказываюсь. Только от тех, что мне приписывают. Среди них есть и хорошие, но чаще всего попадаетесь откровенная халтура, которую делают «под Высоцкого» и исполняют хриплыми голосами». (9)

«Мне его первые, далеко не изящные песни не нравились. Теперь их называют то «блатными», то дворовыми. Откровенно говоря, я не принимала всерьез тогдашнего его сочинительства, да и он сам, по моему, тоже. Потом он понял, что к слову надо относиться иначе, и тогда пошла глубокая работа». (7)

«Помню, как часто в начале (...) шестидесятых годов Володя приходил к нам с гитарой. Обычно это совпадало с приездом из Киева бабушки, Ирины

Алексеевны, когда собирались все родные. Включали магнитофон, и он пел. Свои песни, реже переложенные на музыку стихи Есенина, Смелякова. Старые записи... Иное содержание песен, немного иной голос, манера исполнения. Нет еще той рвущей душу остроты, того накала... Это придет позже...» (3)

«То, что он в 1960 году, после окончания студии, начал писать песни — это точно. Мы не теряли друг друга из виду и часто собирались в Каретном ряду у Жоры Епифанцева, где тот жил, когда женился. И вот тогда уже Володя каждый раз приносил какую-то новую песню. Но свои, не свои — не могу сказать. Мы к этому просто никак не относились: ну спел и спел. Конечно, хорошо поет, приятно чувствовать себя с ним в компании. Всерьез эти песни не воспринимались [...] «Где твои семнадцать лет» — это одна из его первых застольных песен». (10)

«Я первую песню свою написал в Ленинграде, пять лет тому назад. Ехал однажды в автобусе и увидел — это летом было — впереди себя человека. У него была распахнута рубашка, и на груди — татуировка: нарисована была красивая женщина. И внизу было написано: «Люба! Я тебя не забуду!» Потом я написал песню, которая называется «Татуировка», но, правда, вместо Любы для рифмы поставил — Валя. Потому что мне [...] захотелось написать про это. [...] Это была первая песня. А потом я постепенно начал, так как я учился тогда играть на гитаре, а чужие песни на гитаре труднее разучивать, — я стал свои писать. И потихонечку дошел до этой жизни». (11)

«После 1960 года, когда мы с женой переехали в другую квартиру, на улице Кирова, Володя, как и раньше, бывал в доме № 15 по Большому Каретному на 4-м этаже у своего друга Левона Кочеряна, где близко сдружился с Василием Шукшиным, Андреем Тарковским». (6)

«Эти песни начались и родились в атмосфере такой дружеской, непринужденной раскованности и [...] свободы, пото-

му что все мои песни поначалу предназначались только очень маленькой компании моих самых близких друзей. [...] Там были, в общем, отличные люди и, как говорят, «иных уж нет, а те далече». Там были и [...] режиссер Лева Кочерян, его больше нет; и Вася Шукшин больше не живет. Из ныне здравствующих и творящих — Тарковский Андрей, Макаров Артур — он сейчас стал писателем. [...] Еще режиссер-сценарист Володя Акимов. [...] Тогда мы были совсем юные. [...] Жили полтора года в одной и той же квартире вместе — у Левы Кочеряна. Жили мы [...] коммуной: кто-то время от времени уезжал-приезжал, с заработками — без заработков. [...] Все время мы оставались в этой квартире — как-то вот так у нас случилось в жизни — примерно года полтора. Я тогда только закончил студию МХАТ и начинал работать. [...] Эти песни родились как возможность моя рассказать про то, что беспокоит,

скребет по душе, по нервам. [...] Это своего рода форма беседы с моими друзьями! Я и сейчас пытаюсь оставить вот такую манеру работать, — и за письменным столом, и здесь вот, в зале, чтобы осталась вот эта вот атмосфера дружелюбности в этих вещах». (8)

«В самом начале шестидесятых, точнее, в ноябре 1961 года, [...] когда я снова «прибился» к нашему кругу, первое, что бросилось в глаза, — резкая смена Володиного репертуара и его достаточно свободное общение с гитарой. [...] Я услышал: «В тот вечер я не пил, не пел...», потом было «Красное, зеленое...», потом еще и еще. Я смотрел на него, наверное, квадратными глазами, в которых, судя по всему, были и восхищение, и удивление, и, наконец, вырвавшийся вопрос:

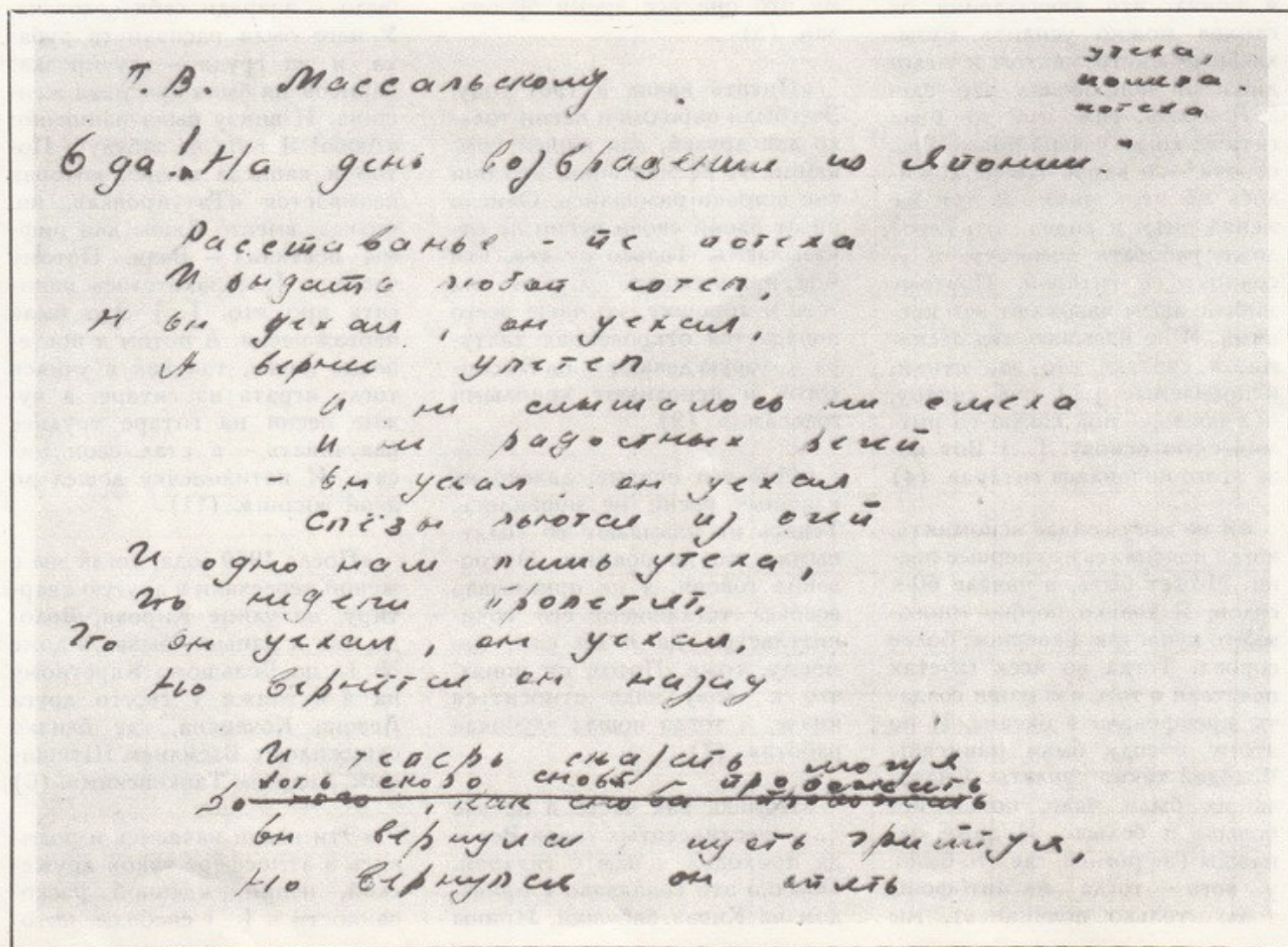
— Это твой?

— А ты, Васечек, разве не слышал? Ну как же так!.. — ответил он, чтобы скрыть радость от моей реакции на услышан-

ное. [...] Песни были действительно хороши. Даже в те гитарные времена, когда повсеместно распевали Булата Окуджаву и Александра Городницкого, они отличались особой естественностью, остроумием и бесшабашно-веселым напором, чем походили на своего создателя». (2)

«Я никогда не пишу с расчетом на то, что это будут петь, что это кому-то понравится или нет. Я пробую песню, как говорится, «и на ощупь, и на вкус, и по весу». В каждой из них должна быть поэзия, интересный человеческий характер. Если не удастся, начинаю снова.

Себя я певцом не считаю. Никаких особенных вокальных данных у меня нет. Некоторые композиторы усматривают в моих песнях однообразность строя, манеры исполнения. Другие называют его четким выражением индивидуального стиля. Что бы ни говорили, в конечном счете главное для меня — текст. А музыкальный фон дол-

ОРБИТА

Улица Мари-Роз

Во время своей вынужденной эмигрантской жизни В. И. Ленин неоднократно бывал в Париже. Этот период жизни и деятельности Владимира Ильича был насыщен напряженной борьбой за сохранение и укрепление нелегальной марксистской партии, поскольку французская столица была в те годы центром русской революционной эмиграции.

В Париже много мест связано с деятельностью В. И. Ленина, но музей-квартира на улице Мари-Роз занимает особое место среди них. Ленин прожил здесь три года. В настоящее время квартира в доме № 4 по улице Мари-Роз превращена в музей. Музей этот был оборудован Французской коммунистической партией в сотрудничестве с Институтом марксизма-ленинизма в Москве и открыт 27 апреля 1955 года.

Мы на улице Мари-Роз. С того времени, когда здесь жил Владимир Ильич, многое изменилось. Но дом № 4 — массивное серое здание с узорчатыми металлическими балкончиками, типичное для парижской архитектуры того времени, остался прежним. Лишь под балкончиком ленинской квартиры появилась мемориальная доска с барельефом вождя и надписью: «Ленин жил в этом доме с июля 1909 по июнь 1912 года».

У входа встречает новый хранитель музея Жильбер Лориге, сменивший на этом почетном во Французской компартии посту одного из основателей музея Антуана Лежандра. Вместе с Лориге по винтовой лестнице поднимаемся на третий этаж.

Жильбер Лориге коротко рассказывает о себе. Ему 39 лет. Обычная для французского коммуниста биография — работа в Движении коммунистической молодежи Франции, работа в типографии, затем деятельность в профсоюзе печатников.

Входим в дорогую нашему сердцу квартиру, где собрано все, что связано с пребыванием и революционной деятельностью Ленина во Франции.

Квартира-музей расположена на третьем этаже с левой стороны лестничной площадки. Она состоит из коридора, трех комнат (средняя из которых не имеет окон) и кухни. Комната со стороны улицы служила Владимиру Ильичу рабочим кабинетом. Средняя — спальня, которая отделена от кабинета стеклянной дверью. В третьей комнате жила мать Н. К. Крупской Елизавета Васильевна. В 1977 году, рассказывает Жильбер Лориге, Французская коммунистическая партия купила соседнюю квартиру, которая была затем переоборудована и соединена с квартирой Ленина, что поз-

волило значительно расширить экспозицию, посвященную работе Владимира Ильича во Франции.

Эта скромная квартира, рассказывает хранитель, была в 1909—1912 годах подлинным штабом большевистской партии. Ленин написал здесь много работ, сыгравших важную роль в мобилизации русского пролетариата на борьбу с царизмом, в укреплении рядов РСДРП, в разработке тактики и стратегии партии.

«Здесь, на этой фотографии, — показывает Жильбер Лориге, — тридцать типографских рабочих. Именно эти люди печатали «Социал-демократ» и «Пролетарий» — газеты большевистской фракции. Затем из Парижа они нелегально доставлялись в Россию. В разные времена своего пребывания во Франции, — отмечает Жильбер Лориге, — Лениным было сделано очень много для победы Великой Октябрьской социалистической революции. Например, под Парижем, в Лонжюмо, им была создана первая партийная школа, которой он руководил в 1911 году. В ней учился ряд будущих руководителей первого в мире социалистического государства, в частности, Серго Орджоникидзе».

Вместе с Жильбером Лориге подходим к еще одному экспонату. «Во время визита во Францию Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, — рассказывает хранитель, — музею была подарена гравюра, показывающая реальную сцену из жизни Ленина в Париже. Владимир Ильич стоит на набережной Сены и выбирает книгу у парижских букинистов. Ленин, — продолжает мой собеседник, — активно интересовался нашей культурой, историей, революционным движением. Он изучал труды французских философов Руссо, Вольтера».

Как бы подводя итог нашей встрече, Жильбер Лориге говорит: «Для французских коммунистов музей-квартира на улице Мари-Роз дорога не только как память о творце Октябрьской революции и основателе Советского государства. Здесь глубже осознаешь ценность и значение марксистско-ленинских идей, их актуальность для сегодняшнего времени».

Алексей Блатов

Поучиться... в Бургундию

Михаил Щипанов

Только когда изящный «ситроен» проскочил шлюз-пропускник последней на пути к Дижону своеобразной плотины, которыми современные мытари, взимающие налог с проезжающих по национальным дорогам, перегородили безупречные французские шоссе, Даниэль, наш шофер, а по совместительству один из национальных секретарей Движения левых радикалов («взрослого»), позволил себе, наконец, расслабиться: «Вот увидите наш летний университет для работы. Не то, что у «шираковцев». У них там что-то вроде летнего лагеря для недорослей — девушки, танцуютки. Ну, вы понимаете?»

Впрочем, своей антипатии к ровесникам из крупнейшей правой партии — ОПР, ведомой ныне французским премьером Ж. Шираком, Даниэль Герен, в недавнем прошлом лидер молодых левых радикалов (ДМЛР), и не пытался скрывать. Еще накануне, за обедом, он презрительно цедил о них: «слишком ложенные, слишком утонченные». Это «слишком» Даниэль произносил с особой расстановкой, словно намекая на некий скрытый в обычном слове смысл. Что ж, политические партии — это отнюдь не клубы болельщиков, и борьба между ними даже на юниорском уровне протекает совсем не в спортивном духе.

О самих же летних молодежных университетах, традиционно проводимых во Франции, информации у нас было вполне достаточно.

В конце августа — начале сентября, когда национальные дороги забиты караванами возвращающихся отпускников, французские политические партии трубят сбор для своих молодых активистов, загоревших и достаточно обленившихся за лето. Собирают их подальше от суеты великого отпускного переселения, в «мертвых зонах», где-нибудь на полпути между ласковым морем и камен-

ными университетскими твердынями.

Обязательно подъезжают и признанные общенациональные лидеры, привозя за собой целые свиты пишущей братии — в периоды каникулярного зстоя отцы-законодатели не пренебрегают ни одной, пусть даже импровизированной трибуной для обращения к нации. Их свитера и свободные куртки контрастируют с пиджаками и галстуками юниоров от политики. Впрочем профессионалы от парламентской игры прерывают очередную отпуску из желания не столько на молодежь посмотреть, сколько себя показать.

Тем более что сейчас во французском политическом истеблишменте как никогда сильна мода на деятелей динамичных и молодящихся, чуждых нудному доктринерству и возрастному высокомерию, за которых на предстоящих вскоре президентских выборах восемнадцатилетнему нонконформисту, недолголюбивающему «боссов» во фрактах, не стыдно будет опустить бюллетень.

В соответствии с этим сценарием Жак Ширак позирует с «вокменом» на шее, принимает в парижской ратуше Мадонну, публично расточая комплименты заезжей рок-диве. В свою очередь, собравшиеся в рамках такого же летнего университета молодые шираковцы, включаясь в высокую игру, на специальной церемонии преподносят партийному патрону диск заокеанской звезды с «непритязательным» именем, а польщенный премьер через некоторое время объявляет о снижении косвенных налогов на пластинки и о плане создания музыкального канала на телевидении.

В самый, однако, патетический момент растворения исполнительной власти в музыкальной волне глава правительства попал под нелицеприятную критику своего министра культуры Франсуа Леотара. Независимый республиканец, не чуждый собственных президентских амбиций, Леотар, как выяснилось, не один месяц пробивал идею

ослабления налоговых пут для меломанов и был потрясен в лучших партийных чувствах, когда узнал, что его триумфом воспользовались конкуренты. В порыве возмущения Леотар посетовал на чрезмерную эксплуатацию имен рок-идолов в интересах политической игры. Но его коллег, всерьез борющихся за «молодые голоса», разумеется, избирательные, голыми руками не возьмешь. Они и сами с усами. Каждый из них и впрямь и швец, и жнец, и на электродуде игрец.

Один из лидеров социалистов, по отзывам критиков, вполне сносно исполнил в телешоу осенний шлягер «Опавшие листья». А бывший президент Жискара д'Эстен на джазовом концерте, ставшем кульминацией летнего университета молодых республиканцев, сам подсел к роялю и исполнил импровизацию. Судя по всему, импровизация также была на тему предстоящих в 1988 году выборов, поскольку съехавшиеся на это мероприятие юнцы вместо аплодисментов заглушили последние такты мелодии истошными криками: «Жискара в президент». «Тише, тише, — успокоил своих не в меру горячих поклонников пианист-президент, — наш год — 1995-й». 1995-й — сколько тайной сладости в этих цифрах. Через семь лет многие нынешние политики в коротких штанишках включатся в борьбу за депутатские кресла.

Вся эта «информация к размышлению» невольно промелькнула в голове, пока наш автомобиль уверенно мчался к затерянному среди бургундских пейзажей, напоминающих родные, северокрымские, городку Моншанен. Моншанен типичен для здешних мест — несколько почти правильных концентрических окружностей красной черепицы вокруг иглы собора. Однако именно на нем в нынешнем году буквально сошелся клином политический полусвет. Вслед за молодыми левыми радикалами его отель облюбовали для проведения своего «крайне правого» летнего университета не

Фото С. Козницкого

менее молодые последователи Ле Пена, не так давно создавшего «Национальный фронт», партию по своей сути расистскую и антисемитскую.

Словом, если политическая платформа наследников Ле Пена, заранее оклеивших своими плакатами все примечательные моншаненовские столбы, была более или менее ясна, то кредо молодых левых радикалов просматривалось довольно плохо. Похоже, что, кроме коммунистов, чуть ли не все французские политические партии страдают общим недугом — отсутствием собственного запоминающегося лица. Во всяком случае, на наши наводящие вопросы молодые теоретики ДМЛР, давшие нам аудиенцию в парижской штабквартире партии на рю де ля Бёти, ответили на редкость уклончиво.

Выяснилось, впрочем, что они противники политики национализации и укрепления государственного сектора в экономике. В этом, так сказать, состоит главное теоретическое расхождение ДМЛР с социалистами. Однако верность либеральным экономическим методам удивительно уживается в их головах с приверженностью кейнсианской модели «государства всеобщего благоденствия» в со-

циальной сфере. Кроме того, в условиях жестокого отбора мажоритарной избирательной системы левые радикалы не видят для себя, как малой партии, особых перспектив на общенациональном уровне (последние парламентские выборы принесли ДЛР всего семь мандатов в Национальном собрании) и поэтому планируют сделать основной упор на деятельность на местах — в кантонах и коммунах. А такая политика требует, вероятно, не столько глобальной и перспективной партийной стратегии, сколько приземленной тактики, отвечающей конкретным местным условиям.

В результате специфическая и довольно абстрактная платформа предопределяет и весьма характерный социальный состав Движения молодых левых радикалов, организации, как нам объяснили, небольшой, но «чрезвычайно боевой». В основном его членами являются студенты гуманитарных факультетов — выходцы, как правило, из мелкобуржуазной среды, намеревающиеся в будущем избрать для себя одну из свободных квалифицированных профессий, например, адвоката. Отсюда, судя по всему, и неистребимая тяга активистов ко «всем проявлениям либерализ-

ма», и главный недостаток ДМЛР — слабая дисциплина.

Летние университеты призваны дать молодым «милитантам» возможность повариться в общем соку, лишний раз почувствовав себя частью большой организации с общими требованиями для всех, «живьем» пообщаться с лидерами и ветеранами Движения. Тем более что на ежегодные заседания может приехать практически любой член ДМЛР, были бы только желание и... деньги. «Финансовые проблемы — наша головная боль», — сокрушался председатель ДМЛР Тьерри Брайяр, четверокурсник юридического факультета. Единственный источник поступления средств ДМЛР — членские взносы, которые в год не превышают скромной суммы в двести франков. Поэтому хочешь участвовать в летнем университете, изволь заранее перевести на счет оргкомитета еще триста пятьдесят франков. Не всем активистам, однако, по плечу такой взнос плюс издержки на дорогу, учитывая, что абсолютное большинство молодых людей предпочитают жить самостоятельно от родителей, на «собственных хлебах», перебиваясь зачастую непостоянными и ненадежными заработками.

Неудивительно, что основная масса «летних студентов» ДМЛР рекрутируется в том департаменте, где намечается провести университет. На нынешний поэтому «университетский уик-энд» собрались, естественно, в основном дижонцы, на следующий, возможно, ребята из Руана или Бордо.

Впрочем, специфика спецификой, а начался летний университет левых радикалов по заведенному для таких случаев негласному уставу. Не успели участники заседаний толком обжиться в уютных номерах моншаненской гостиницы, не успели и парой слов перекинуться относительно собственных молодежных проблем, а прибывший для «встречи с молодежью» председатель ДЛР Франсуа Дубен уже давал интервью телевизионной бригаде, которую, судя по всему, трудности и надежды юниоров-радикалов интересовали в последнюю очередь. Накануне упорно поговаривали, что именно здесь, во французской глубинке, Дубен объявит себя кандидатом. Новый претендент на Елисейский дворец в Моншане так и не родился. Тем не менее одна фраза французского политика показалась нам весьма знаменательной. «Демократия, — сказал Дубен, — это отнюдь не бесконечные выборы, а возможность свободно и открыто обсуждать любой вопрос, представляющий важность для нации».

Далеко не все активисты ДМЛР спят и видят себя «избранниками народа» разных степеней, перепоясанными трехцветными лентами.

Для многих приобщение на своем возрастном уровне к таинствам политики — необходимый этап становления интеллектуальной личности. Этим во многом, вероятно, объясняется излишнее увлечение внешней стороной дела.

Видимой слабостью наших хозяев были и пространные рассуждения о большой французской политике. Для завоевания симпатии молодого левого радикала достаточно было просто поинтересоваться его взглядами на перспективы левого центра или на ход набирающей силу президентской кампании. Правда, условием такого контакта было долготерпение. остано-

вить или хотя бы прервать собеседника-аналитика было отнюдь не просто.

А вот вопросы, так сказать, рутинного порядка, которые, собственно, и входят в компетенцию ДМЛР, вызывали куда меньше энтузиазма. Дискуссии в двух рабочих комиссиях — «молодежная занятость» и «проблемы молодых иммигрантов» — поначалу протекали столь вяло, что для их характеристики не обойтись без до боли родного словечка «формализм». Темы были известны заранее, но основательно подготовиться к работе, кроме двух-трех официальных «забойщиков», никто не счел нужным. Постепенно все участники так или иначе оказались втянутыми в общие рассуждения — проблемы для Франции действительно насущные. Но выступления в основном носили описательный характер: конструктивных или по-молодежному остро радикальных предложений (простите случайный каламбур) мы не отметили.

Может быть, просто участники университета по-настоящему не верят в серьезность и практическую пользу своих дискуссий? Но Т. Брайяр заверил нас, что все заслуживающие внимание идеи, высказанные участниками университетов, обычно обобщаются и в качестве рекомендаций направляются мэрам и генеральным советникам, избранным по спискам ДЛР. Может быть, эти должностные лица все-таки остаются глухи к «истинам ДМЛР»?

А завершился летний университет ДМЛР вручением Франсуа Дубену пластинки от имени всех собравшихся в Моншанене. Как видно, пример не в меру утонченных «шираковцев» оказался заразительным. Естественно, что мы не удержались поинтересоваться, уж не Мадонны ли и этот диск? «Что вы, что вы, — хором обиделись молодые радикалы, — наша организация существует исключительно на членские взносы!»

Москва — Париж — Моншанен — Москва

КОНКУРС

Дорогие друзья!

По вашим многочисленным просьбам мы вновь публикуем вопросы нашего международного конкурса-викторины и приглашаем вас в путешествие по Дорогам Молодежного Туризма. Каждый из вас может сделать это дважды. Первый раз, ответив на наши вопросы, а во второй — уже в качестве победителей, получив туристские путевки БММТ «Спутник».

Итак, немного воображения, дорогие читатели! Конкурс начинается, причем для всех, независимо от возраста, пола, рода занятий. Всего лишь семь полных исчерпывающих ответов, и вы его участники.

1. Назовите молодежные бюро путешествий социалистических стран, которые сотрудничают с БММТ «Спутник». Что вы знаете о них?

2. В каком году был создан специализированный туристский орган при ВФДМ? Чем он занимается?

3. Когда было основано Молодежное бюро путешествий СРР? Расскажите о его деятельности.

4. Перечислите города — побратимы Берлина. Что вы знаете о связях этих породненных городов?

5. Расскажите о популярных зимних туристских курортах в НРБ.

6. В музее какого польского города есть глобус, на котором были впервые обозначены контуры Американского континента?

7. Сколько скульптур находится на знаменитом Карловом мосту в Праге?

И в заключение — несколько слов о себе.

Мы ждем ваших ответов до 1 июля 1988 года.

Победителей конкурса, а их мы известим о результатах дополнительно, ждут путевки в социалистические страны.

R

Einige Publikationen dieser Nummer sind der Problemen der Jugend, und zwar der Studenten gewidmet. Das sind ganz verschiedene Fragen, die die berufliche Vorbereitung, die Interessen der jungen Leute, ihre Freizeit betreffen. Sehr aktuell finde ich auch das Gespräch, dass Tatjana Dolshanskaja mit den Studenten führt.

Meiner Meinung nach ist die Reportage aus Frankreich sehr interessant. Ich interessiere mich immer für das Leben meiner Altersgenossen im Ausland. Und aus dieser Publikation habe ich viel Neues über die Studenten in Frankreich, über das politische Leben der Jugend erfahren. Zum ersten Mal habe ich über die Sommeruniversitäten gelesen.

Ich bin sehr froh, dass auf den Seiten der Zeitschrift ein Kino-klub eröffnet wurde. Einige Filme mit der Teilnahme der bekannten italienischen Schauspielerin Ornella Muti habe ich mir angesehen. Die Schauspielerin hat auf mich einen grossen Eindruck gemacht. Deshalb war es für mich sehr interessant angenehm, über das Leben von Ornella Muti mehr zu erfahren.

Sehr interessant und nützlich war für mich die Konsultation von Doktor Deresch. Ich finde auch, dass man den Charakter seiner Bekannten Menschen gut kennen muss, um ihr Benehmen in verschiedenen Situationen besser zu verstehen. Das hilft beim Verkehr mit Menschen. Tatiana Kuscelkowa

Tout d'abord l'article de T. Doljanskaja où il s'agit de ceux qui ont les mauvaises notes aux examens. Juste il ya les notes qui parfois ne reflètent pas les connaissances réelles des étudiants. Et l'auteur a raison en disant qu'il faut en premier lieu d'éveiller l'intérêt de chaque étudiant, de faire les conférences en effet utiles pour chacun.

En liaison étroite avec l'article précédent se trouve le récit «Qui mettra fin à la pauvreté d'esprit?» L'auteur touche le problème de l'instruction supérieure en disant que les étudiants en terminant une école supérieure ne sont pas assez qualifiés, que leur niveau culturel laisse à désirer. On traite l'homme seulement comme un travailleur en ignorant ses qualités morales.

Ensuite la publication «La clef de compréhension» sous la rubrique «Les consultations du docteur Dérèche». Cette nouvelle théorie de caractères, si on peut le nommer ainsi, m'a paru passionnante bien que je n'aie pas trouvé quelque définition exacte pour mon caractère.

Et enfin, l'article «Comme un éclair sphéroïdal» qui parle des événements qui ont eu lieu pendant le match de football entre les équipes «Jalquiris» et «Dinamo» de Moscou. A l'étape actuelle ce problème a devenu grave. Moi, je me passionne pour l'équipe «Spartak» et autrefois j'ai fréquenté toutes les rencontres. Mais je n'ai pas vu ce qui a lieu maintenant. Il faut être un vrai supporter de son équipe mais pas un fou qui ne comprend rien dans le football.

Sergei Chibisov

What's «at the other side of a «two»? — that's really a problem to discuss. At our college it's usually a group which helps in case there's some difficulty. The students' Control Commissions can assign to you a student who will consult you whenever necessary during the semester. So it is not only a punitive organ. In fact, students try to keep as far away from the dean's office as possible, until time comes to admit their sins.

For some strange reason, seminars are held in all subjects at the same time just before the session. It's quite clear that during this period students have a lot of other problems to cope with. However, the Chair of Philosophy lent an ear to poor students' complaints and agreed to put off the seminars till the next semester.

I couldn't help admiring M. Ancharov's wit and courage. I would define the theme of the story as «purposefulness». It also touches upon questions of historical truth, justice, etc.

I deeply sympathise with Luba Ryabinina. From now on I will try to be cautious in critics. What if I find myself in her shoes? Of course I hope it'll remain a joke.

Marina Mikhaliowa.

С.М. Орнелла Мути

Несущая мечту

Степан Воркот

Страна была перепоясана очередями у кинокасс, когда на экранах зажегся фильм «Укрощение строптивого». Комедийный и романтический. Незатейливый и не претендующий на затейливость. Откровенно коммерческий — по мнению критиков. Но какое дело зрителю до критиков?

«Лишний билетик?!» — было коряво написано на плакатах, поднятых над толпой. «Пожалуйста, лишний билетик!» И если дамы в большинстве своем рвались на неподражаемого Адриано, кавалеры спешили увидеть Ее. Прекрасную Орнеллу Мути.

Орнелла Мути. Сколько сердец разбила она, сделав «кассу» советско-итальянскому политическому детективу «Жизнь прекрасна», где сыграла отважную и любящую девушку Марию. И после того, как счастливый конец фильма свершался и биплан с влюбленными взмывал в ясное свободное небо, — в глазах у зрителей, выходящих на улицу, была светлая грусть. Особенно у мужчин. Во время каждого фильма с участием Мути над залом парит эта светлая грусть. Секрет ее прост — зеленоглазая итальянка аккумулирует в себе Мечту, на которой зиждется кинематограф, которой так не хватает множеству фильмов.

...В 1970 году мама привела четырнадцатилетнюю Франческу Ровелли пробовать в кино. Известный режиссер Дамиано Дамиани искал исполнительницу главной роли для картины «Самая красивая жена». Именно здесь ждала Франческу первая, основополагающая удача ее творческой жизни — девушка была утверждена, успешно снялась, и вместе с фильмом появилась новая кинозвездочка, еще теряющаяся в свете больших догорающих звезд.

Теперь простое имя Франчески Ровелли, как и положено на звездных балах, закрывала маска, актерский псевдоним, звучное, запоминающееся и романтическое имя — Орнелла Мути.

Сегодня Орнелла — суперзвезда европейского класса, за плечами которой более сорока кинолент, восемнадцать лет жизни в кино. Интенсивность ее работы — три фильма в год. Теперь, после стольких лет, Мути имеет возможность выбирать: «Не хочу больше участвовать в фильмах без идеи, без смысла. Хочется настоящих человеческих историй, в которые веришь. Почему их так мало в современном кино?»

Но Орнелле Мути опять повезло. Она получила роль Винченции в фильме «Народный роман», который с успехом и запретом «детям до шестнадцати» демонстрировался на наших экранах. Этот фильм так же, как и первый фильм актрисы, был протестом против насилия. Серьезный, интересный, он привлек внимание. Роль Винченции, так же как и Франчески из «Самой красивой жены», осталась для Орнеллы Мути одной из немногих любимых и истинно творческих ролей, тех, где, по ее словам, она «жертвовала кусочком собственной души». После «Народного романа» не заметить Орнеллу Мути было уже нельзя. Режиссеров привлекала ее молодость, несомненный актерский талант, ее насыщенная народным колоритом красота. В отличие от жгучих красавиц шестидесятых красота Мути необычна, даже экзотична для Италии: идеальный овал лица с чуть широкими скулами, вздернутый носик, нежный рот и неповторимые, выразительные глаза. Прозрачные и зеленые. Которые могут быть и ласковыми, и нежными, и по-кошачьи холодными, чарующими, жестокими. Может быть, секрет необычной для Италии внешности в том, что по матери Орнелла Мути эстонка и что ее далекие предки русские?

«Мама, — говорила она, рассказывая о съемках фильма «Жизнь прекрасна», — привила мне любовь к вашей стране. Эта любовь облегчала творческую задачу во время работы. Конечно, я хотела бы еще попробовать

себя в советском кинематографе. Пока возможности не предоставлялось».

Третий фильм Орнеллы Мути на советском экране — остро сюжетная приключенческая франко-итальянская картина «Смерть негодяя», где молодой актрисе посчастливилось работать с Аленом Делоном. Вообще с партнерами Орнелле везет: это и американец Бен Газзар в фильме «Девушка из Триеста», и любимец нашей страны, фаворит итальянской публики Адриано Челентано. После «Укрощения строптивого», принесшего его создателям 17 миллиардов лир, по горячим следам была снята еще одна комедия с тем же актерским дуэтом — «Безумно влюбленный». А первый партнер Мути — Алессио Орано, с которым она играла в «Самой красивой жене», стал первым мужем актрисы. Сейчас у кинозвезды, теперешнего спутника жизни которой зовут Федерико Факинетти, трое детей: две дочери — Найке и Каролина и совсем недавно родившийся сын Андреа. Каролина и Андреа — дети Федерико. Имя отца Найке, появившейся очень рано, Орнелла поклялась никогда не произносить. Старшая дочь уже совсем взрослая, и они с мамой подружки.

«Я абсолютно обыкновенная», — заявляет Орнелла репортерам. В этих словах есть и кокетство и правда. Звезды кино восьмидесятых годов в гораздо проще и демократичнее звезд прошлого. Хотя, конечно, многое зависит и от характера. «Я упиваюсь работой, — говорит Орнелла/Мути. — Хочу рожать детей, видеть людей добрыми и отзывчивыми».

Властительница дум, законодательница моды, она умудряется окружать рождение своих детей экстравагантностью. Например, Каролина, родившаяся в Калифорнии, начала «сниматься» еще в чреве матери. Беременность героини и появление ребенка включал в себя сценарий фильма. Маленького Андреа она одно время подумывала родить в России, в воде, по методу Игоря Чарковского. «Русская Орнелла поплывет на родину предков!» — можно было прочесть в итальянских журналах. Кроме того, у Орнеллы Мути твердое убеждение, что отец должен присутствовать

Анкета «Студенческого меридиана»

Дорогой читатель!

Редакция «Студенческого меридиана» приглашает вас к разговору о журнале. Ваше искреннее мнение о нем позволит сделать издание более интересным и полезным для вас. Заполните, пожалуйста, анкету. В большинстве случаев в ней достаточно обвести кружком код ответа, который соответствует вашему мнению. Если требуется расширенный ответ — впишите его в оставленное для этого место.

Фамилию указывать не обязательно. Ваши ответы будут обработаны на ЭВМ социологами Научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Заранее благодарим вас за помощь!

1. Я читаю журнал:

— первый год	01
— от 2 до 3 лет	02
— от 4 до 5 лет	03
— более 5 лет	04
2. За годы, что я читаю журнал, он стал:

— лучше	05
— хуже	06
— остался таким же	07
3. Я выписываю «Студенческий меридиан» потому, что _____
4. Кроме «Студенческого меридиана», я регулярно читаю

«Комсомольскую правду»	08
Местную молодежную газету	09

 Какие издания еще:

Газеты	Журналы
5. В приведенном вами списке отметьте галочкой (справа) те издания, которые вы выписываете.
6. Подчеркните в приведенном вами списке лучшую газету и лучший журнал.
7. Разделы, которые меня прежде всего привлекают в журнале. (Оцените их по пятибалльной системе и не забудьте обвести кружком соответствующий код):

Письма читателей	10
Учеба	11
Проблемы научно-технического прогресса	12
С компьютером в XXI век	13
Молодой специалист: начало пути	14
Комсомольская жизнь вуза	15
Нравственные проблемы	16
Переписка с психологом	17
Проблемы общения	18
Молодая семья	19
Общежитие	20
Проза	21

при рождении своего ребенка. «Двое участвуют в создании этого чуда природы, — говорит она. — И его появление нужно приветствовать вместе. Отец должен быть первым человеком, который поднесет дитя к материнской груди. Это очень важно».

«Меня удивляют женщины, утверждающие, что в полный трюг, сумасшедший мир не стоит рожать ребенка, — не родившись, он, мол, будет счастливей. А сами развлекаются, наслаждаются жизнью, пьют. «От детей раньше времени стариться», — говорят такие. Я предпочитаю подурнуть от большого количества детей, чем от алкоголя, как бездетная, некогда божественная — Ава Гарднер...»

Последняя крупная работа актрисы — роль Анжелы в фильме режиссера Франческо Роззи «Хроника объявленной смерти» по книге Г. Г. Маркеса. Эта роль является продолжением темы, начатой в фильмах «Самая красивая жена» и «Народный роман». «На роль Анжелы мне была нужна только Орнелла Мути, — сказал режиссер. — Восприимчивость к человеческому горю, умение воплощать образ невинности, а когда надо, и взрослой, опытной женщины, делают ее редкой актрисой». Как и многие другие кинозвезды, Орнелла увлекается фотографией. Она не расстается с камерой и старается запечатлеть все прекрасное, что видит: природу, детей, новые страны, города, новых друзей.

Орнелла Мути... Несмотря на то, что на широком экране зрители нашей страны видели только три из ее сорока фильмов, в Советском Союзе у зеленоглазой итальянки много друзей и поклонников. Хочется надеяться, что в свете новых решений и проделанной напряженной работы Госкино СССР, наконец, даст нам возможность увидеть последние фильмы актрисы и самим сделать выводы об их художественной ценности.

Поэзия	22
Музыкальная культура	23
Искусство	24
Физкультура в вузе	25
Другие материалы о спорте	26
Справочное бюро.	
Юридическая консультация	27
8. В этом номере «Студенческого меридиана», на мой взгляд, лучший материал	

9. Какие явления для студенчества, вузовской жизни вы считаете типичными, самыми острыми

а) положительные явления

б) негативные явления

10. Как полно об этих явлениях пишет журнал?

	Положи- тельные	Отрица- тельные
— освещает полно	28	29
— недостаточно	30	31
— не освещает	32	33

11. Как вы оцениваете уровень самоуправления в вашем вузе?

12. Ваши предложения по совершенствованию самоуправления?

13. Теперь несколько слов о ваших литературных и музыкальных интересах:

а) мой любимый писатель

б) мне особенно нравится музыка (стиль, композитор, ансамбль, певец)

14. Я мог бы посоветовать редакции журнала

А сейчас еще немного о себе:

Пол:

— мужской	34
— женский	35

Возраст:

— от 14 до 16 лет	36
— от 16 до 18 лет	37
— от 18 до 20 лет	38
— от 20 до 22 лет	39
— от 22 до 26 лет	40
— от 26 до 30 лет	41
— от 30 до 35 лет	42
— старше 35 лет	43

Учусь:

— в школе	44
— в ПТУ	45
— в техникуме	46
— в вузе	47

(укажите курс и специальность)

Профиль специализации в вузе:

— общественные науки	48
— естественные науки	49
— технические науки	50

Работаю (профессия, должность)

Учусь и работаю 51

Семейное положение:

женат (замужем)	52
не женат (не замужем)	53

Партийность:

член КПСС (кандидат в члены КПСС)	54
член ВЛКСМ	55
беспартийный	56

Моя общественная работа

Живу:

в областном городе	57
в райцентре	58
в поселке	59
в сельской местности	60

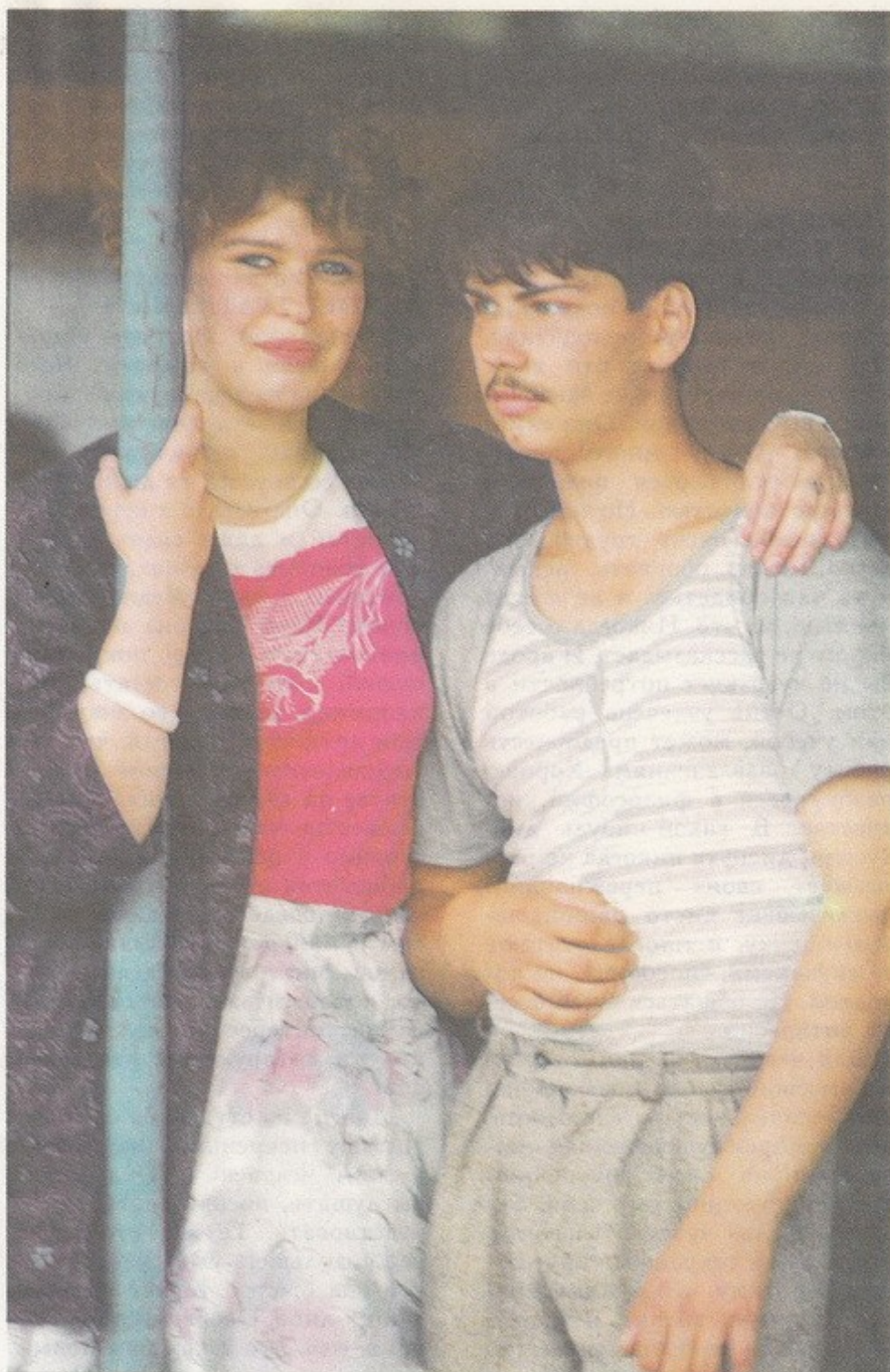

Фото В. Карева

Интроверт будет сидеть дома и читать. Общение дается ему труднее, он более раним. Он живет как бы в мире представлений, в то время как экстраверт — в мире впечатлений. Интроверт более длительно и глубоко переживает какие-либо события жизни. Иначе говоря, там, где интроверту достаточно одного-двух впечатлений, экстраверту нужно пять-шесть. Один и тот же фильм, книга воспринимаются ими совершенно по-разному.

С экстравертом интереснее, он лучше умеет рассказывать, развеселит любую компанию, увлечет ее за собой, зато с интровертом надежнее. Проведенные несколько лет назад научные исследования, посвященные изучению стабильности браков, показали, что самые прочные отношения именно у интровертов. На втором месте браки смешанные и, наконец, наиболее нестабильные семьи у экстравертов. Оно и понятно: взрослеют они медленно и даже в 25 лет могут вести себя еще как дети.

Сделаем общий вывод. Экстраверты более легкомысленны, чем интроверты, очень озабочены мнением о себе окружающих и менее впечатлительны, им необходимы ежедневные стимулы.

Все, что я успел рассказать, лишь прелюдия к познанию характеров. Это, так сказать, только родовые различия. Теперь пришла пора поговорить о разновидностях. Но сначала несколько слов о главном враге полноценного общения. Этот враг — установка, которую можно назвать эгоцентрической. Если у нас с вами имеется в наличии нечто подобное, то мы будем считать нормальным характером только свой. Все остальное — ненужные и непонятные искривления эталона. Это очень вредная позиция. Она не дает нам кого-либо понять и почувствовать. (Кстати, может помешать нам и в сегодняшнем разговоре.) Придерживаясь ее, складывается впечатление, что существуют либо хорошие, либо плохие характеры. А на самом деле это не так. Просто есть разные характеры. И для каждого из них есть более или менее опасные ситуации, где они могут показать и проявить себя не с лучшей стороны. Важно лишь

КОНСУЛЬТИРУЕТ ДОКТОР ДЕРЕШ

Ключ к пониманию

Пришло время поговорить о характерах. До поры до времени считалось, что существует как бы один отправной характер — «хороший». И представлялся он в виде чего-то круглого, обтекаемого, похожего на шарик. А вот все остальные — тот же шарик, только с вмятинками... На самом же деле существует примерно девять основных типов, совершенно отличных друг от друга.

Но все характеры, какие бы они ни были, можно разделить на две группы. Одни люди ориентированы на внешний мир, другие — на внутренний. Первые называются экстраверты, вторые — интроверты. Экстраверт — в гуще жизни, событий, реальности. С большим удовольствием встретится с друзьями, нежели прочтет книгу, предпочтет дискотеку, танцы, кино. Он любит общение, тянется к нему.

понимать, что одна и та же ситуация благоприятна для одного человека и патогенна (неблагоприятна) для другого. Но перейдем к делу.

Первый тип характера: ГИПЕРАКТИВНЫЙ

Володя на курсе самый заметный. Он всегда в приподнятом настроении, весел, разговорчив. В хороших отношениях! со всеми. Из него так и брызжет энергия. Своих недостатков, как правило, не замечает, но ему все прощают за веселый нрав. Он не очень надежен. Может пообещать и забыть. Девушкам Володя нравится за умение поухаживать, поэтому пользуется успехом. Он может запустить дела, учебу, но когда на него как следует надавят, то быстро все нагоняет, не особенно заботясь о качестве. Он полон замыслов и идей, с ним интересно, вокруг него жизнь кипит.

Вот такой характер. Патогенная ситуация для Володи — размеренность, монотонность, то есть нечто, напоминающее конвейер. Или ситуация, когда он должен долгое время находиться один, без людей; работа с бумагами не для него. А вот работа снабженца, администратора, организатора — это его стихия. В семье ему трудно и с ним трудно, он все время ищет общения, рвется из дома или приглашает домой все новых и новых друзей. Семейная жизнь удастся в том случае, если будет возможность поручать ему неординарные дела, — монотонности и скуки он не выносит. Он любит перемену мест, мелькание людей и судеб. Без этого круговорота он сникает и вянет.

Самооценка несколько завышена, он легко прощает себе те или иные промахи, недостатки, не критичен к себе. Свою вину он обычно сваливает на других. Но в то же время и легко прощает, никогда не держит зла.

В чем нуждается человек с таким характером? Помощь здесь возможна вот какая — необходимо сдержанно относиться к его подчас необоснованному оптимизму и недостаточно трезвой оценке своих возможностей. Не стоит, конечно, быть легковверным и в отношении к разворачиваемым им радужным картинам. Лучше помочь ему осоз-

нать те неприятные последствия, к которым приводит беспечность. И дело не в том, чтобы пристыдить. А в том, что его нужно научить **ЦЕНИТЬ И УЧИТЫВАТЬ**.

Второй тип характера: АУТИСТИЧЕСКИЙ

Марину на курсе уважают, но и побаиваются. Она не похожа на других, какая-то непонятная. Немного в стороне ото всех. Некоторые считают ее заносчивой и высокомерной. Она самолюбива. Очень много знает, ответы отличаются полнотой, эрудированностью. Но найти к ней подход очень трудно, она легко может оборвать, вспыхнуть или обидеться и не всегда понятно, за что. Никогда о себе ничего не рассказывает. И вроде бы не чувствует потребности в этом. Очень увлечена работой или учебой, может предпочесть работу развлечениям. Хорошо разбирается в философии, искусстве. В какой-нибудь дискуссии, диспуте никогда не раскрывает своих переживаний, высказывает чисто рациональную оценку, и многие считают ее «сухарем», способной, но холодной. Но общаться с ней всегда интересно.

Для человека с таким характером свойственна повышенная впечатлительность и ранимость, а также преимущественная ориентация на свой внутренний мир, погруженность в себя. Будучи очень чувствительными, такие люди сокращают круг общения потому, что каждый контакт для них значим и ранит. Им присущ импрессивный (то есть внутренний, в отличие от экспрессивного — вынесенного вовне, яркого, выплескивающегося на других) тип переживаний. Они хорошо чувствуют себя в ситуациях, где четко расписаны все роли и обязанности, но теряются там, где нужно проявить неформальный подход.

С такими людьми трудно в семье, особенно в тех случаях, когда они идут «на поводу» у своего характера. Ведь дело не только в том, что у нас тот или иной характер. Дело еще и в том, как к нему относиться. Глупо считать, что характер это нечто фатальное, что здесь уже ничего не сделаешь. В частности, худшее, что может сделать человек с аутистическим характером, это все больше уда-

ляться от людей, замыкаться в «своей скорлупке». Наоборот, нужно как можно больше общаться и учиться выражать во вне свои переживания, слушать других, различать, в чем их непохожесть, достоинства и недостатки.

Третий тип характера: ДЕМОНСТРАТИВНЫЙ

Основное для Наташи — нравиться всем и каждому. Чего только она не делает, чтобы произвести впечатление: часто меняет наряды, и поскольку одевается со вкусом, то добивается успеха. Она всегда в курсе всех новостей и даже сплетен. Может говорить о вещах, мало ей знакомых, но убедительным тоном. Иной раз она не прочь прихвастнуть или покривить душой. Способна солгать, что, например, знакома со знаменитым артистом, полагая, что это определенным образом действует на окружающих. Но это бывает не часто, она и так постоянно в центре внимания. А добивается этого тем, что всем своим поведением, даже голосом и манерой показывает, что самое интересное дело — это то, которым занимается она, и самая интересная история — это та, которую она рассказывает.

Многие из студентов считают Наташу искренним, добрым и чутким человеком. Она умеет выслушать, посоветовать, посочувствовать. Те же, кто знает ее подольше, уже убедились, что она быстро теряет интерес к кому-либо. Особенность Наташи в том, что с каждым новым человеком она другая. Очень тонко чувствует, какой ее хотят видеть, и «перегруппировывается», становится именно такой...

Другая особенность Наташи — легко вытеснять из сознания те или иные свои поступки, забывать о том, что она их совершила. Поэтому может совершенно искренне говорить: «Я этого не делала». Она действительно так считает. Она просто не помнит. Наташа хорошая актриса, и это ее призвание. Если ей удастся реализовать этот свой талант по назначению, все в порядке.

Основная ситуация, наиболее благоприятная для такого характера, — постоянно меняющиеся кратковременные кон-

такты. В замкнутом кругу, среди одних и тех же лиц, в однообразной работе, требующей терпения, человек с подобным характером быстро затоскует...

Итак, поведение Наташи определяется той компанией или человеком, с которым она имеет дело. С одним она будет рассудительной, с другим — распушенной, с третьим — вальяжной, с четвертым — недотрогой. Поэтому надо вводить поправку на характер Наташи, не всегда верить ее обещаниям. А ей важно выработать самоконтроль, сдержанность, видеть себя в целом.

Четвертый тип характера: ПСИХАСТЕНИЧЕСКИЙ

Игорь тихий, не очень разговорчивый. Легко смущается, краснеет. Долго переживает неудачу. Старателен, его слабое место — принятие решений. Он может месяцами обдумывать, как ему подойти к девушке, которая нравится, но так и не решиться; не знает, какие слова нужно сказать. Поскольку его контакты с людьми не очень интенсивны, то он больше занят собой, очень заботится о своем здоровье. Большой рационалист, любит всякие схемы. Постоянно занимается анализом своих ощущений, мыслей и порой переусердствует в этом. Эта привычка становится как бы «второй натурой» и ослабляет восприятие реальности.

Если человек с демонстративным типом характера легко вытесняет те или иные переживания, то в этом случае все наоборот. Он все помнит: и существенное и несущественное. Особенно патогенной для него является ситуация, когда он выступает в роли руководителя. Тогда он ночи не спит, все обдумывает, скрупулезность и добросовестность не дают ему покоя. Он хочет, чтобы все получилось в наилучшем виде, а рассудок подсовывает ему тысячи вариантов решений. Учитывая эти особенности, на Игоря не стоит взваливать выполнение тех или иных административных функций — он сможет их сделать, но это будет ему многого стоить. Кроме того, Игорю нужно помочь развить воображение и эмоциональность. Нужно, чтобы он учился действовать интуитивно, без изнурительного перебора вари-

антов. Вот почему для него особенно важны занятия тем или иным видом искусства, которое вызывает эмоциональный отклик и восприятие которого всегда связано с многозначностью, неординарностью.

Пятый тип характера: ЗАСТРЕВАЮЩИЙ

Вера сначала понравилась всем ребятам. Очень следит за собой, за тем впечатлением, которое производит. Многие замечают, на семинарах выступает серьезно, аргументированно. Ее выбрали в комитет комсомола. Все дела у нее в порядке, все разложено по полочкам; аккуратная. Но ей нравится власть сама по себе, она немного сверху смотрит на окружающих. Волевая, целеустремленная, самолюбивая, хочет, чтобы у нее было лучше, чем у других. Хочет пользоваться большим авторитетом. Все новое воспринимает с трудом, консервативна по натуре. Никогда не забывает обид и никому ничего не прощает. Если у нее не заладились отношения с человеком, она каждый раз, когда представляется возможность, не преминет ему так или иначе досадить, упрекнет, напомнит, отомстит. Любит «свести счеты». Если кто-то начинает противоречить, может резко оборвать, осадить, покажет, кто здесь главный. «Выбрали сами», «Доверили, теперь не плачьте — это для вашей же пользы» — таков ее девиз.

Что можно сказать о Вере? Это не вина, а беда, что у нее такой характер. Да, самомнение и самооценка ее повышены. Но не это главное. Главное то, что ей свойственна слишком большая инертность переживаний. Другой человек уже забыл. Она не может. Не забывается. Это не злопамятность, а стойкость переживаний. Об этой своей способности она должна знать и бороться с ней, ограничивать. Да, это человек, хорошо умеющий копить обиды, но ведь в любом из уже обсужденных нами типов характера есть свои плюсы и минусы.

С такими людьми нужно быть очень осторожными, стараться их не обижать. А с другой стороны, к их особенностям нужно относиться со снисходительностью, терпимостью, так как они часто сами страдают от этого.

Для Веры же важно научиться занимать не только командные позиции в общении, к чему она склонна, но и «низовые», «подчиненные», «на равных». Ведь и властолюбие часто объясняется в людях повышенным самолюбием и обидчивостью.

Нужно научиться видеть себя со стороны. Перед самоанализом у человека с таким характером часто бывает барьер, страх, но этот барьер стоит преодолеть.

Шестой тип характера: КОНФОРМНЫЙ

Сергею поручили сделать стенгазету. Все знали, что он немало безалаберный, чересчур живой, общительный, не прочь прогулять лекцию. Но посчитали, что это задание он выполнит. Сергей не знал, как приняться за дело. То к одному из ребят подойдет посоветуется, то к другому. Наслушается, а сам все равно ничего не делает. Не может себя организовать. Все лекции у него записаны кое-как, заниматься он садится перед самыми экзаменами. Сдает их очень неровно. Своего мнения он обычно не имеет и смотрит «куда ветер подует». Очень несамостоятельный.

Для человека с конформным характером важно «быть как все». Такие люди могут действовать, если только находят поддержку у окружающих. Они всегда уступают среднестатистическим суждениям, общему мнению. Сами по себе они очень быстро начинают скучать, метаться, искать группу, к которой им можно было прикнудить. Такими людьми охотно руководят: они несамостоятельны, привязчивы, хорошие товарищи, теплы в общении. Отсутствие собственного мнения порой раздражает, но это же не самый большой недостаток. В принципе человеку с таким характером присуща повышенная инертность — вот почему они с очень большой неохотой меняют среду, к которой привыкли. Менять свои взгляды, свои привычки в новом окружении им очень трудно.

Ситуации, которая является патогенной для них, присуща бесконтрольность и нерегламентированность деятельности. В других условиях, когда все расписано и задачи четко определены, они могут быть хороши-

ми исполнителями. Если говорить о том, какую «сверхзадачу» можно было бы поставить перед Сергеем, — это тренировка воли. Тренировка в том, чтобы научиться отстаивать свое мнение, научиться его чувствовать. Научиться тому, чтобы не идти на поводу у других.

Седьмой тип характера: НЕУСТОЙЧИВЫЙ

Дина поступила в институт. Однако на лекциях почти не появляется, проводит время в компании веселых друзей. Разбитная, разговорчивая, не воспринимает замечаний в свой адрес. Нашла себе подружку, которая стала для нее «непререкаемым авторитетом».

Смысл жизни — в развлечениях, вот ее кредо. Живи и наслаждайся жизнью, куда можно. «Все такие же, как я, только притворяются, что другие», — думает она. За нее «взялись» родители. Отец стал жестко контролировать записи лекций, посещения, подготовку. Дина преобразилась — стала усердной, активной на семинарах, оценки у нее улучшились.

Для такого человека, как Дина, смысл жизни действительно сводится к удовольствиям. Они не особенно разборчивы в развлечениях, знакомствах. Дискотеки и бары — здесь можно встретить много девушек, похожих на Дину. Чувство долга, высшие ценности вырабатываются тяжело, с большим трудом.

Ситуация, наиболее патогенная для Дины, — бесконтрольность. Однако контроль над человеком с таким характером должен быть хотя и твердым, но не жестким. Иногда он необходим в течение всей жизни. Посоветовать здесь можно одно — расширить свой жизненный опыт, общаться не только с людьми, похожими на себя. Учиться ответственности и чувству долга, самоконтролю.

Восьмой тип характера: ЦИКЛОИДНЫЙ

Характер Гали очень непонятный: у нее все время меняется настроение. То она получает одни пятерки, весела, дружелюбна и активна. То вдруг замкнется, перестает готовиться к занятиям, грустит, чуть не плачет, лица на ней нет. «Что-то

случилось?!» — спрашивают подруги. Да нет, вроде ничего не случилось... Проходит неделя, другая. Опять все как прежде. И успеваемость на высоте, и опять окружена людьми. Это и есть тот тип характера, который называется циклоидный. Циклы все время меняются. То все валится из рук, и свет не мил, то наоборот — все предстает в радужном свете.

Нужно учитывать, что на человека с таким, как у Гали, характером, влияет обстановка. Конфликты и неприятности удлиняют фазу плохого настроения, а приятные известия и удачи ее укорачивают. В фазу грусти и тоски не стоит требовать от Гали, чтобы она улыбалась. В это время работа и учеба несколько подзапускается. Но потом, во время фазы хорошего настроения, все будет нагнано. Люди с таким характером, как у Гали, как правило, добры и мудры, с ними уютно, им доверяют окружающие.

Девятый тип характера: ЛАБИЛЬНЫЙ

Алла вся в эмоциях. Постоянно чем-то воодушевлена или взволнована. То влюблена, то грустит, то ненавидит. На дню настроение у нее меняется несколько раз. И не успеваешь уследить: только что была грустная, чуть не мировая тоска и скорбь, то вдруг начинается бурная радость и веселье. Любое происходящее событие ранит, волнует, тревожит, чутко — как хороший градусник — отзывается она на все изменения психологического климата рядом с собой. Кажется, что в ней нет ничего устойчивого, что она не способна на что-либо длительное и серьезное. Даже перестаешь верить в истинность и глубину ее чувств.

Но это только кажется, что чувства Аллы ненастоящие. Настоящие, может быть, очень глубокие. Просто эмоции и чувства — разные вещи. Чувства — они в глубине, они не столь заметны. Не стоит путать одно с другим. Алла может любить не

менее верно и преданно, чем человек с любым другим характером, а то, что эмоции ярко выражены, — ее особенность. В хорошей атмосфере, при устойчивом ходе жизни, размеренности это «сверхволнение» несколько уменьшится. Хотя именно повышенная откликаемость на внешние события придает этому типу характера своеобразие и интерес.

Вот мы и рассмотрели девять типов характеров. Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки. Одни — ближе к полюсу интроверсии, другие — к экстраверсии. Одни более яркие, другие не так заметны. Есть люди, характер которых нельзя отнести ни к одному из перечисленных типов, они часто сплетаются между собой. Свою специфику, конечно, несут как мужские, так и женские характеры, но все девять типов встречаются и у тех, и у других.

Сделаем выводы и подведем итоги. Все мы разные, и надо знать свои особенности и определенным образом к ним относиться. Но нужно уметь распознавать характер другого человека и учитывать его в общении. То, что любимая пища для нас, для кого-то может быть нелюбимым кушаньем, если не ядом.

Что это за человек, какой у него характер, что является благотворным и патогенным для него? Какова ситуация, в которой он сейчас находится? Человек удручен, раздосадован, взволнован. Могу ли я ему помочь?.. Вот набор вопросов, на которые мы всегда должны быть готовы ответить для того, чтобы общение получилось. Но знание характера — это только один из ключей, необходимых в понимании человека. Характер — это еще далеко не все. Об остальном речь впереди.

Доктор Дереш

Выполняем наше обещание. Действительно, в ответ на письмо Марии Климовой «Ведь есть же парни?..» в № 7 за 1987 г. в редакцию поступили отклики. Причем очень разноплановые. Столкнулись самые противоречивые суждения и объяснения той свободы в отношениях между молодыми людьми, свидетелями которой мы подчас становимся. Проблема злободневная, и поэтому хотелось, чтобы как можно более широкий круг читателей включился в разговор. Напишите нам, что вы думаете, какие мысли у вас возникли при чтении сегодняшней подборки откликов, все ли высказывания вы считаете правомерными, нет ли искажения в представлениях о нравственности, действительно ли появилась новая «молодежная мораль», как пишет один из наших корреспондентов.

Согласна, но не совсем...

Я согласна с письмом, но не совсем. Мария утверждает, что сегодня 14—15-летняя нецелованная девушка стала предметом насмешки. Это неправда. А если кто смеется, то это дурные люди. Так делают те же 15-летние подростки, оболтусы, которых сейчас много развелось.

Лена, г. Новосибирск

Это чисто возрастное...

Прочел и подумал, что зря клевету на представительниц «слабого пола». Хотя часто наталкиваешься на «девиц», лозунгом которых стал кич, шарм и гротеск. И таких почему-то большинство, но, может быть, это только маска, правда, непонятно, для кого и для чего все это и кому от этого легче?..

Впрочем, может быть, здесь есть что-то чисто возрастное, то есть выглядеть в глазах псевдодрузей этакой «бывалой» или «бывалым». Казаться старше своих лет, принимать томную позу и т. д. Не в этом ли ответ

на вопрос о бахвальстве по поводу интимных отношений?

Но все-таки мне кажется, что в большинстве случаев это только слова, а они стоят недорого. Не говоря уже о том, что смакование разных подробностей идет не от большого ума. И от ума ли вообще?

Что же касается чистоты людских отношений, то в них надо верить, в этом у меня нет сомнений, а иначе как жить?

Я тоже порой натягиваю на себя маску циника, но мало кто знает, какой я на самом деле. Мне хочется пожелать Марии оставаться такой, какая она есть сейчас. Это трудно, но все же возможно.

Михаил, Москва

Разберись в себе

Не буду приводить примеры 30-х годов, расскажу немного о себе. Еще в школе я познакомился с девушкой. Почему-то сразу выделил ее среди других. Начали встречаться, дружить, и дружим уже шесть лет. Никогда между нами не было грубости, иронии, пошлости. Так что чистая дружба есть.

Просто нужно уметь найти людей, близких по духу, по взглядам на жизнь. Разберись в себе, пойми свое окружение.

Александр, г. Ленкорань

«Новая мораль»?

«Почему мои сверстники, не имеющие еще никакого жизненного опыта, имеют огромный «опыт» и огромную осведомленность в других, более «узких» делах? — спрашивает-констатирует Мария. — Почему сегодня в 19—20 лет не иметь «пробного брака» считается чуть ли не физической неполноценностью?..»

А я берусь это объяснить.

Прежде всего замечу, что Мария неправильно, слишком узко понимает «пробный брак», да зачем-то еще берет его в кавычки. Пробный брак — это не просто интимная связь, он включает

в себя совместное проживание и ведение хозяйства. Словом, все, кроме штампа в паспорте и детей. Она же почему-то имеет в виду лишь случайные связи.

Но не будем отвлекаться. Мария совершенно верно заметила, что герой нашего времени стал более свободным, более раскрепощенным, более вольным.

Впрочем, и героиня тоже. И это естественно, поскольку является следствием растущей демократичности современного общества. Думаю, что демократизация общественных отношений ведет к более демократичным (свободным) отношениям между людьми, в том числе и в области интимной...

«...Нельзя же всю жизнь увиливать?!» — восклицает Мария. Рано или поздно это произойдет. Сначала раз, потом другой, и постепенно ее отношение к данному вопросу изменится, уверен в этом. Она тоже будет если не «бахвалиться», то просто делиться впечатлениями со своими подругами. В конце концов, не зря ведь древние говорили: что естественно, то не постыдно.

Далее. Под «чистыми человеческими отношениями» она, как я понял, подразумевает «чистую любовь» и «чистую дружбу». Честно говоря, я, как и Мария, не встречал среди своих сверстников такой любви. Лишь один из моих друзей еще надеется встретить «настоящую любовь», что, впрочем, не мешает ему встречаться и спать со многими. (Заметьте, я не отрицаю любви: глупо отрицать нечто лишь потому, что этого никогда не видел.)

Мы живем в такой век, когда новая мораль вступает в противоречие со старой, «официальной» моралью. И от этого никуда не денешься, ибо это объективный процесс. Носителем этой новой, «молодежной» морали (назовем ее так) и является студенчество — прогрессивный слой молодежи.

Вот, пожалуй, и все. Ах да! Мария спрашивает — есть ли еще парни? Есть!

Александр Никонов, Москва

Стереотип поведения

Только не подумайте, что я защищаю мужскую половину, но я не совсем согласен с Машей. Ни для кого не секрет, что моральной распушенностью отличаются не только юноши, но, к сожалению, и девушки. Безусловно, не все. И то, что Маша не знает ни одного примера чистых человеческих отношений, по-моему, еще не дает оснований для обобщений.

Действительно, в современной жизни многие, совершенно ни о чем не задумываясь, вступают в «пробные браки» и считают это в порядке вещей. Думаю, что подобное происходит из-за стереотипа поведения, из-за узкого, неразвитого сознания. Отсюда и насмешки над нецелованными старшеклассниками.

Но ведь есть и другие. Поверьте, есть.

Сергей, г. Новоозовск

Я не верю

Я не верю в дружбу между женщиной и мужчиной, хотя раньше думала иначе. Очень скоро она превращается просто в любовные развлечения...

Вот примерно как высказался один мой двадцатитрехлетний знакомый: «У нас принято смотреть на женщину как на мать и труженицу. А видеть в ней человека, имеющего право на счастье в интимной жизни, не желают. Я просто удивляюсь нашей безграмотности в вопросах пола. Об этом мало пишут, а между тем сколько разводов происходит по причине несоответствия супругов в сексуальном плане. Надо как можно больше читать специальной литературы и стараться приобретать ранний опыт. Тогда легче будет выбрать себе мужа (жену). Ведь как бы ни были они духовно близки, неудачи в интимной жизни разрушат их любовь. Некоторые доживают до седых волос, так и не изучив «науки страсти нежной», недополучив счастья из-за элементарной необразованности и отсутствия соответствующего опыта.

Легкость поведения свойственна мужчинам. Я уже не воспринимаю это как аномалию. И великие люди в молодости были

большими повесами. Но все равно ищу в жизни другое.

Я против «свободной» любви, любви как развлечения.

Наташа, г. Тольятти

Мы взрослые люди

Мне 24 года, в этом году закончила вуз. Хочу сказать откровенно, что связи у меня были, и не вижу в этом ничего плохого. Нужно только понимать и различать их. Все мы взрослые люди, и рано или поздно это с каждым случается. Жить можно, только с человеком, который тебе нужен, тобой дорожит, уважает, которому нужна только ты. И тогда всякие плохие мысли исчезают.

Разумеется, что с каждым встречным такие вещи совершать недопустимо. О какой бы свободе между мужчиной и женщиной ни говорили. Это пустые слова! Чаще всего о них не задумываются, а говорят потому, что сказать больше нечего, чтобы оправдать свои поступки и распушенность.

Я уверена и знаю наверняка, что большинство мужчин мечтают и хотят иметь женщину, чистую душой, хотят, чтобы рядом с ними был именно друг. Они тоже стремятся к большому, светлому чувству любви, но что поделаешь, если рядом полно глупых хорошеньких девушек, которые в любой момент готовы на все. Ребятам очень трудно.

Хочу сказать, что поведение и отношение мужчины к женщине зависит только от нее самой.

Только не поймите меня однозначно. Представления Марии об интимных связях в принципе правильны, но бывают случаи, когда близость становится желанной, прекрасной, красивой и чистой. Естественно, лишь тогда, когда между вами существуют большие чувства, радость общения.

Инна, г. Минск

ПРОГНОЗЫ, ПРОГНОЗЫ

Берти Фогтс: я ставлю на ФРГ... А вы?

С 10 по 25 июня на футбольных полях Федеративной Республики Германии состоятся игры европейского первенства по футболу. Вкратце об истории этих популярных соревнований. Они проводятся с 1960 года и назывались тогда Кубком Европы. Напомним, что 28 лет назад в Париже на стадионе «Парк де Пренс» победу праздновали советские футболисты.

Впоследствии сборная СССР еще дважды становилась обладателем серебряных медалей. Но вот уже в течение двенадцати лет она никак не могла пройти сквозь сито отборочных матчей. Тем отраднее нынешний успех.

Мы попросили сделать свой прогноз бывшего чемпиона мира, победителя европейского первенства, одного из лучших крайних защитников, Берти Фогтса. Вот что он сказал: «Думаю, у себя дома сборная ФРГ вряд ли отдаст кому победу. Что касается советской команды, то для меня она является «темной лошадкой». От нее можно ждать любых сюрпризов». Итак...

1. Какой счет будет зафиксирован в матчах СССР — Голландия, СССР — Ирландия и Англия — СССР?

2. Назовите четверку сильнейших команд, которые составят полуфинальные пары?

3. Кто станет лучшим бомбардиром и сколько мячей будет на его счету?

4. Кого признают лучшим футболистом турнира?

5. Кто из советских футболистов сможет наиболее ярко проявить себя во время европейского первенства?

6. Назовите победителя финального матча.

Наиболее точно и правильно сделавшего свои прогнозы ждут призы: футбольные мячи с автографами футболистов сборной СССР. И еще: просьба ответы на вопросы нашего конкурса присылать до 10 июня.

ЗВЕЗДЫ УНИВЕРСИАДЫ

Подождем до осени

Петр Плиев

Список ходил по кругу. Его передавали из рук в руки. Кто-то просил растолковать, в чем дело, что это такое, зачем нужно, медлил...

— Эти игры не по мне, — четко обозначил свое отношение к происходящему Расюкас.

— Ну как знаешь. Обойдемся и без тебя. Нас ведь большинство, — говорили ему.

Последним узнал о происходящем старший тренер «Жальгириса» Беняминас Зелькявичюс.

— В чем дело? — поинтересовался он у «старичков». Те помялись самую малость, потом честно признались:

— Вот, подписи собираем, не хотим работать с вами, вы нас не устраиваете... Таково мнение большинства.

— Ребята, это ваше окончательное решение?

— Да...

— Тогда давайте договорим-

ся следующим образом, — сказал тренер. — Если я вас не устраиваю по каким-либо причинам, то ухожу из команды. А подписи собирать не нужно. Мы ведь с вами знаем друг друга не первый год. Я, кажется, понимаю, из-за чего происходит весь этот сыр-бор. Но сейчас не буду об этом говорить. Ставим точку. Вопрос исчерпан...

В троллейбусе до загородной базы «Жальгириса» ехать всего ничего — двадцать минут. Она расположилась в живописном сосновом бору. Сейчас здесь идет полным ходом строительство. Футбольное поле находится несколько ниже самой базы. Бенас стоит у центрального круга. На нем светло-голубая ветровка, тренировочные штаны и легкие тапочки. После крупной победы над динамовцами Москвы режим тренировки щадящий, но ребята, судя по всему, работают не жалея себя. Сезон у «Жальгириса» получил-

ся очень тяжелым. Обстоятельства сложились так, что пришлось сражаться сразу на двух фронтах: во-первых, в чемпионате страны, а в разгар сезона принять участие во Всемирной студенческой Универсиаде.

Сначала предполагалось, что «Жальгирис» будет базовой командой. Но тут начались осложнения разного характера. Трудно было собрать всех вместе, чтобы наигрывать состав. Да и тренеры неохотно отпускают на

сборы. Поэтому и приняли решение по возможности обойтись своими силами. Ведь, по существу, команда самая что ни на есть студенческая...

Зелькявичюс во время тренировок всегда на поле. Этим он чем-то напоминает тех командиров, которые вместе с солдатами испытывают на себе все тяготы воинской службы.

— Зачем вам это? — спрашиваю я.

— Не знаю, сумею ли объяснить вам... Посмотрите на поле. Кажется, нет ничего проще футбола. Поле ровное, мяч круглый. Дал пас, открылся, получил мяч — и снова пас, обводка или удар по воротам. Игра на первый взгляд проще простого. Но это не так. В футболе гораздо больше вариантов, ходов, чем в шахматах. Задача тренера — помимо техники, тактики, физической выносливости — заключается еще и в том, чтобы научить футболиста на поле вовремя принимать нужное решение.

Когда я выхожу на поле с ребятами, мы говорим на одном языке — языке футбола. Я начинаю чувствовать каждого как бы изнутри. В это время ты одновременно являешься и тренером, и учеником. Перед тобой все раскрываются. В той или иной ситуации иногда нужно проявить выдержку, педагогический такт, а иногда и решительность. Ведь одному порой достаточно сказать полслова, и он уже все понял, а с другим приходится повозиться...

Бенас считает, что тренер не имеет права на плохое настроение. Он не может вымещать отрицательные эмоции на игроках. Тренер должен находить ключ к каждому игроку. Если ему это удалось, значит, полдела сделано. Он должен волноваться и переживать за каждого. Почему, скажем, сегодня не в духе Нарбековас? Может, у него что-то стряслось дома? Чем я могу ему помочь? Таков удел тренера, считает Зелькявичюс.

...Он ушел благородно, помужски. Хотя при желании ему бы не составило никакого труда поставить игроков на место. Я не знаю, о чем думал Зелькявичюс в тот вечер накануне открытия чемпионата страны, узнав о конфликте. Наверное, все так же машинально прорабатывал какие-то пути к прими-

рению. Ведь планы, идеи, которые он вынашивал годами, рушились на глазах. А может, он думал о людской неблагодарности?

Многие сведущие в футболе люди резкий скачок «Жальгириса» вверх связывали с его именем. Конечно, и до него в команде были талантливые футболисты, но, почувствовав силу, они уезжали в другие города. Не миновала сия чаша и Зелькявичюса. Сезон-другой он отыграл в донецком «Шахтере». Его партнерами были Валерий Лобановский, ныне старший тренер сборной СССР и киевского «Динамо», Олег Базилевич... Может быть, тогда и пришла к нему мысль объединить лучших футболистов Литвы в одну команду.

Сложно сейчас предполагать, о чем думал в тот сырой весенний вечер Зелькявичюс, когда от сигаретного дыма становилось горько во рту. Может, в эту трудную минуту ему захотелось домой, увидеть жену, дочь. Рута выросла так незаметно, скоро она станет совсем взрослой... Есть такая поговорка: чем выше летаешь, тем больнее падать. Неужели это про него?..

Но, наверное, кроме личной обиды, был еще и трезвый анализ сложившейся ситуации. Он понимал, что ветеранам не под силу те нагрузки, которые он предлагал. Они хотят довольствоваться малым. Кроме того, после нескольких удачно проведенных сезонов и лестных высказываний в свой адрес они решили, что им все дозволено, что место среди сильнейших можно добыть легкой ценой. Но высшая лига — это не

вторая и даже не первая. Чтобы сохранить там место, нужно сначала решить задачу двух скоростей: движения и мышления.

...Новый тренер, что называется, шел на поводу у ветеранов. Он пустил все на самотек, справедливо полагая, что куда-нибудь да вынесет. То, что команда накапливала годами, было растеряно за очень короткие сроки. «Жальгирис» покотился в самый конец турнирной таблицы. Те же футболисты, уже раскаявшись, стали снова собирать подписи, но на этот раз против нового тренера. Когда очередь дошла до Расюкаса, он прикинулся ничего не понимающим.

— Хватит валять дурака, — сказали ему.

— Эй, ребята, вы кажется забыли, что я и в прошлый раз не подписывал?!

После этого футболисты пошли просить Бена, чтобы он возглавил команду. Зелькявичюс в высшей степени дипломат, на этот раз решил проявить характер. Он сказал, что требования ко всем будут высокие, так как команда находится в прорыве. Его спросили, не будет ли он сводить счеты со своими обидчиками. По натуре человек незлопамятный, он тем не менее сказал, что послаблений никому не будет. Команду он смог-таки вытащить, но с двумя ведущими футболистами — Данисявичюсом и Каспарявичюсом — пришлось расстаться.

— Нас в Югославии за техничный, красивый футбол, который мы продемонстрировали перед зрителями, прозвали бразильцами, — улыбается при воспоминании Зелькявичюс. — К сожалению, сейчас футбол становится более силовым. Нам неудобно играть с клубами, которые исповедуют такой футбол. Но что делать — приходится...

После того как им удалось выиграть Универсиаду, многие поняли, что за победу нужно бороться до конца и даже сделать еще чуть-чуть больше, чем можешь. А какую встречу устроили любители футбола в аэропорту своим любимцам! В ту минуту, когда их несли чуть ли не на руках, забылись организационные накладные, с которыми пришлось столкнуться команде перед отъездом в Загреб. Начать хотя бы с того, что команду не обеспечили даже формой сборной СССР. Хорошо, догадались захватить свою, клубную. Кое-кто из западных журналистов усмотрел в этом даже политическую демонстрацию, дескать, «Жальгирис» играет не в форме сборной страны. Но тренеры на пресс-конференции их тут же разочаровали. Кроме того, на месте выяснилось, что команда могла заявить восемнадцать футболистов, а не шестнадцать, как их уведомили из Центрального совета. В футболе всякое случается: вдруг два-три человека в команде получают травмы, и уже некого ставить на игру.

Возмущению ребят, впервые столкнувшихся с подобным бюрократическим отношением, не было предела. А ведь можно было обговорить и сроки проведения первой официальной встречи. По календарю «Жальгирис» проводил два матча на выезде. 4 июля команда возвратилась в Вильнюс, 5 июля должна была быть в Москве, а на другой день — в Загребе. А завтра — первая официальная встреча... Нет ничего удивительного в том, что в той игре советская команда потерпела неудачу.

Помимо всего прочего, доминировала сильная жара. Температура постоянно держалась близко к отметке +40. В прорыве все буквально падали от усталости и жары, жаловались, что нет больше сил продолжать

игру. Но по свистку судьи вновь выходили на поле.

Соперники тоже были не подарок. Сборная Югославии, например, которая недвусмысленно нацеливалась на золотые медали, была укомплектована только профессионалами, десять из которых входили в первую сборную. За студенческие команды Южной и Северной Кореи, по существу, играли олимпийские сборные.

— ...Знаете, до Универсиады мы все испытывали чувство страха оттого, что рано или поздно основной вратарь Юркус уйдет от нас. Сейчас он в полном расцвете. Но после той игры, которую показал третий голкипер Калинаускас, я не имел морального права посадить его на скамейку запасных. У меня до сих пор перед глаза-

ми, как били ему с пяти метров по воротам, а он в каком-то непостижимом броске доставал мяч из угла ворот.

Короче, созвал я всех ребят и говорю: «Создалась такая вот ситуация. Как вы скажете, так и будет». Провели тайное голосование, и в итоге большинство — за Калинаускаса. А представляете, какой это удар по самолюбию Вацловаса! Но он не подает виду: верит, что его час еще настанет. И к коллеге он относится по-товарищески. Болельщики едва на разминке овации не устраивают, когда видят, как по-рыцарски ведет себя Юркус, стараясь во всем помочь Калинаускасу.

...Рано или поздно в любой команде происходит смена поколений. Это всегда грустно, но такова диалектика футбола.

Альгимантас Мацкявичюс на протяжении долгих лет верой и правдой служил клубу. Он капитан команды. Сейчас нет-нет да и ставят его тренеры в запас. Обидно? Конечно. Другой бы опустил руки, расклеился, а он не унывает: «Пока я хоть как-то могу помочь команде, буду выходить на поле, если тренеры сочтут нужным».

А какой он обязательный человек! Как-то болела нога, поэтому был дома. Ребята, с которыми он обычно гонял мяч во дворе, позвали его сыграть за них на первенство района. Сперва хотел отказаться, потом подумал — скажут, зазнался Альгимантас, забыл старых друзей... Так и пошел играть с больной ногой...

Конечно, каждый человек со своим характером. О любом можно рассказывать без конца. Например, как Зелькявичюс из Сукристово футболиста сделал. Ведь года три-четыре назад он был весь из себя худущий и нескладный. Во всяком случае, таким казался. Те, кто его видел, удивлялись: вы думаете, этот парнишка будет играть? А Сукристов сейчас один из сильнейших в команде.

...Но вот тренировка заканчивается. На поле остаются 5—6 человек. Среди них — Мацкявичюс. Они играют в «квадрат» — есть такое футбольное упражнение. Мы прощаемся с командой, с его тренерами. Каким будет нынешний сезон для «Жальгириса»? Сумеет доказать команда, что прошлогодний взлет для нее был не случайным? Вопрос непростой. Что ж, не будем спешить. Подождем до конца сезона

Хотите верьте, хотите нет, но этот симпатичный талисман Вилли, который вы видите в руках Руты Зелькявичюте, приносит счастье. Не случайно поэтому он одет в клубную форму «Жальгириса», команда взяла его как бы на довольствие. В прошлом году Рута и Вилли не пропустили ни одного матча с участием любимой команды. В нынешней ситуации несколько сложнее. Рута заканчивает 12-й класс и будет поступать в медицинский институт. Будем надеяться, что в трудную минуту Вилли придет на помощь своей подружке.

Как шаровая молния

Итак, утром 30 октября основная часть болельщиков московского «Динамо» десантировалась на перроне вильнюсского железнодорожного вокзала.

Несмотря на холод, ребята пребывали в самом веселом расположении духа. Известно, что эти футбольные бродяги умудряются без копейки в кармане добраться до самых отдаленных городов страны. Оставим для дискуссии вопрос, что ими движет: любовь к футболу или жажда приключений...

Почему-то вдруг появляется такое чувство, что встречаемся не в последний раз. Как там у Чехова: если в первом акте на стене висит ружье, то в пятом оно должно выстрелить?.. Давайте окунемся в атмосферу стадиона, где должен состояться матч между «Жальгирисом» и столичными динамовцами.

Вот он, счастливый миг встречи с футболом. Спортсмены выходят на поле. Тут же с трибун на беговую дорожку и часть футбольного поля полетели ленты многометровых рулонов бумаги и серпантина. Мальчишки, подающие мяч, с большим трудом успевают заталкивать весь этот мусор в металлические корзины. Болельщики раскачиваются в такт много тысячному скандированию: «Жаль-ги-рис! Жаль-ги-рис!»...

На западной трибуне раскрылись два огромных, похожих на паруса полотнища, которые накрыли с головой несколько секторов.

Мяч оказывается в воротах Прудникова. Товарищи обнимают Вальдаса Иванускаса. Он ликует. Весь стадион вскакивает на ноги в едином порыве.

В перерыве я встал вместе с фотокорреспондентом за воротами Прудникова. Перед электронным табло сидят динамовские болельщики. Они еще верят, что не все потеряно. Счет 1:0 довольно зыбкий. Счастье может повернуться и в сторону динамовцев.

Но вот Сукристов забивает второй гол. Затем Якубаускас

доводит счет до 3:0. Последнюю точку в этой встрече ставит лучший бомбардир «Жальгириса» Нарбековас. Это уже больше похоже на разгром. Трибуны неистовствуют. И вот тут-то про-

исходит нечто необъяснимое. Это было неожиданно, как шаровая молния. На какой-то миг курсанты оцепления, милиционеры, которые находились тут же, застыли на месте. А в это

Самые популярные диски и исполнители 1987 года

Наиболее влиятельный в музыкальном бизнесе США журнал «Биллборд» опубликовал списки самых популярных среди американцев исполнителей и пластинок за 1987 год. Первое место заняла рок-группа «Бон Джови», а лучшим признан ее альбом «Слиппери уэн уэт» (что в переводе звучит как предупреждение о скользкой дороге). На втором месте рок-ансамбль из Ирландии «Ю-2». На третьем — певица Уитни Хьюстон (лучший исполнитель также 1986 года). За ней следуют Мадонна и английский ансамбль «Уайтснейк».

На втором месте в списке лучших альбомов после «Бон Джови» стоит Пол Саймон с диском «Грэйслэнд», на третьем — диск «Разрешение на болезнь» группы «Бисти бойз», признанной также лучшим новым исполнителем прошедшего года. Самым популярным хитом признана песня «Походка, как у египтянина» ансамбля «Бенглиз».

В других категориях первые места в основном поделили «Бон Джови», Мадонна, Уитни Хьюстон, Джордж Майкл, Фредди Джексон, Пол Саймон.

В области джаза лучшим музыкантом стал Декстер Гордон. На первом месте и его альбом — «Другая сторона круглой луны».

Самым популярным исполнителем классической музыки журнал объявил Владимира Горовица. Лучший альбом классической музыки года — «Горовиц в Москве», записанный во время гастролей известного музыканта в Советском Союзе.

По-прежнему заметно, хотя и не так, как в прошлые годы, влияние пульсирующего стиля «рэп», характерного в основном для негритянского рока. Хотя имена давно известных звезд рок-музыки вновь появились в списках хитов в 1987 году, далеко не для всех очередной дебют был удачным. Так, не получили признания поклонников последние альбомы группы «Би Джиз», Донны Саммер, Мика Жеггера и Боя Джорджа.

Владимир Мостовец

ДИСКОТЕКА

«Ловите миг удачи!»

Алексей Вейцлер

— Студенческие годы — самое прекрасное время в жизни. Это подарок судьбы!

Мик Бокс озорно улыбается — и словно две синие молнии сверкают в его глазах. Заблуждаются те, кто утверждает, что его время прошло, что он стал одним из «динозавров» в галерее рока. Нет. Этот человек — часть легенды, называемой «Юрай Хип», — по-прежнему молод. Как и тогда, восемнадцать лет назад, в самом начале...

Группа «Юрай Хип», несмотря на активный протест менеджера и охраны, преграждавших путь всем журналистам и фоторепортерам, согласилась дать интервью «Студенческому меридиану». Сразу после концерта. В гримерной.

«Они устали, не смейте их беспокоить!», «Все интервью необходимо заранее согласовывать и обговаривать с менеджером!», «К ним нельзя!», «Остановитесь!», «WAIT, WAIT, WAIT!» — и только рукопожатие Бокса решило дело: «Давайте этого парня сюда! Да-да, я помню, студенческий журнал».

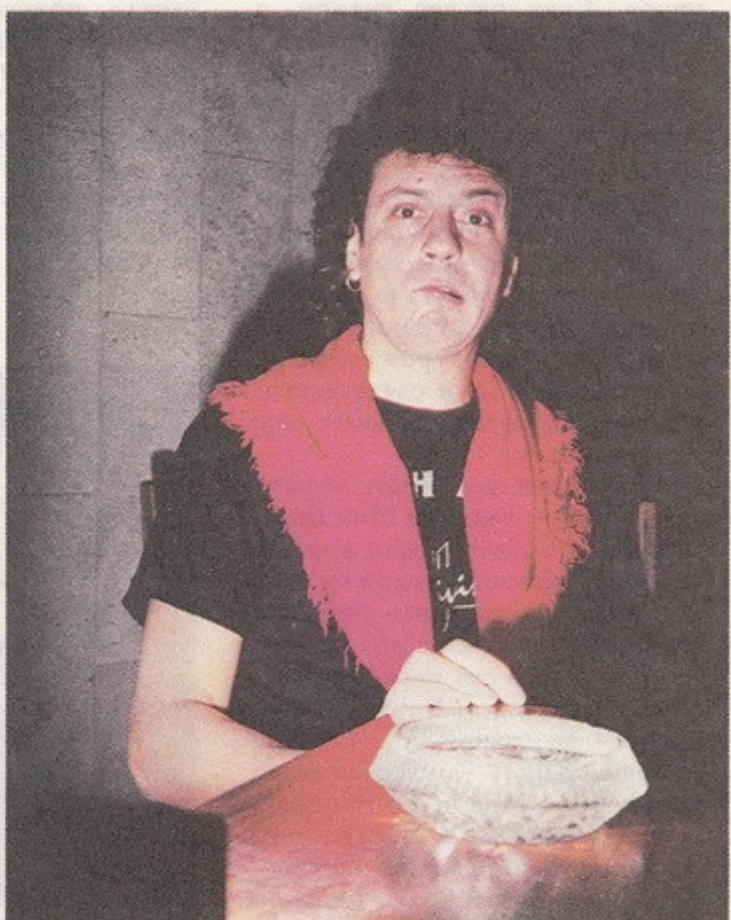
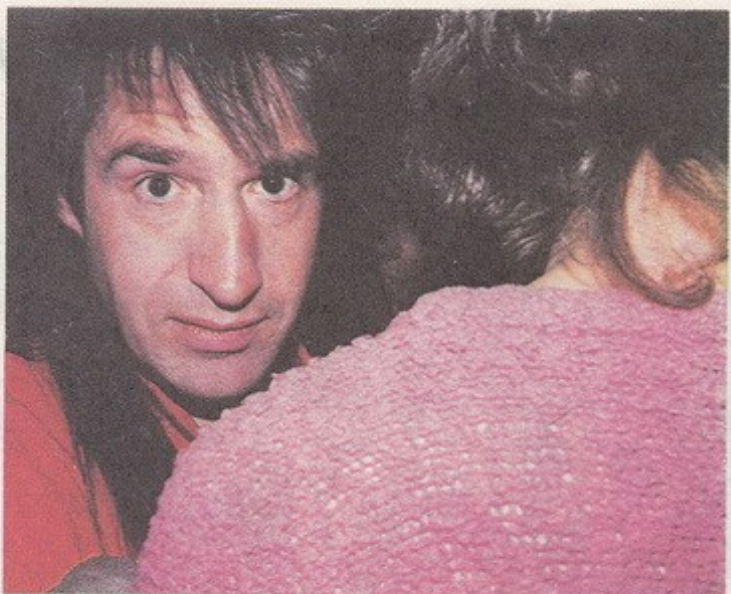
Всего несколько минут назад они спускались со сцены, еще неся в себе децибелы и киловатты, спускались в гудящую и тянущую руки толпу, летели, как кометы со шлейфом поклонни-

ков. Теперь я вижу уже не суперзвезд эстрады, не идиолов — передо мной люди. Усталые после адской работы, но радостные, удовлетворенные ее результатом.

Мик рассматривает окровавленные, сбитые о струны гитары пальцы. Бас-гитарист Тревор Болдер и ударник Ли Керслейк листают номер «Меридиана», подаренный группе. «Обязательно пришли журнал, где будет наше интервью, — говорит Мик. — Для истории». Он смеется. Солист Берни Шоу слоняется по комнате, подходит к столу, где лежат фрукты, стоят бутылки с газировкой, пьет прямо из горлышка и сияет. Фил Ланзон, похожий на цыгана, кудрявый, с серьгой и плутовскими глазами, болтает с громадным телохранителем, на майке которого задиристая надпись «Оскорби меня»...

Мик задумался.

— Учиться до чертиков трудно, — говорит он после паузы. — Но ученье — залог успехов в будущем. Чему научился, тем и будешь. Вот я играю на гитаре с 12 лет. Вы думаете, не было трудно учиться? Но необходима увлеченность. Мой сын Пул Майкл в свои десять уже постоянно торчит в гараже с «папиным подарком» — гитарой «маршалл». Говорит, что будет играть всю жизнь. Что скры-

вать, мне эти слова по душе. Я счастливый отец...

Советские студенты, как я слышал, отличаются большим упорством. Молодцы! Конечно, быть студентом нелегко. Но чем тяжелее труд, тем большее упоение получает человек. Да. Я хочу подчеркнуть: счастье — только в тяжелом труде, в работе с полной отдачей.

— Мик — человек огромного труда, — говорит солист Берни Шоу. — Он душа группы. Я играл в разных коллективах, многих музыкантов перевидал еще в Канаде. Ведь я из Ванкувера. В Англии — девять лет. Сначала играл на клавишных, потом стал петь и, наконец, встретил «Юрай Хип». И вот

год, целый год с ними. Прекрасный год. Люблю многих исполнителей, в самых разных стилях: «Уайтснейк», «Аэро-смит» — очень хорошо они делают классические вещи. Вообще, здорово было бы опять вернуться к мягкой музыке. А? Здорово было бы.

— Кстати, если речь зашла о музыкальных симпатиях, как слушатель, я поклонник джаза, — говорит Мик Бокс. — Особенно Джантера Рейнхарда, Лари Калтона, Джентера Рода и Родди Кэссел. Диско не для меня.

— Я тоже ничего общего не имею с диско или с «новой волной», — продолжает Берни Шоу. — Даже с металлическим

роком, хотя не скрою, «Аэрон Майден» мне очень нравится — сильная молодая группа, у ребят есть порыв, смелость. Но это не мой стиль. Мое сердце принадлежит мелодическому року, и я пишу песни в этом стиле. С моей точки зрения, «Юрай Хип» — это лучший мелодический рок в мире. Я так счастлив быть в их составе.

— Твоя любимая песня из репертуара группы?

— «Июльское утро». Всегда была самой любимой. Всю жизнь.

Об истории создания знаменитой песни рассказал Мик Бокс.

— Это было удивительное время. Время, когда был жив

Байрон, когда Хенкли еще не ушел от нас, не поселился в своей Луизиане. Помню, мы записали три варианта «Июльско-го утра». Три разные песни. В записи одной я не участвовал — сильно болел. Потом из этих трех и была скомпанована одна. Кстати, вот этот проигрыш «та-да-да, та-та-да-да...» — Мик поет, топорща посеребренные усы, — этот проигрыш напел я. Потом, в ходе работы он немного изменился, но моя идея была очень близка к окончательному варианту.

В синих глазах Мика далекая грусть. В концерте, перед тем, как начать играть «Июльское утро», Бокс целует гитару, а в конце песни они с ударником Ли Керслейком обязательно жмут друг другу руки. Самые старые члены группы, работавшие с Байроном и Хенсли. Видимо, «Июльское утро» является для них символом. Символом того, что они еще живы, молодые, что память о друзьях не погасла в их сердце. «Еще одно «Июльское утро» сыграно, еще раз мы смогли сделать что-то светлое, не зря прожит еще один день...»

— Мы всегда будем играть эту песню, — говорит Мик Бокс.

Тревор Болдер молча кивает. Очень активный и яркий на сцене, он немногословен и даже флегматичен в жизни.

— С семьдесят первого я выступал с Дэвидом Боуи. С семьдесят шестого — в составе «Юрай Хипа», — рассказывает он о себе. — Мне нравится наша группа, ее стиль. В Москве много фотографирую, в частности — на советской цветной пленке «Свема». Дома покажу детям — Саре и Джеймсу, они у меня уже почти взрослые.

— Я тоже уже совсем взрослый. Вырос таким дылдой благодаря матушке, — лукаво улыбаясь, вступает в разговор Фил Ланзон: он самый высокий в «Юрай Хипе» и один из лучших клавишников современного рока. — Мама закармливала меня с детства, вот я и рос. Все это происходило в таком малюсеньком районе Лондона — Крайдоне, где я, понятно, и родился. Потом стал играть на клавишных. Играл, а сам становился все длиннее и длиннее. С кем я только не играл! Всех не перечить. Потом забросил это дело, не выступал несколько лет. А в

июле 1986 года присоединился к «Юрай Хипу». Присоединился потому, что встретил свою по духу команду.

И, — Фил поднимает палец, — считайте это заявлением! В Москве очень красивые девушки!

Над прибаутками и ужимками Фила хохочет Ли Керслейк. Он выглядит старше всех, грузный, с русыми волосами, такой же усатый, как Бокс. Зал сотряснулся от восторга, когда он исполнял свое виртуозное соло на барабанах.

— Привет, — говорит он хрипло и громко. — Жаль, что я ни слова не знаю по-русски. Переведи поточней — и передай советским студентам: чтоб своего не упустили! Ловили миг удачи! Напиши обязательно! И еще, что нам нравится Москва!

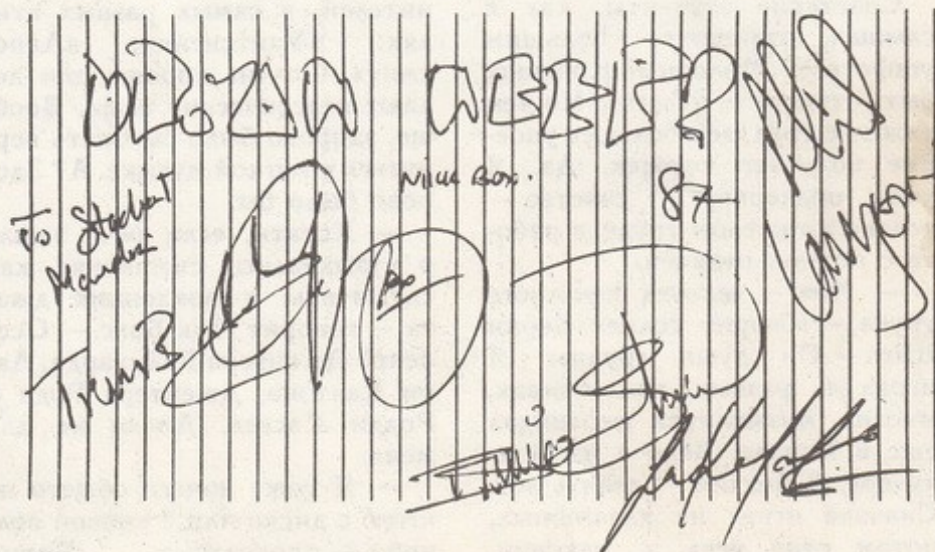
— Да, очень нравится! — улыбается Мик Бокс. — Много ездили на машине и гуляли пешком. Мы ведь первая рок-

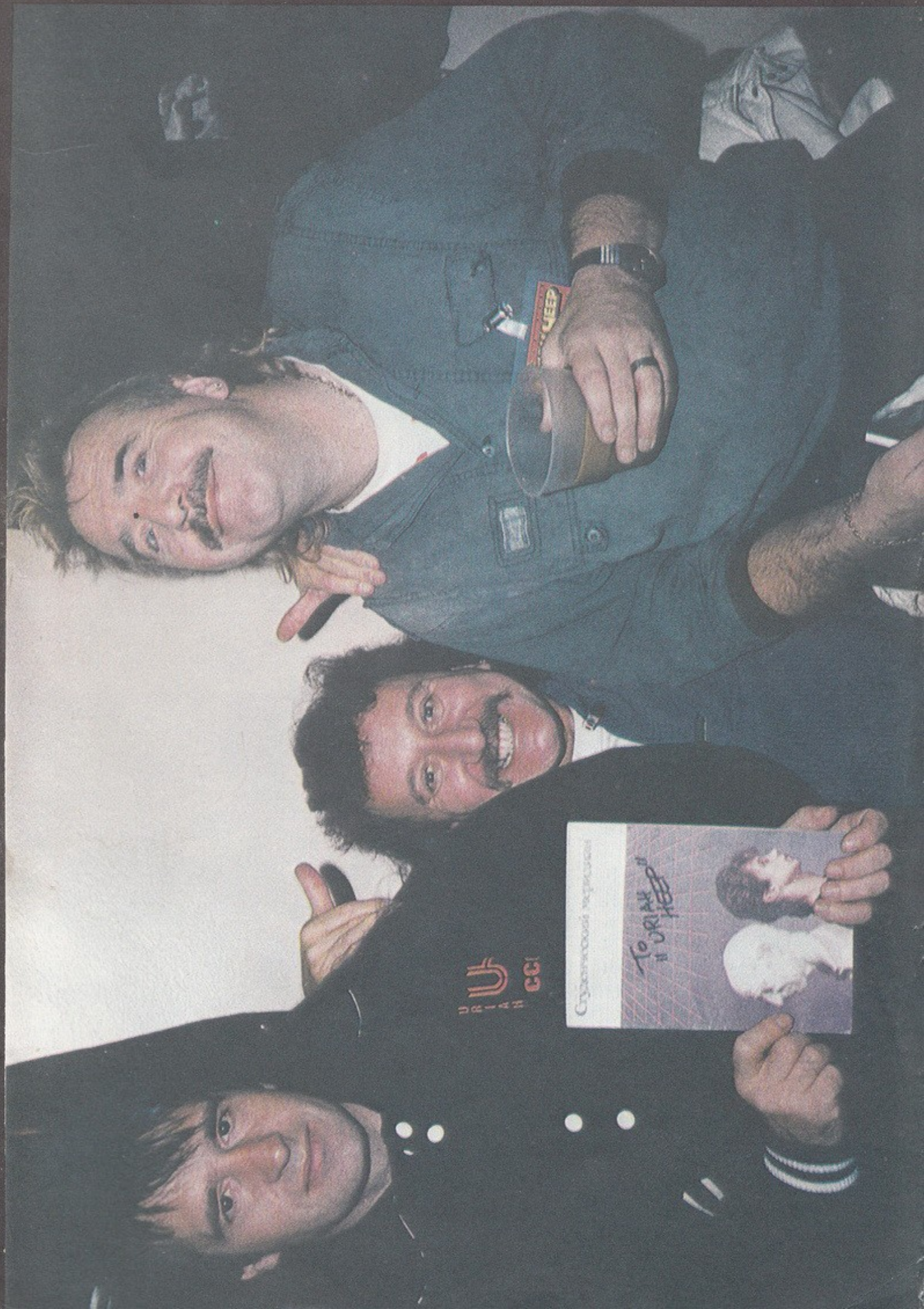
группа, которая приехала к вам. И очень горды быть первыми! Мы приехали с миссией дружбы и мира. Люди на улицах узнают нас. Пожимают руки. Обнимают. Это очень-очень приятно. Спасибо!

«Спасибо» Мик говорит по-русски и категорически заявляет: «Теперь будем приезжать каждый год!»

«Каждый год!» — кивают остальные.

От редакции. Эта встреча с «Юрай Хип» — по вашей просьбе. Напишите, с какими еще группами, музыкантами вы хотели бы встретиться на страницах нашего журнала? О каких гастролях узнать? Кстати, по многочисленным заявкам, мы готовим сейчас материал и о другой легендарной группе — «Дип Перпл». Какие вопросы вы хотели бы ей задать?

Ярославский
государственный
медицинский
институт

Ярославский государственный медицинский институт готовит врачей и фармацевтов для городов и сел Нечерноземья. Сегодня на пяти его факультетах, среди которых — лечебный, педиатрический, фармакологический, другие, учатся почти 4 тысячи студентов. Есть при вузе и ординатура. С прошлого года самых достойных в нее избирают сами студенты.

Фото А. Филатова

ЕСЛИ Я ЗНАЮ, ЧТО ЗНАЮ МАЛО,
Я ДОБЬЮСЬ ТОГО, ЧТОБЫ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ.

В. И. Ленин

